

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360

Серия

2014 / №1

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

2014 / №1

Series

ISSN 2072-8360

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»

Асмолов А.Г. – академик РАО, д.псх.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепрпетровского национального университета (Украина)

Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ

Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)

Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ

Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ

Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., проф. МГОУ

Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., гл. ред. «Литературной газеты»

Пусько В.С. – д.ф.н, проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана

Ху Гумин – д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

ISSN 2072-8360

Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2014. № 1. – М.: ИИУ МГОУ. – 134 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26139

**Индекс серии «История и политические науки»
по каталогу агентства «Роспечать» 36765**

© МГОУ, 2014.

© Издательство МГОУ, 2014.

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»

Ответственный редактор серии:

Смоленский Н.И. – д.и.н., проф.

Заместитель ответственного редактора серии:

Волобуев О.В. – д.и.н., проф.

Ответственный секретарь серии:

Федорченко С.Н. – к. пол. наук.

Члены редакционной коллегии серии:

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф.; **Журавлев В.В.** – д.и.н., проф.; **Захаров В.Н.** – д.и.н., проф.; **Фукс А.Н.** – д.и.н., проф.; **Абрамов А.В.** – канд. пол. н., доц.; **Гонзалес Дж.** – доктор наук (Исторический научный центр Рожкова, Австралия); **Могиляницкий Б.Г.** – д.и.н., проф. (Томский государственный университет); **Михайловский Ф.А.** – д.и.н., проф. (Московский городской педагогический университет); **Наталици М.** – д.и.н., проф. (Университет Сиена, Италия); **Воронин С.А.** – д.и.н., проф. (Российский университет дружбы народов, г. Москва); **Сулакшин С.С.** – д. пол. н., проф. (Центр научной политической мысли и идеологии, г. Москва)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

Issued 5 times a year

Series editorial board «History and Political Sciences »

Editor-in-chief:

N.I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor

Deputy editor-in-chief:

O.V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor

Executive secretary of the series:

S.N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology

Members of Editorial Board: **V.E. Bagdasaryan** – Doctor of Historical Sciences, Professor; **V.V. Zhuravlev** – Doctor of Historical Sciences, Professor; **V.N. Zakharov** – Doctor of Historical Sciences, Professor;

A.N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor; **A.V. Abramov**

– Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor; **J. González** –

Doctor of Science (Rozhkov Historical Research Centre, Australia);

B.G. Mogilnitsky – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk State University); **F.A. Mikhailovsky** – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow City Pedagogical University); **M. Natalici**

– Doctor of Historical Sciences, Professor (University of Siena, Italy);

S.A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor (The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow); **S.S. Sulakshin** –

Doctor of Politology, Professor (Center of Scientific Political Thought and Ideology Moscow)

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (Chairman of the Council)

O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (Deputy Chairman of the Council)

A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University

A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University

B.E. Belozerov – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)

L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU

K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)

A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU

P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University

ISSN 2072-8360

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series «History and Political Sciences». 2014. №1. – M.: MSRU Publishing house. – 134 p.

The series «History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26139

Index series «History and Political Sciences» under «Rospechat» agency catalog 36765

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru;

Site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ РОССИИ В ШКОЛЕ 8

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Кафар-заде Л.Р.</i> ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ПЕРИОДА ГОСПОДСТВА АРАБСКОГО ХАЛИФАТА НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ (ДО 705 г.)	42
<i>Павлина Т.В.</i> ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА РОССИИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИ КРАЯ).....	48
<i>Скаковский А.А.</i> СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕВОЕННОГО РАЗВИТИЯ ФРГ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ.....	53
<i>Каширина Т.В.</i> ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ В СОВЕТСКО/РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1969–2012 гг.	58
<i>Лавров Д.В.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ РФ В КРИЗИС-НЫЙ ПЕРИОД КОНЦА XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	67

РАЗДЕЛ II.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Новейшая история

<i>Зорин А.Э.</i> СОТРУДНИЧЕСТВО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	72
<i>Макаренков М.В.</i> АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ АВСТРИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ.....	79

РАЗДЕЛ III.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Дятлов В.В.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ	89
<i>Агафонова Н.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ВПК В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА г. КЛИМОВСКА)	98

РАЗДЕЛ IV.

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Артамонова Я.С., Вялкин С.А.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ	104
<i>Лутфуллин Д.Ф.</i> К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	113
<i>Меланьин М.И.</i> ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ БЕДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	117

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Абрамов А.В., Федорченко С.Н. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ИДЕАЛЬНАЯ ПАРТИЯ РОССИИ» 122

РЕЦЕНЗИИ

Иванов А.Г. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н.Б. ГОЛИКОВА. ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ КУПЕЧЕСТВО В СТРУКТУРЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ. – М.; СПБ.: АЛЬЯНС-АРХЕО, 2012 125

Алексеев Р.А. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ А.В. АБРАМОВА «12 ЛЕКЦИЙ ПО ПОЛИТОЛОГИИ». – М.: ИИУ МГОУ, 2013 128

НАШИ АВТОРЫ..... 132

CONTENTS

ROUND TABLE DISCUSSION AT MOSCOW STATE REGIONAL UNIVERSITY

PROBLEMS OF THE CONCEPT OF A UNIFIED SCHOOL TEXT-BOOK ON THE HISTORY OF RUSSIA	8
--	---

SECTION I. HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

<i>L. Qafar-zadeh.</i> INTERPRETATION OF THE HISTORY OF AZERBAIJAN UNDER THE ARAB CALIPHATE ON THE BASIS OF ENGLISH-SPEAKING AUTHORS' RESEARCH (BEFORE 705 AD)	42
<i>T. Pavlina.</i> SOURCES ON THE HISTORY OF CUSTOMS IN RUSSIA OF THE XVII – FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY (ON THE MATERIALS OF THE KOMI REGION)	48
<i>A. Skakovskiy.</i> SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF THE POST-WAR DEVELOPMENT OF GERMANY IN THE WORKS OF MARBURG SCHOOL REPRESENTATIVES.....	53
<i>T. Kashirina.</i> HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF DISARMAMENT IN THE SOVIET / RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN 1969–2012	58
<i>D. Lavrov.</i> STATE POLICY IN THE RUSSIAN BANKING SECTOR DURING THE CRISIS AT THE END OF XX CENTURY: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW	67

SECTION II. GENERAL HISTORY

<i>A. Zorin.</i> THE COOPERATION OF THE U.S. AND THE UK INTELLIGENCE ORGANIZATIONS DURING WORLD WAR II	72
<i>M. Makarenkov.</i> AUSTRIAN-RUSSIAN ECONOMIC RELATIONS AFTER AUSTRIA'S JOINING THE EUROPEAN UNION IN THE SECOND HALF OF THE 90'S OF THE XX TH CENTURY: STATUS, PROBLEMS.....	79

SECTION III. CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

<i>V. Dyatlov.</i> PROBLEM ISSUES OF USING ARTILLERY IN THE SOVIET-FINNISH WAR	89
<i>N. Agafonova.</i> FEATURES OF POST-WAR DEVELOPMENT OF THE SOVIET MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX (BY THE EXAMPLE OF THE KLIMOVSK ONE)	98

SECTION IV. POLITOLOGY

<i>Y. Artamonova, S. Vyalkin.</i> INFORMATIONAL REALITY AND POLITICAL SYMBOLS	104
<i>D. Lutfullin.</i> TO THE QUESTION OF THE MECHANISM OF POLITICAL DECISIONS ADOPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION	113
<i>M. Melanin.</i> MAIN VARIANTS OF SOLVING POVERTY PROBLEMS THROUGH THE CONTEXT OF SOCIAL STATE FUNCTIONING.....	117

SCIENTIFIC LIFE

<i>A. Abramov, S. Fedorchenko.</i> RESEARCH PROJECT «PERFECT PARTY OF RUSSIA»	122
---	-----

REVIEW

A. <i>Ivanov</i>. REVIEW OF N.B. GOLIKOV'S BOOK "PRIVELEGED MERCHANT CLASS IN THE STRUCTURE OF THE RUSSIAN SOCIETY OF THE XVITH - FIRST QUARTER OF THE XVIIIITH CENTURIES. FROM SCIENTIFIC HERITAGE" / AUTHORS: N.V. KOZLOVA, V.N. ZAKHAROV, I.E. TRISHKAN. - M.; ST.PETERSBURG: ALLIANCE-ARCHEO, 2012.....	125
R. <i>Alekseyev</i>. REVIEW OF A.V. ABRAMOV'S TEXT-BOOK "12 LECTURES ON POLITOLOGY". - M.: IPO MSRU, 2013.....	128
OUR AUTHORS	132

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 94:371.64/69

ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ РОССИИ В ШКОЛЕ: круглый стол в Московском государственном областном университете

Аннотация. Круглый стол посвящается обсуждению проблем концепции единого учебника по истории России в средней школе. Содержание выступлений участников круглого стола включает анализ наиболее значимых, острых и дискуссионных вопросов концепции: единая концепция или единый учебник, теоретические основы трактовки исторического процесса в содержании концепции, роль России в мировой истории, повседневность в изложении картины прошлого, концепция учебника и проблемы исторического сознания и др. Участниками круглого стола являлись доктора исторических наук Багдасарян В.Э. (МГОУ), Волобуев О.В. (МГОУ), Данилов А.А. (Издательство «Просвещение»), Журавлев В.В. (МГОУ), Репников А.В. (Российский государственный архив социально-политических исследований), Смоленский Н.И. (МГОУ).

Ключевые слова: учебник истории, концепция, повседневность, модернизация, теория, стандарт.

PROBLEMS OF THE CONCEPT OF A UNIFIED SCHOOL TEXT-BOOK ON THE HISTORY OF RUSSIA: Round Table Discussion at Moscow State Regional University

Abstract. The round table is dedicated to the discussion of the problems of the concept of a new unified text-book on the history of Russia for secondary schools. The participants' statements at the round table include the analysis of the most important, acute and controversial questions of the concept: whether it should be a unified concept or a unified text-book, the theoretical grounds for interpreting the historical process in the content of the concept, the role of Russia in the world history, everyday life in depicting the past, the concept of the text-book and the problems of historical consciousness, and others. The participants of the round table are Doctors of Historical Sciences V.E. Bagdasaryan (MSRU), O.Volobuyev (MSRU), A.A. Danilov (Publishing house «Prosveshcheniye»), V.V. Zhuravlev (MSRU), A.V. Repnikov (RSASPH), N.I.Smolenski (MSRU).
Key words: concept, everyday life, modernization, theory, standard.¹

© Багдасарян В.Э., Волобуев О.В., Данилов А.А., Журавлев В.В., Репников А.В., Смоленский Н.И., 2014.

Смоленский Н.И.*Московский государственный областной университет***Вступительное слово**

Президент В.В. Путин, выступая в конце февраля 2013 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям, объявил о намерении правительства создать единый учебник по истории для средней школы. Поставлена следующая задача: «Учебник должен быть рассчитан на разные возрасты, но построен в рамках единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого» [22]. Ответом на это стала поступившая на утверждение президенту В.В. Путину концепция единого учебника по истории России для средней школы, созданная специальной рабочей группой под руководством академика А.О. Чубарьяна.

Необходимость создания нового учебника истории России обосновывается в концепции развитием мировой исторической науки, накоплением новых исторических знаний, возросшим общественным интересом к событиям прошлого. К этому следует добавить ситуацию с учебниками в школьном образовании, сложившуюся в связи с реформами в образовании в 90-е годы и сохраняющую ряд существенных признаков вплоть до настоящего времени. Речь идет о вариативности образовательных программ и учебников, что было сделано без решения главного в данной ситуации вопроса: вариативность предполагает равноценность, равнозначность любого варианта из совокупности подходов к изображению прошлого, или же речь идет о поиске научно наиболее обо-

снованного из них в качестве структуры и содержания учебника? В результате этого в школьное образование было внедрено большое количество односторонних, недостоверных, порой искажающих картину отечественного прошлого учебников, что показали, в частности, баталии в прессе и других средствах информации по поводу учебников А.А. Кредера. В результате внедрившегося разрушительного разнотипа учебники могли издаваться под самыми разными грифами – Министерства образования, грифами различных мэрий, без грифов и т.д.

Дело, однако, не только в этом. Содержание исторического образования в школе и вузе в решающей степени зависит от теоретических основ понимания истории. В 90-е годы возник пестрый спектр теоретического разномыслия, что понятно в условиях утраты материалистической теорией своего монопольного положения. В связи с ее критикой или отрицанием на первый план выдвинулся цивилизационный подход, под знаком которого было написано большинство школьных учебников по истории как отечественной, так и всеобщей. Однако уже когда была очевидна проблематичность этого подхода как теоретической позиции в целом, так и в качестве основы для подготовки учебника [16, с. 103–109].

Теоретическое разномыслие, естественное в условиях отсутствия монопольного положения какой-либо разновидности теоретического варианта мышления, не освобождает, тем не менее, от вопроса: чему, какому понима-

нию отечественного прошлого учить в школе и в вузе? Свой ответ на этот вопрос дает концепция нового учебника

по истории России в школе. Рассмотрим спектр мнений по этому поводу участников круглого стола.

Багдасарян В.Э.

Московский государственный областной университет

Об идеологии историко-культурного стандарта

Поименованный историко-культурным стандартом документ включает в себя четыре компонента: пояснительная записка ко всему стандарту, пояснительные записки к разделам, перечень дидактических единиц по разделам и примерный перечень «трудных вопросов истории». Все эти компоненты слабо связаны друг с другом. Создается впечатление, что участники рабочей группы по разработке стандарта писали каждый свою часть автономно, без координации и наличия единого замысла.

В пояснительной записке ко всему стандарту указывается, что он должен основываться на культурно-антропологическом подходе, быть акцентирован на вопросах духовной жизни и этнокультурного диалога, излагать историю российской культуры как «непрерывного процесса обретения национальной идентичности». Но ничего подобного в пояснительных записках к разделам нет. Подход пояснительных записок к разделам укладывается в логику либеральной объяснительной парадигмы, представляющий исторический тренд как освобождение общества от принуждения со стороны государства. Дидактические единицы – собственно тот материал, который будут изучать учащиеся, вообще не претерпел почти никаких изменений по сравнению с прежними примерны-

ми программами. С пояснительными записками к разделам они не соотносятся. Почти единственной новацией применительно к ним явилось появление в качестве «довеска» к каждому из разделов компонента «повседневная жизнь». Наконец, многие из «трудных вопросов истории» оказываются не представлены в перечне дидактических компонентов, и учащимся, по-видимому, придется отвечать на них самостоятельно. Таким образом, задача создания единого внутренне непротиворечивого учебника истории не решается уже на уровне стандарта.

Пояснительная записка к стандарту

Главная проблема, возникающая при формировании единого учебника истории, заключается в отсутствии взятой за основу концепции исторического процесса. Деконцептуализация – основная характеристика состояния академической исторической науки. Она в значительной мере определена отсутствием запрещенной Конституцией РФ государственной идеологии. Общий взгляд на историю является ценностным (равно идеологическим) выбором. Такой выбор применительно к учебникам общеобразовательной школы делается на уровне государственной власти. Российская власть его не артикулирует.

Заложниками идеологической неопределенности оказываются объективно и разработчики стандарта.

Однако даже в неноминированном виде идеология в учебниках истории все равно присутствует. Это определяется самой природой исторического изложения. Другое дело, что в ситуации идеологической неноминированности идеология проводится латентно. Попробуем далее разобраться, что представляет собой латентная идеологическая парадигма принятого стандарта.

Существуют, как известно, различные оппонирующие друг другу объяснительные модели хода исторического процесса. Советские учебники выстраивались, в частности, на методологии формационного подхода. Разработчики стандарта от определения объяснительной концепции исторического процесса по понятным причинам воздерживаются. Между тем общественный запрос состоит в выдвигании такой концепции, которая бы обосновывала исторически единство России, специфичность ее системы жизнеустройства, задавала бы мировоззренчески ценностную матрицу ее цивилизационного бытия. С такими задачами стандарт не справляется.

В тексте пояснительной записки к стандарту ничего не говорится о специфичности российского исторического опыта. Определение России в качестве цивилизации на страницах стандарта отсутствует. Из этого надо понимать, что особой цивилизацией Россия не признается и в категориальном поле цивилизационного подхода разработчики стандарта не работают. Зато в качестве первой задачи представляемой концепции ставится достижение понимания прошлого России «как не-

отъемлемой части мирового исторического процесса». Признание наличия российской инаковости ограничивается понятием «особенности».

Ведущие российские историки прошлого, разработчики курсов отечественной истории, такие, как В.О. Ключевский, начинали изложение с характеристики месторазвития России. Природная среда, внешнее иноцивилизационное окружение являлись теми вызовами, отвечая на которые и формировалась модель российского жизнеустройства. В представленном стандарте все эти факторы игнорированы. О природно-климатической среде – ничего. Об иноцивилизационной среде, в т.ч. о перманентном вызове агрессии Запада, что А.Дж. Тойнби считал важнейшим катализатором развития российской цивилизации – ничего.

Многократно подчеркивается многонациональный и поликонфессиональный состав российского государства. Указывается на необходимость акцентировки на этнокультурном компоненте, представленном через историю российских регионов. «Авторы, – заявляется в пояснительной записке, – исходят из того, что российская история – это история всех территорий, стран и народов, которые входили в состав нашего государства в соответствующие эпохи». Безусловно, о многонациональности российской государственности говорить необходимо. Но излагаемый в стандарте подход – это, по сути, мультикультурализм. Концепт представленности множественности региональных культур без определения ядра, вокруг которого происходило их объединение в рамках единого государственного и цивилизационного пространства, может приве-

сти на деле к процессам идентификационного распада.

Школьникам представленный стандарт предлагает сосредоточиться на истории повседневности. Слово «повседневный» 25 раз отражено в перечне дидактических единиц. Конечно, тому, как жил человек в соответствующую историческую эпоху, должно быть отведено соответствующее внимание. Такое внимание, кстати, уделялось и в советских учебниках. Но вызов состоит в другом. Сама концепция микроистории была выдвинута в свое время как оппонирование марксистскому мегавременному процессному подходу. Сегодня применительно к задаче создания школьного учебника существует потребность именно в модели мегаистории, осмысливающей российское прошлое в ее целостности. История повседневности направлена на принципиально иное. Она квантифицирует исторический процесс. Драмы государств, народов, цивилизаций заменяются в ней драмой отдельно взятого человека. Существует угроза, что через бренд истории повседневности окажется дезавуирована задача концептуального представления квинт-эссенции исторического опыта России.

История России – это, прежде всего, история государства российского. Это понимание установилось еще со времен Н.М. Карамзина. Государство являлось в специфических российских условиях главным актором исторического развития. Общественные институты создавались в России главным образом усилием государства. В этом отношении российская историческая модель принципиально отличалась от западной. На Западе еще со средних

веков установилась субъект-субъектная модель отношений государства и общества. Соответствующим образом излагалась и история западной цивилизации. В России государство и общество были субъектно неразрывны. Это различие российской и западной модели разработчиками стандарта совершенно игнорируется. История России излагается по западноевропейским лекалам. Подчеркивается необходимость сместить акценты с изучения государства на изучение строительства гражданского общества. Отделение общества от государства приводит на практике к противопоставлению государственного и общественного интересов и, как следствие, к деформированной интерпретации отдельных периодов российской истории.

Из воспитательных ориентиров в пояснительной записке больше всего говорится о толерантности. Правилен ли этот ориентир? Развивая терпимое отношение к другим, можно минимизировать конфликты. Но построить единую общность нельзя. Толерантности для этого недостаточно. Нужны братские отношения. А это уже принципиально иной ориентир. Вместе с тем, есть явления, к которым граждане страны должны быть принципиально нетерпимыми.

Пояснительные записки к разделам

Удивляет устойчивость исключения из представляемых пояснительных вводных смыслообразующих событий российской истории. Исключенным совершенно оказалось все, что связано с внешними угрозами, агрессией Запада. Еще С.М. Соловьев указывал, что история России была

историей непрекращающихся войн. В пояснительных записках к разделам удивительным образом оказалось, за исключением Первой мировой и Великой Отечественной, не представлено больше ни одной войны. Нет ничего об отражении агрессии крестоносцев Александром Невским, о польско-шведской интервенции периода Смутного времени, о петровской победе над шведами в Северной войне, победах А.В. Суворова, об Отечественной войне 1812 года, о «Холодной войне»... Случайным такое игнорирование всех исторических конфликтов с Западом быть не могло. Если это не случайно, то возникает вопрос – зачем? Нетрудно предположить, что это связано с попыткой ретуширования исторического цивилизационного антагонизма Россия – Запад. А если антагонизма не было, то тогда можно утверждать о единстве России с Европой, о праве ее на включение в общеевропейский дом. Но иллюзия о бесконфликтности отношений с Западом может дорого обойтись для будущих поколений россиян.

Вызов агрессии со стороны Запада являлся важнейшим фактором истории России. Именно он определял в первую очередь мобилизационный тип российской государственности. При игнорировании же фактора внешней угрозы этот мобилизационный тип оказывается представлен в стандарте как проявление исторического запаздывания России. Отсюда, соответственно, направленность исторического процесса (тренд истории) связывается разработчиками с разгосударствлением. Либеральные реформы оцениваются в плюс (при известной оговорке об ошибочности радикального реформирова-

ния), тогда как этатистская политика – в минус. Негативно оцениваются, к примеру, попытка Александра III вести политику по «ограничению либеральных начал» и «поиску самобытных путей модернизации». Эта политика, с точки зрения разработчиков стандарта, привела «при растущем динамизме социально-экономического развития... к еще большим противоречиям в развитии страны».

Наиболее индикативно либеральная платформа стандарта обнаруживается в оценках советского периода истории. Разработчики признают наличие определенных достижений, стараются быть риторически корректными. Но общая позиция сводится к тому, что советская система была нежизнеспособна, и СССР исторически обречен. Показателен в этом отношении следующий фрагмент стандарта: «Мобилизационная модель экономики, созданная в СССР в 1930-е гг., оказалась эффективной лишь в экстремальных условиях форсированной индустриализации, войны и во время восстановления разрушенного хозяйства, когда продолжали действовать многие чрезвычайные законы военного времени. Однако в длительной перспективе мирного развития эта модель проигрывала соревнование с Западом, который в послевоенный период демонстрировал способность к эволюции <...>. В условиях научно-технической революции, ставшей частью процесса перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, выявилось отставание СССР, прежде всего, в области инновационных технологий». Экономический рост в 1950-1970-е годы объясняется в стандарте экстенсивным характером развития СССР.

То что Советский Союз будто бы проигрывал соревнование с Западом (тем более не в сфере комфортности жизни, а в динамике научно-технического прогресса) противоречит любой статистике. Темпы развития СССР были выше, отставание год от года сокращалась. По ряду параметров развитости Советский Союз вышел на первое место в мире. О какой экстенсивности можно говорить в период освоения атомной энергии и великого советского космического прорыва? Причины краха СССР следовало, таким образом, искать не в его неспособности к развитию, а в принятых руководством страны политических решениях.

Перечень дидактических единиц по разделам

Перечень дидактических единиц по разделам фактографичен. Причинно-следственные развертки, что, казалось, должно быть главным при решении познавательных задач истории, в дидактической части стандарта представлены минимально. Ряд блоков «с места в карьер» начинаются с некой историко-событийной информации, без указания на предпосылки изучаемых явлений, связи соответствующих периодов с предыдущими. Так же, без каких-либо выводов и проекции на последующий ход исторического развития, блоки и заканчиваются. По большинству разделов заканчивать раздел предлагается нарративом по тематике «повседневная жизнь».

Тем не менее определенные формулировки и здесь обнаруживают либерально-западнический ценностный пафос стандарта. Возьмем для приме-

ра раздел «Российская империя в XIX – начале XX вв.».

При раскрытии тематического блока «Этнокультурный облик империи» упоминаются различные народы России и региональные группы народов. Нет в этом перечне только одного российского народа – русских. Упоминание русских в качестве этноса (за исключением средневекового периода) отсутствует вообще во всем стандарте. Случайно ли это? В первых версиях стандарта упоминание русской идентичности применительно к XIX веку содержалось. Значит, его купирование было проведено целевым образом.

Формулировка, относимая к периоду правления Николая I – «Прогрессивное чиновничество: у истоков либерального реформаторства». Прогрессивным оказывается в такой формулировке именно чиновничество либеральной группировки, соответственно, по этой логике чиновники-державники – были ретроградами.

Российское общество раскрывается через вынесенное в заглавие тематического блока понятие «крепостнический социум». Нет сомнения, что крепостное право играло значимую роль в структурировании общественных отношений в Российской империи. Но назвать российский социум крепостническим – это уже маркер, достойный сочинений Р. Пайпса.

Дидактическая единица, завершающая блок «Культурное пространство империи в первой половине XIX в.» звучит следующим образом – «Российская культура как часть европейской культуры». Длительный спор между западниками и почвенниками стандарт закрывает однозначным утверждением о европейскости культуры

России, встает на определенную идеологическую позицию. Но ведь именно в XIX веке в период николаевского правления были сформированы национальные культурные образцы, позволявшие заявить – Россия – не Европа.

Тот же идейный подтекст содержит и другая дидактическая единица – «Западное просвещение и образованное меньшинство: кризис традиционного мировосприятия». Получается, что образованность в России представляла собой меньшинство западнически просвещенных людей. Развитие образования оказывалось в этой связке сопряжено с идущим с Запада просвещением.

Дидактическая единица «Формирование генерации просвещенных людей: от свободы для немногих к свободе для всех» звучит как либеральный лозунг. В реальности выработанные в элитаристской среде проекты далеко не все и не всегда соотносились с заявленной формулой.

Идеология периода правления Александра III определяется в стандарте как «государственный национализм». Что вкладывается в это понятие? Насколько оно правомочно по отношению к Российской империи? Единой гражданской нации во французском понимании в Российской империи не было, и задача ее формирования не ставилась. Получается, что речь идет тогда о национализме как гегемонии русской нации. Но как это соотносится с установкой на формирование толерантности?

По советскому периоду истории подобран ряд дидактических единиц, задающих в своей совокупности крайне негативный образ СССР. От историка зависит – на светлых или темных страницах прошлого должен быть сделан акцент. На какой стороне прошлого

акцентирован представленный стандарт, можно понять по следующему перечню его дидактических составляющих, относимых к периоду 1930-х годов: «Ликвидация частной торговли и предпринимательства. Кризис снабжения и введение карточной системы. Коллективизация сельского хозяйства и его трагические последствия. «Раскулачивание». Сопротивление крестьян. Голод в СССР в 1932-1933 гг. как следствие коллективизации. Результаты, цена и издержки модернизации. Утверждение «культы личности» Сталина. Малые «культы» представителей советской элиты и региональных руководителей. Партийные органы как инструмент сталинской политики. Органы госбезопасности и их роль в поддержании сталинской диктатуры. Ужесточение цензуры. Издание «Краткого курса» ВКП (б) и усиление идеологического контроля над обществом. Массовые политические репрессии 1937-1938 гг. «Национальные операции» НКВД. Результаты репрессий на уровне регионов и национальных республик. ГУЛАГ: социально-политические и национальные характеристики его контингента. Роль принудительного труда в осуществлении индустриализации. Снижение уровня доходов населения по сравнению с периодом нэпа. Деньги, карточки и очереди. Из деревни в город: последствия вынужденного переселения и миграции населения. Негативные акценты в дидактическом перечне явно преобладают количественно над позитивными.

Зачем, возникает вопрос, требовалось сразу в трех дидактических единицах акцентировать внимание на национальном компоненте сталинских репрессий? При такой акцентировке

может сложиться представление, что репрессии были направлены против национальных меньшинств, тогда как русские оказались в положение бенефициара. Каков был смысл введения дидактической единицы «Роль принудительного труда в осуществлении индустриализации». По логике заявленного многофакторного подхода, следовало тогда ввести и дидактическую единицу о роли в успехах индустриализации большевистской партии и советского руководства, а также коммунистического энтузиазма населения.

Примерный перечень «трудных вопросов истории»

Всего стандарт устанавливает 20 «трудных вопросов». В первоначальной версии был 31 вопрос. Но даже в этом небольшом перечне проявляются идеологические ориентиры представляемой разработки. Вопрос может, как известно, программировать принятие определенной позиции. Вопросительное предложение наряду с собственным вопросом несет и определенную утвердительную информацию. Так, «трудный вопрос истории» № 8 дан в следующей формулировке: «Фунда-

ментальные особенности социального и политического строя России (крепостное право, самодержавие) в сравнении с государствами Западной Европы». Крепостное право и самодержавие определяются, таким образом, не просто характеристикой определенного исторического времени, а фундаментальными особенностями. Слово «фундаментальные» предполагает, что всё прочее в цивилизационном бытии России производно от указанных институтов. Авторы разработки могли бы, например, указать на общинность, на особое значение идейно-духовного фактора. Но указано было именно на крепостное право и самодержавие, подчеркивающие имманентный недемократизм России.

Что будет представлять собой единый учебник истории России, написанный на основе представленного стандарта, вполне очевидно. Такой ли учебник мыслился президенту, когда он выступал с соответствующей инициативой? Изменить стандарт на основе отдельных поправок не представляется возможным. Нужна принципиально иная концептуальная матрица, нужен принципиально иной стандарт.

Волбуев О.В.

Московский государственный областной университет

Единый Стандарт – единый госэкзамен – и не единообразные учебники

В течение ряда лет мне довелось возглавлять московскую городскую предметную комиссию экспертов ЕГЭ по истории. Если для частей «А» и «В» КИМов (контрольно-измерительных

материалов) предусмотрена проверка соответствующей компьютерной программой, то самую сложную часть «С» (творческие задания) проверяют эксперты. Естественно, что и апелляция

проводится только по заданиям части «С». Претензии по балльным оценкам заданий носят разнообразный характер, но среди них труднопреодолимыми в ходе обсуждений с родителями, учениками и лицами, представляющими интересы экзаменуемых по доверенности, оказываются претензии, главным аргументом которых является «а этого не было в учебнике». И действительно, порой КИМы базируются на фактах и именах, или отсутствующих в отдельных учебниках, или упоминаемых вскользь. К примеру, так обстояло дело с использованием сведений о «полицейском социализме» начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова, о чем в одних учебниках можно было найти материал, а в других – нельзя было обнаружить даже упоминания об этом. Создание единой для всех учебников программы, содержащей обязательные базовые факты, термины, имена и даты, для меня было очевидной необходимостью. С этой идеей я не раз выступал, и даже один год Федеральный институт педагогических измерений (ФИПИ) включил создание такой базовой сводки фактов на основе сравнительного изучения учебников в план научной работы. Поэтому я считал и считаю, что система обучения, заканчивающаяся единым государственным экзаменом, требует наличия сводки общих установок и базовых фактов, что можно назвать «стандартом», «программой» или «концепцией» (хотя эти понятия и не тождественны). Это – наиболее надежный путь для установления соответствий между содержанием учебников и заданий ЕГЭ. Предлагаемый же некоторыми лицами путь возвращения к единственному для каждого класса

учебнику не ведет к совершенствованию учебного процесса и постоянному улучшению учебников. Монополия на знание и монополия на издание учебников вольно или невольно приводит к схоластическому обучению.

Другим объективно действующим мотивом для разработки новой концепции содержания школьного исторического является развитие исторической науки и, в частности, те изменения, которые произошли с ней в постсоветской России. В нашем историческом образовании сложилась присущая и имперскому, и советскому периодам традиция приоритета политической истории. Причем по мере приближения исторического прошлого к нашим дням политическая история оттирает историю культуры на задворки. Школьники начала XXI в. не могут представить повседневную жизнь своих недавних предков начала XX в. Для них, скажем, керогаз или примус есть нечто более туманное, нежели средневековый кухонный вертел. Но дело не только в том, что политические события заслоняют историко-культурные реалии, а главное в том, что недооцениваются, отодвигаются на второй план такие очень важные процессы, как, например, изменения в энергетической базе развития человеческого общества (переход от паровых двигателей к двигателям внутреннего сгорания и электродвигателям) или в общественных связях (мобильные телефоны, электронная почта, гаджеты и др.), да и в обустройстве семейного быта (централизованное отопление, газовые и электрические плиты, холодильники и т. д.). Влияние этих процессов на другие, – демографические, расширение сферы отдыха, углубление

индивидуализации труда, представления о месте человека в мире и т. д., – так и не стали достоянием исторического знания школьников.

Еще одной, наряду с социокультурными сюжетами, тематикой, упущенной школьным историческим образованием, является этническая история, или, если пользоваться другим понятием, история народов нашей страны. Обычно в учебниках давался материал об обстоятельствах присоединения к России той или иной территории и в лучшем случае характеризовались народы, на ней проживавшие. Но, как правило, ничего нельзя было узнать о судьбе этой территории после присоединения: как управлялась, как шли процессы ее интеграции в имперское пространство, как проходила колонизация края. Говоря иными словами, не прослеживалась ее административная, экономическая и культурная эволюция и трансформация в составе Российской империи. Замечу сразу, что дать более или менее разностороннюю картину жизни этносов все равно не удастся в рамках учебного курса отечественной истории. Давно назрела необходимость введения в школьное гуманитарное образование курса этнологии (народоведения), что можно сделать без особых сложностей за счет ужатия учебных часов, отводимых на изучение обществоведения. Удивительно, что в условиях сложившейся в нашей стране этнополитической ситуации такой курс в средней школе отсутствует.

Актуализирующие исторический опыт человечества проблемы в определенной степени уже получили отражение в «Концепции нового учебно-методического комплекса по отече-

ственной истории», особенно в разделах «Многоуровневое представление истории», «Человек в истории», «Историко-культурологический подход: пространство диалога». Я бы выделил следующие новые акценты в трактовке исторического процесса, которые в той или иной степени присутствуют в обсуждаемой «Концепции...». К ним можно отнести:

- многофакторность исторического процесса;

- сравнительно-исторический ракурс освещения российской истории: сопоставление ключевых исторических процессов и событий;

- многоуровневое видение истории: всемирная, государственно-национальная, этническая, региональная, локальная;

- место и роль России в мировой истории;

- отказ от доминирования политической истории в представлениях об общественном развитии;

- выход за границы освещения только «высокой» и «народной» культуры, выдвижение на первый план комплекса социокультурной истории.

Можно, конечно, обсуждать, насколько и как эти идеи реализованы в Историко-культурном стандарте и чего еще в нем не хватает, но главное заключается в том, что они, эти идеи, обозначены и актуализированы. И уже одно это обосновывает целесообразность появления Стандарта как основы разработки учебников нового поколения, которые в большей степени соответствовали бы состоянию современной науки и государственным требованиям к направленности воспитательного процесса в средних учебных заведениях.

Реализация Историко-культурного стандарта в учебно-методических комплексах, где должна учитываться специфика каждого класса (возрастные особенности, уровень уже имеющихся знаний и т. д.) и, тем более, специфика средних учебных заведений (обычные школы, гимназии и лицеи, техникумы и профессиональные училища, и др.), не может свестись к одному, единственному образцу-варианту. Для каждого класса (с учетом возраста и типа учебного заведения) потребуется, на наш взгляд, не менее двух-трех отличающихся друг от друга учебников. Говоря иными словами, необходим некоторый оптимум разнообразия. И дело не только в методическом аппарате и уровне сложности изложения нового материала. Один и тот же материал при соблюдении примерно одинакового уровня сложности может быть преподнесен непохоже. Есть еще такое понятие, как особенности таланта (или талантов) авторов. Возьмем, к примеру, два советского времени учебника по истории Древнего мира: Ф.П. Коровкина и Г.И. Годера. Оба учебника были высокого уровня, но и соответственно (раз высокого класса) несли на себе индивидуальный почерк создавших их авторов. Я не готов и сегодня сказать, какой из них, при одном и том же основном фактическом содержании и при одном и том же теоретическом подходе, лучший. И если у учителя есть выбор, он выберет тот, который больше подходит к его стилю преподавания и к контингенту учащихся конкретной школы.

У каждого авторского коллектива возникнут при создании учебно-методического комплекса свои проблемы, которые будут решаться в силу его

разумения, творческих и профессиональных данных. Продемонстрирую наличие таких проблем на материале отечественной истории XIX века. Если слепо следовать Стандарту, то расширение империи в южном направлении дается при изучении внешней политики в царствование Александра I и Николая I. В теме «Пространство империи: этнокультурный облик страны» фигурируют пункты «Присоединение Грузии и Закавказья. Кавказская война. Движение Шамиля», завершение же военных действий на Кавказе относится к изучению царствования Александра II. При данном, вполне оправданном, варианте мы имеем хронологически выстроенное изучение истории присоединения Кавказа к России. Но, допустим, что автор учебника избирает другой вариант изучения данной тематики, предпочитая фрагментарно-хронологическому изучению создание цельной исторической картины присоединения Кавказа. Этот вариант также позволяет раскрыть весь набор включенных в Стандарт вопросов, от присоединения Восточной Грузии в 1801 г. до окончания Кавказских войн в 1864 г. (реально, на наш взгляд, не было единой Кавказской войны в XIX в.), да еще дать как этническую и социокультурную характеристику кавказских народов, так и образование терского и кубанского казачества. Не станем обсуждать плюсы и минусы данных (и иных возможных) вариантов изложения, многое, ведь, зависит и от того, как будет подан учебный материал. Борис Акунин, сработавший на опережение, уже подготовил свой отмеченный индивидуальным талантом альтернативный вариант видения «Истории государства российского».

Хотя научно-популярная книга Б. Акунина – не учебник, она показывает, что новые учебники не могут избежать конкуренции в борьбе за «души» подрастающего поколения. И если делать ставку на единообразие учебников по всем содержательным, структурным и методическим параметрам, то в этой борьбе можно проиграть.

Видный историк-медиевист Жак Ле Гофф в книге «История и память» не без иронии заметил: «Как представляется, авторы школьных учебников полагают, что отныне история достигла своей цели и навсегда пришла к стабильности» [12, с. 39]. Не будем же обольщаться в отношении незы-

блемости и долговременности существования тех ли иных стандартов в школьном историческом образовании. Принимая их и следуя им, будем помнить, что всегда происходит смена поколений учебников, основанных на писанных и неписанных установках. Так, учебники, созданные в конце 1950-х гг., пришли на смену конкурсным учебникам 1930-х гг., почти все учебники 1990-х гг. были заменены учебниками начала 2000-х гг., а последние теперь будут уступать место новому поколению, основанному на Историко-культурном стандарте. Доколе продлится век новых учебников? На этот вопрос ответит историческое время.

Данилов А.А.

Издательство «Просвещение» (г. Москва)

Единый учебник или единая концепция?

Отвечая на поставленный вопрос, сразу отвечу: только концепция! Именно сочетание единых подходов и различий художественно-образного их воплощения может дать желаемый результат. Любая же попытка не просто сблизить позиции историков, но отразить некую единственную точку зрения на прошлое обречены на провал. И прежде всего потому, что такого единства нет и в ближайшее время не предвидится в нашем обществе.

Российское историческое общество подготовило, обсудило и серьезно доработало проект Историко-культурного стандарта. Он будет положен в основу нового УМК по отечественной истории. Но и сегодня, к сожалению, сохраняются те проблемы, которые не сняло общественное обсуждение.

Если в первоначальной версии проекта еще обозначалась, как один из главных ориентиров, задача обеспечения *включенности отечественной истории в мировые процессы*, то на завершающей стадии работы члены Рабочей группы отмечали, что эту задачу решать не следует, так как есть курс всеобщей истории в школе и начата работа по разработке такого же стандарта для нее (хотя никакой подобной работы никто не проводил и не проводит).

Другой задачей документа авторы называли показ истории не только государства, но и народов и территорий России, *формирование ее территориального пространства и многонационального народа*. Однако в ИКС данные материалы включены так и не были. Для удивленных читателей проекта

авторы припасли обещание ввести некий “новый учебный курс” в школе – “История и культура народов России”. Но, во-первых, введение такого курса невозможно из-за отсутствия часов. Во-вторых, разбивало бы целостный учебный предмет истории для школы на фрагменты. А, в-третьих, такая задача в перспективе вовсе не объясняет и не оправдывает отсутствия материала по истории народов и территорий в проекте концепции. Более того, это свидетельствует о невыполнении поручения Президента РФ в той части, которая, собственно, и служила главным аргументом в пользу создания единых учебников истории.

Тревожит в этой связи и объявленная перспектива подготовки учебника по военной истории России. Такое дробление отечественной истории на составляющие привело бы к катастрофическим последствиям, ибо уничтожило бы комплексный многофакторный подход, лежащий в основе курса отечественной истории и на который, судя по документу, опираются сами его разработчики.

Разработчики все время говорили о положенном в основу проекта *историко-антропологическом подходе*, который предполагает постановку во главу угла при изложении материала человека, его повседневной жизни, культуры и т.п. Однако достаточно взглянуть в документ, чтобы увидеть сохранение в его основе все той же политической истории, истории государства и его структур. Что вовсе и не является большим грехом, ибо история России и была всегда историей именно государства.

В документе так и не учтены в полной мере особенности нашей истории как истории страны *многоконфессио-*

нальной. В результате Рабочая группа сосредоточила внимание лишь на профессиональной политике государства, а не на истории развития самих конфессий, что провозглашалось в задачах.

На всех уровнях обсуждения разработчики заявляли о необходимости *изменить саму структуру исторического образования в школе* и предлагали от идеи концентров перейти вновь к линейной системе образования. Однако они так и не сделали никаких предложений о том, как бы выглядела такая система: в каком классе и что именно они предлагали бы изучать. Более того, ссылаясь на то, что, якобы, такую систему предлагают вернуть учителя, а не сами разработчики, авторы документа лукавят, ибо и на Всероссийском совещании учителей истории и обществознания (24 октября 2013 г.), и на расширенном заседании РИО 30 октября 2013 г. именно учителя призывали быть осторожнее с этим вопросом, ибо любое новое изменение структуры школьного исторического образования: а) нарушит основы профильной школы, провозглашенной Законом об образовании, только что введенным в действие; б) нарушит существующие межпредметные связи (к примеру, русская литература XVIII в. изучалась бы на три года раньше, чем сами события российской истории этого времени); в) в немалой степени вызовет раздражение в педагогических коллективах бесконечными реорганизациями, непродуманными в своих последствиях.

1. Уже неоднократно говорилось, что *объемы исторического знания*, предложенные в ИКС, особенно тройное увеличение числа терминов и понятий, персоналий, второстепенных событий и фактов, запоминания которых ни-

когда не требовалось, лишь усугубляет ситуацию и приведет к серьезной перегрузке всех учащихся и особенно выпускников. Более того, утверждение в окончательном виде, как обязательных, таких расширенных списков событий и персоналий, несомненно, скажется на резком падении результатов сдачи ЕГЭ. Авторам нового учебника предлагается *не «мельчить», не перегружать школьников обилием цифр, второстепенными именами, незначительными событиями*. Хорошая рекомендация. Но как ее выполняют сами авторы концепции? Они предлагают учащимся изучить 944 дидактические единицы, а также запомнить 546 имен, 362 термина, свыше 400 дат!!! Это намного больше имеющегося на сегодня в действующих учебниках. При такой насыщенности вместо 3-4 дидактических единиц на урок ученикам пришлось бы изучать не менее 16. То есть трудоемкость, о снижении которой разработчики говорили как об одной из главных задач концепции, в итоге не уменьшится, а увеличится, причем в 4 раза!

Это имеет место потому, что, несмотря на провозглашавшиеся цели и задачи, документ не был разработан в содружестве ученых-историков, методистов и учителей. Это была работа лишь представителей научного сообщества. Но история в школе – это не наука, а учебный предмет. Попытки же введения его без учета психолого-педагогических особенностей и специалистов, представляющих эту сферу, обречены на неудачу.

Вызывает искреннее недоумение предлагаемое проведение *конкурса авторских коллективов*, а не учебных текстов. В таком предложении просматривается попытка заранее определить

победителя проекта, который лишь обладает теми или иными регалиями, но никак не опытом подготовки учебной литературы по истории.

В итоге следует признать, что, несмотря на большую работу, проведенную в последние месяцы, коллектив разработчиков так и не предложил того целостного документа, который бы лег в основу единого учебника истории. На сегодняшний день мы имеем лишь уточненную (и далеко не всегда консолидированную) версию оценок российской истории, предложенную историками РАН. Это весьма неплохо, но не может быть единственной основой для выполнения поручения Президента РФ.

Кроме того, очевидно, что при подобной степени предварительной подготовки, внедрение лишь единственной линии учебников несет в себе серьезные риски, главным из которых выступает отторжение учебников учителями.

Что следовало бы сделать в этой ситуации?

Следует *перенести перечень имен и событий отечественной истории в приложение* к документу. Это снимет обязанность авторов учебников и учителей требовать непременно зазубривания материала, втрое превышающего современные объемы учебного материала.

Незамедлительно решить вопрос о *структуре школьного исторического образования*. Решение этого вопроса и даже инициатива обсуждения должна исходить от МОН РФ.

Сразу после решения данного вопроса следует объявить *конкурс учебных программ* курса «ИСТОРИЯ» под конкретное количество часов и по классам. Это позволит решить две важные задачи: а) еще до создания тек-

ста учебника достичь приемлемого решения вопроса о структуре и содержании курса, тем самым избежав рисков внедрения учебника в будущем; б) отобрать авторов программ, способных предложить лучший вариант, с целью использования их потенциала при работе над учебником.

Вслед за этим провести конкурс учебников, предусмотрев по его итогам 3-х победителей.

С учетом решения Правительства РФ о внедрении с 2015 г. электронных учебников в общеобразовательной школе, в условия конкурса должна быть включена, как непременное условие, разработка электронного учебника. При этом речь не идет о приложении CD с дополнительными материалами, а именно разработка принципиально новой модели учебника для всех используемых электронных носителей.

Следовало бы развести в ходе этой работы понятия «авторский коллектив» и «редакционный совет».

Во всей предстоящей работе необходимо учесть важное обстоятельство: внедрение на современном этапе единственного учебника истории невозможно. Поэтому следует начать с промежуточного этапа – выявления в ходе открытого конкурса 3-х победителей проекта с последующей апробацией учебников в школе.

В последующем станет ясно, какой из них будет востребован в большей мере. Он и станет де-факто единственным. «Назначение» же победителем учебника, заранее определенного в коридорах власти или руководством академического сообщества, без всякого реального конкурса, способно в современных условиях спровоцировать его массовое отторжение школой и привести к кризису не только исторического образования, но и доверия к власти и профессиональному историческому сообществу, оказавшимся неспособными решить поставленную задачу должным образом.

Журавлев В.В.

Московский государственный областной университет

Школьные учебники в свете социальных функций исторического знания

Проблемы гражданственности и патриотического воспитания вступающего в жизнь молодого поколения россиян приобрели сегодня особую остроту, актуальность и неотложность. Что и заставило Президента РФ выступить с предложениями о наведении определённого порядка в учебном процессе и содержании школьных учебников по истории России. Ответом на этот социальный и государственный запрос ста-

ла разработанная рабочей группой, состоящей из видных учёных-историков и педагогов, «Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» [9], которая, на мой взгляд, является ещё первым подходом к проблеме и, несомненно, будет дорабатываться. Но которая даёт хорошую основу для дальнейших размышлений и усилий. А в целом – для широкомасштабной работы в русле реализации тех

задач школьного образования и воспитания на материалах отечественной истории, которые к настоящему моменту приобрели, без преувеличения, масштаб и значимость проблемы национальной безопасности нашей страны. Действительно, как сможет справиться с возможными вызовами и угрозами будущего нация, не обладающая сплачивающим её чувством Родины?

Знакомство с «Концепцией нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» заставляет вновь вернуться к проблеме, размышлениями о которой мне приходилось делиться и раньше. А именно – к вопросу о социальных функциях исторического знания.

Для чего создаются учебники? Для решения какого комплекса задач образования, воспитания и социального действия они необходимы и обществу, и государству?.

Из гораздо более значительного перечня социальных функций исторического знания и образования мне хотелось бы в данном случае остановиться прежде всего на трех, как представляется, важнейших.

Первое, ближайшее и самоочевидное для всех стран и всех народов, их предназначение заключается в формировании у подрастающих поколений, выражаясь языком XIX столетия, «гражданских добродетелей»: патриотизма, социальной и гражданской активности, национальной гордости и солидарности, толерантности. Всего того, что в итоге способствует консолидации общества.

Вторая функция исторического знания состоит в формировании у человека и гражданина современного общества того, что я бы назвал *историзмом*

мышления. А именно сознательной или интуитивной способности оценивать всё, что происходит с обществом и с ним – человеком – лично с позиций опыта и уроков истории: не наступать повторно и множество раз на одни и те же грабли; не выбивать с размаху двери, которые можно вполне открыть ключами социальной и политической мудрости; будучи нацеленным на новации, не забывать о традициях как долговременной основе нашей жизнедеятельности; не начинать каждый новый этап в развитии общества с белого листа.

Наконец, третья по счету, но не по важности, функция исторического знания состоит в том, чтобы на каждом зигзаге истории содействовать обществу, предоставляя ему исторические аргументы в трудном процессе выбора из ряда альтернатив общественного прогресса своего национального пути развития. А также всячески помогать в осознании цивилизационной и обретении модернизационной идентичности на базе определенной *национальной идеи*.

Переходя к проблеме учебников по отечественной истории, хочу представить рабочий вариант того, что я лично считаю возможным трактовать как формулу национальной идеи: «*Встать вровень с передовыми странами Запада, оставаясь при этом Россией*». Её правомерно, на мой взгляд, рассматривать как выражение объективно сохранявшейся на протяжении веков вплоть до настоящего времени, хотя и принимавшей различные идеологические формы и конкретно-исторические черты, *ведущей целевой установки* российского исторического процесса. Поэтому есть все основания рассматривать данную формулу в виде

организующего начала, «путеводной нити» как в истолковании основного вектора в ходе познания опыта и уроков отечественного исторического процесса, так и в определении концептуальной направленности при создании школьных и вузовских учебников по истории России.

Важно коснуться еще одного вопроса, который требует прояснения в связи с проблемой социальных функций исторического знания и путей, форм реализации этих функций в рамках учебников по отечественной истории. Это вопрос об *идеологическом наполнении* наших учебников.

Не преодоленная по сей день в нашем обществе конфронтационная ситуация в подходе к реконструкции и оценке исторического прошлого России в немалой степени базируется на «идее» *деидеологизации* учебной литературы, что является одним из серьезных негативных факторов, тормозящих процессы стабилизации и поступательного развития страны.

Обращение к анализу школьных учебников целого ряда стран, в том числе тех, которые принято считать «продвинутыми», убеждает, что все они в той или иной мере «работают», прежде всего, на свои национальные интересы. В том числе – на обретение и поддержание идей социального мира, согласия, стабильности в рамках своего общества, упрочения имиджа страны на международной арене, а также на обоснование своих, сугубо национальных геополитических представлений и целей. А это и есть «идеология». Историческое знание с извлечением из него надлежащих уроков выступает в этом случае важнейшим и незаменимым инструментом сплочения обще-

ства с целью уверенного движения вперед.

Убедительное доказательство вышесказанному дают нам процессы, происходившие, например, в Испании во второй половине 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия в реалиях переходной эпохи от авторитарного режима Франко к современному демократическому обществу. В отличие от событий наших 1990-х гг., испанский «социальный транзит» был осуществлён сравнительно безболезненно: без значимых социальных потрясений и социального отката, без развала государственности, без аномии, без стрельбы из танков по парламенту... Выявляя впоследствии факторы, обеспечившие именно такое течение непростых трансформационных процессов, испанские обществоведы на первое место из них поставили следующий: испанскому обществу удалось «договориться о прошлом».

Что значит «договориться о прошлом» для нас, граждан России начала второго десятилетия XXI столетия от Рождества Христова?

Прежде всего, не скрывая в этом прошлом ничего сложного и драматического, не обходя острые углы, но ни в коей мере не забывая обо всём позитивном, извлечь из отечественного исторического опыта *конструктивные* уроки. «Человечество, – справедливо замечал в свое время американский писатель и издатель XIX – начала XX века Кристиан Нестел Боуви, – частично вознаграждается за великие бедствия великими уроками, которые из них вытекают» [1, с. 9].

Действительно, нам важно сегодня воззвать к жизни и усвоить именно *великие* уроки прошлого. Уроки, которые

вознаграждают нас сегодня социальной и политической мудростью, предупреждают от повторения бед прошлого, которые сплачивают общество, «работают» на его консолидацию, не тянут из прошлого в настоящее баррикады революций и фронты Гражданской войны. И в этом, кстати, правомерно усматривать ещё одну важную социальную функцию исторического знания и образования.

Прямая или косвенная поддержка крайностей в освещении нашей сложной но великой истории и моды на «социальный мазохизм» способна нанести только вред и государству, и обществу. Ибо историческое знание только тогда проявляет в полную силу свои социальные функции, когда способствует консолидации общества и содействует упрочению основ государственности.

Знакомство с «Концепцией» убеждает, что сходными соображениями (или близкими к ним аргументами) её создатели в той или иной мере подспудно руководствовались. Можно только пожалеть, что они не выражены «открытым текстом» в преамбуле обсуждаемого документа. Особенно это, на мой взгляд, важно было бы сделать в отношении упомянутой выше ложной, дезориентирующей общество идеи «деидеологизации», за модной вывеской которой нам предлагается отказаться от осмысления социально значимого опыта нашей сложной, но великой истории, от извлечения из этого опыта необходимых уроков в назидание и поучение себе и потомкам.

Что я вкладываю в понятие «идеология школьного учебника»? Отнюдь не навязывание молодому человеку каких либо «бесспорных» идейных по-

стулатов и политических установок. Взамен бесстрастной информации о прошлом («добру и злу внимая равнодушно, не ведая ни жалости, ни гнева») и в противовес дурной моде на охаивание своей истории материал учебника призван давать цельное видение прошлого Отечества. Систему представлений, дающих ключ к постижению по крайней мере трёх краеугольных параметров исторической судьбы своей страны и своего народа: «Откуда мы пришли, кто мы, куда идём». Именно такое название ещё в XIX столетии дал своему программному полотну французский художник Поль Гоген.

В качестве одного из базовых принципов, положенных в основу «Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории», выступает *«воспитательный потенциал исторического образования, его исключительная роль в формировании российской гражданской идентичности и патриотизма»* [9]. При этом в данном учебно-методическом документе, как, впрочем, и во многих других, понятие «патриотизм» рассматривается как нечто аксиоматическое, не требующее специальных пояснений, якобы однозначно понятное и школьнику, обращающемуся к учебнику, и учителю, организующему учебный процесс с его образовательными и воспитательными функциями.

Между тем на протяжении веков российской истории, начиная, по крайней мере, с XVIII столетия, проблема патриотизма как мировоззренческой установки и стимула гражданской активности личности получала многократное и многозначное истолкование.

В 1802 году – в обстановке энтузиазма и больших надежд на благо-

творные перемены, всколыхнувших мыслящую часть русского общества в связи со вступлением на престол Александра I, – в журнале «Вестник Европы» появилась статья «О любви к Отечеству и народной гордости». Н.М. Карамзин, автор статьи, уже известный к тому времени писатель и мыслитель, дал чёткую, хрестоматийно известную формулировку: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях» [7, с. 232].

Однако, будучи уверенным, что данное понятие «требует рассуждения – и потому не все люди имеют его» (Там же), будущий автор «Истории государства Российского» выделяет три вида любви к Отечеству: физическую, моральную и политическую.

Справедливо полагая, что первые два вида способствуют сближению соотечественников, он не идёт дальше – к признанию того, что патриотизм в идеологической и политической своей ипостаси как раз является источником разобщения граждан, разделения их, подчас острого и конфликтного, по убеждениям и политическим предпочтениям. И в этом свете формальная универсальность данной Карамзиным формулировки на деле выглядит призрачной, ибо несовпадение мировоззренческих и политических идеалов неизбежно ведёт и к разному пониманию того, что есть благо и слава Отечества.

Неизбежность эта наглядно проявила себя три с лишним десятилетия спустя, в условиях уже николаевской России, реалии которой подвигли другого истинного патриота своей страны – П.Я. Чаадаева – на беспощадные обобщения и выводы: «Мы принад-

лежим к нациям, которые, кажется, не составляют ещё необходимой части человечества, а существуют для того, чтобы со временем преподать какой-нибудь великий урок миру. Нет сомнения, что это предназначение принесёт свою пользу, но кто знает, когда это будет?». И далее: «Мы растём, но не зреем; идём вперёд, но по косвенному направлению, не ведущему к цели» [21].

Годы, десятилетия и даже без малого два столетия, минувшие с тех пор, не лишили актуальности, более того, злободневности, этих горьких умозаключений провидца, объявленного своими современниками сумасшедшим. К прозрениям этим последующие русские мыслители неизменно обращались в пору крупных исторических поворотов. «На русской революции, – писал П.Б. Струве в 1921 году, – оправдалась идея одного из величайших умов России, одинокого Чаадаева... Мы потерпели крушение государства от недостатка национального сознания в интеллигенции и народе» [17, с. 439].

Перечитывая Чаадаева, и сегодня поражаешься актуальности многих его пророчеств и оценок ряда исторически сложившихся и долговременно действующих свойств и черт нашего, как сегодня модно говорить, национального менталитета. А если проще – характерных черт и свойств национальной души и национального характера. В ткани которых содержится много достойного уважения и восхищения, что делало Россию на протяжении веков Великой державой. Но есть и такие долговременные черты нашего национального характера и типа социального поведения, которые требуют критического к себе отношения, а так-

же «мук преодоления» в свете осмысления и учёта ошибок, провалов и заблуждений прошлого.

Это такие, например, свойства нашего менталитета, как (по Чаадаеву): «Нам должно молотом вбивать в голову то, что у других сделалось привычкой, инстинктом» [21, с. 42]. Или же: «Старые идеи уничтожаются новыми, потому что последние не проистекают из первых...» [21, с. 42].

История XX столетия дважды, по крайней мере, наглядно продемонстрировала, что, казалось бы, благие стремления нации одним махом разрушить всё старое и на его развалинах построить нечто совершенно новое и прекрасное, оборачивались не удвоенным прогрессом, а тем, что страна откатывалась в своём развитии далеко назад, судорожно «отыгрывая» впоследствии многое из того, что было бездумно отброшено и разрушено в периоды «бури и натиска».

И разве не характеризуют с удивительной точностью приметы эпохи 90-х годов прошлого столетия, памятных, конечно, в первую очередь старшему и среднему поколению, обобщения П.Б. Струве, сделанные мыслителем – в русле методологии Чаадаева – на базе анализа революционных процессов начала того же столетия: «Толпы людей металась в дикой погоне за своим личным благополучием и в этой погоне разрушили историческое достояние предков»? [17, с. 440].

Так в чём же заключается патриотизм? В том, чтобы *только* славить Отечество и гордиться им или же в том, чтобы видеть и извечно слабые, уязвимые стороны российского типа исторического развития страны, образовывая и предостерегая себя, своих

современников и потомков? Конечно же, говорят нам наиболее прозорливые мыслители разных эпох, он должен заключаться и в том, и в другом. Но – *и это главное* – в таком точно замеренном уроками истории соотношении, какое иницирует и укрепляет наше стремление идти вперёд, а не двигаться вспять или же топтаться на одном и том же месте.

Таким образом, всем своим содержанием учебники по отечественной истории должны подводить учащихся к осознанию того, что истинная цена патриотизма определяется не словами, а делами, реальными социально-политическими следствиями тех или иных патриотических деклараций и усилий по их воплощению в жизнь. Речь при этом идёт не о «лакируемом» примитивной пропагандой, а о глубоко осознанном, активном, действенном патриотизме.

К числу несомненных новаций «Концепции» следует отнести введение в неё раздела «Человек в истории», ратующего – в духе историко-антропологического подхода – за «человеческое наполнение и измерение истории» (выделено мной. – В.Ж.).

Первую составляющую данного подхода («человеческое наполнение истории») предлагается осуществить таким образом, чтобы «в учебниках было отражено присутствие человека в конкретных событиях» [9, с. 7]. Что и реализуется в «Концепции», в том числе в виде рекомендуемого к каждой теме списка заслуживающих упоминания и оценки – с позиций исторического опыта – персоналий: государственных, военных, общественных, религиозных деятелей, выдающихся представителей культуры, науки и об-

разования. Конкретное содержание данных перечней к тем или иным разделам учебного курса оставляет поле для дискуссий, но сам принцип их введения вполне рационален и необходим.

Вторая же составляющая историко-антропологического видения прошлого («человеческое измерение истории»), думается, требует дополнительных пояснений.

Семь с небольшим десятилетий назад известный французский историк Люсьен Февр в тяжкую для своей страны пору фашистской оккупации (1941 г.) в статье с непривычно звучащим тогда названием «Чувствительность и история» с горечью писал: «Подумать только – у нас нет истории Любви! Нет истории Смерти. Нет истории Жалости, ни истории Жестокости. Нет истории Радости» [19, с. 123].

С тех пор такие труды заявили о себе в зарубежной и начинают появляться в отечественной историографии. Труды, создаваемые в русле концепций цивилизационного и антропологического подходов, в том числе на базе теоретических работ школы «Анналов», идеологом и основателем которой был Люсьен Февр в нерасторжимой связке с Марком Блоком.

Суть данного подхода состоит в «одушевлении» истории, в том, чтобы усматривать в Человеке главное мерило исторического процесса и исторического прогресса, а его значимость и итоги оценивать через внутренний мир погруженной в ту или иную эпоху личности.

Именно испытав на себе воздействие суровой действительности первой половины XX столетия – времени двух мировых войн и серии революционных потрясений на пространствах

Европы – историческая наука стала менять акценты в подходе к анализу прошлого, превращаясь, в первую очередь, в область человековедения, а затем уже – обществоведения. А сами историки все более приобретают облик – по терминологии друга и соратника Люсьена Февра в рамках школы «Анналов», Марка Блока – «сказочных людоедов»: «Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча» [2, с. 18].

Антропологический подход к познанию прошлого, помимо всего прочего, наносит чувствительный удар по до сих пор бытующему в нашей исторической публицистике (и перекочевавшему отсюда во многие учебники) анахронизму. Этому, по определению Люсьена Февра, «смертному греху для историка». Когда обращаясь к прошлому начинает приписывать ему современные ценности, морализировать и рассказывать, по существу, о самом себе, вместо того, чтобы заставить говорить людей другой эпохи [15, с. 15–16].

Антропологический подход находит своё выражение, в частности, в таком направлении реконструкции прошлого, как история повседневности, свидетельствующая о том, что какие бы громкие события ни совершались в ту или иную эпоху, человек продолжает жить в кругу своих каждоневных забот и дум.

Сформулированная в «Концепции» установка на «расширение материала о повседневной жизни людей» [9, с. 7] важна, но недостаточна.

Воссоздание в учебнике внешних обстоятельств жизни отдельных поколений должно стать лишь прелюдией для «погружения» школьника во внутренний мир людей той или иной эпохи. Выявить и доходчиво показать, о

чём думал простой человек, что он любил и что ненавидел, в чём видел смысл своей жизни, насколько комфортно или дискомфортно было его каждодневное существование и, главное, мироощущение и т.д. – значит, подойти к уяснению истинного значения того или иного исторического этапа. Ибо две исходных составляющих нашего бытия и сознания – Человек и История – взаимодействуют в неудержимом потоке времени по типу сообщающихся сосудов, когда История раскрывает себя через Человека, а Человек – через Историю.

Важной составной частью «Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории» является помещённый в конце этого документа перечень «Трудных вопросов истории России» (трудных с точки зрения преподавания истории в школе). Всего этот перечень включает в себя 20 позиций, примерный набор которых в целом не вызывает возражений. На их основе предлагается «подготовить серию тематических модулей, методических пособий и книг для учителей, а также дополнительных справочных материалов, соотносящих наиболее распространённые точки зрения на эти события [9, с. 80].

Однако в ходе доработки документа и осуществления этой широкомасштабной работы следует, на мой взгляд, большее внимание уделить не только анализу сложных *событийных* коллизий исторического прошлого, но и доходчивому раскрытию *сущностных* проявлений российского типа модернизационных процессов.

Ограничусь лишь одним примером. Наиболее слабым звеном, «ахиллесовой пятой» отечественной политической системы на всех поворотных, судьбо-

носных этапах ее истории оставалась проблема перехода власти от одного политического лидера страны к другому.

Прерыв династии Рюриковичей породил Смуту, борьба царевны Софьи с молодым Петром – стрелецкие бунты, схватка двух ветвей царствующего дома Романовых (ведущих свое начало от Петра и от его брата Ивана) – цепь дворцовых переворотов в XVIII веке, династический кризис после смерти Александра I – восстание декабристов, свержение монархического режима в феврале 1917 года – в конечном итоге к Гражданской войне, смерть В.И. Ленина – кровавую вакханалию самоутверждения И.В. Сталина в качестве единоличного вождя системы. Борьбе с соперниками посвятил почти половину времени, отведенному ему историей на реформы, и архитектор «оттепели» Н.С. Хрущев. Нетерпеливый реформаторский азарт – на ниве самоутверждения – молодого М.С. Горбачева, сменившего когорту консервативно настроенных генсеков – старцев, не будучи подкрепленным необходимым опытом и мудростью государственника, обернулся глубоким кризисом не только Системы, но страны в целом, и распадом СССР, к которому приложил свою тяжёлую руку Б.Н. Ельцин.

Из всего этого также нужно извлекать необходимые уроки, которые могут оказаться (и уже оказываются на деле) полезными и в современных нам реалиях. Например, в определении и достижении наиболее эффективных путей и форм совершенствования избирательной системы, повышения чистоты самого избирательного процесса, освобождения его от грязных технологий, обеспечения прозрачности подсчёта голосов и т.д. Всего того,

что способно гарантировать на будущее высокие и *непререкаемые* стандарты легитимности власти и её перманентной подконтрольности обществу, закрепить чётко выработанные правила перехода «штурвала» управления государством из рук в руки.

Ведь история, по существу, и важна нам в первую очередь тем, что она

способна оказывать (при правильном усвоении её уроков) благотворное воздействие на современность. Представляя собой – в её познавательной и, главное, *побудительной* части – «непрерывный диалог настоящего с прошлым» (по крылатому выражению выдающегося историка Отечества К.Н. Тарновского).

Репников А.В.

*Российский государственный архив
социально-политической истории (г. Москва)*

В учебниках должна быть определенность

Среди многих сотен стихотворений В.С. Высоцкого есть одно, в котором он писал о необходимости осторожного отношения к истории, сравнивая «и даты, и события, и лица» прошлого с минами, которые «зарыты в нашу память на века» [5]. Поэт, всем своим творчеством неоднократно отрицавший какую-либо лакировку исторических событий, предупреждал:

*В минном поле прошлого копаться
Лучше без ошибок, потому,
Что на минном поле ошибаться....
Нет! Не удавалось никому.
Один толчок – и стрелки побегут,
А нервы у людей не из каната,
И будет взрыв, и перетрется жгут....
Ах, если люди вовремя найдут
И извлекут до взрыва детонатор!
... Разглядеть, что истинно, что ложно,
Может только беспристрастный суд.
Осторожно с прошлым, осторожно –
Не разбейте глиняный сосуд... [5]*

Историческая наука несет идеологическую функцию, но значит ли это, что история выполняет в обществе

только эту миссию? Важно еще и то, что называется нравственной составляющей. Наконец, история не может не воспитывать. Писатель и философ Юрий Мамлеев в одном из своих интервью верно отметил: «Технические дисциплины делают специалиста, а человека делают человеком гуманитарные предметы и религия. Самое главное в русской литературе не социальные даже вопросы – а вопросы о человеке. Нужно учить понимать именно человеческое содержание классики. На тот свет мы уходим не с технологиями, а со своей душой» [8]. Подчеркну, что здесь важна не только религиозная, но и культурная составляющая. Гуманитарные науки, а прежде всего история, обращаются не только к разуму, но к душе и совести.

Историю зачастую используют для того, чтобы кого-то разоблачать или восхвалять. Но ведь и жизнь каждого человека, как отмечал М.Ю. Лермонтов, тоже история. Его связь с прошлым своей страны и со своим народом – тоже история. В этом отношении

гуманитарные науки позволяют осознать преемственность между прошлым и сегодняшним днем, а когда эта преемственность уничтожается, то мы получаем общество, у которого нет ни традиций, ни прошлого, не будущего. Происходит разрыв между поколениями, что сказывается в первую очередь на молодежи.

Полагаю, что при обращении к истории нашей страны важен еще и такой момент, как память о «болевых точках» прошлого. Я не имею в виду смакования «кровавых» страниц истории, а говорю об искренней боли. Современный писатель Владислав Крапивин заметил: «Иногда обострение боли – это медицинский способ излечить и душу, и действительность. Иногда ее надо обострять, чтобы человек оглянулся, спохватился, возможно – ужаснулся... и, может быть, попытался бы в мире что-то изменить. Жить с закрытыми глазами все равно нельзя» [10]. Изучение истории помогает, образно говоря, «держат глаза открытыми», но есть граница между стиранием «белых пятен» прошлого и «чернухой». Если взять американский, французский, немецкий и т.д. учебник истории, то там нет самобичевания. На уровне монографий, конечно, анализируются и неприглядные страницы прошлого, но там иные требования, а на уровне учебника происходит формирование отношения к обществу, к стране и здесь нужно быть осторожным в оценках.

И тем более нельзя использовать в школьном учебнике непроверенную информацию. В погоне за сенсациями в учебники иногда попадали и откровенно сфальсифицированные тексты, выдаваемые за документы. В

вышедшем уже после смерти историка А.Г. Кузьмина сборнике его статей «Мародеры на дорогах истории» есть актуальный раздел «Исторические фальшивки», в котором, в частности, сказано: «Ложь историческая может держаться столетиями, становясь чем-то вроде бы само собой разумеющимся... На историка прямо или косвенно давят силы, представляющие государственный, национальный, классовый и узкогрупповой интерес. При этом большинство понимают интерес как сиюминутный... С точки зрения профессионализма, знание источников и фактов хотя и недостаточное, но совершенно обязательное требование. Между тем, воспользовавшись общим развалом страны, ее экономики и идеологии, бросившим и историческую науку в нокдаун, на страницы массовой печати хлынул поток дилетантских фантазий, чаще весьма ядовитого содержания... И историки обязаны остановить потоки лжи, по крайней мере, на уровне фактов» [11, с. 164–165].

Архивистам хорошо известно, что в прошлом любой страны есть «черные страницы», государственные секреты и т.п. Великобритания засекретила материалы о полете Р. Гесса. На Западе, периодически вспоминая о пакте Молотова – Риббентропа, «забывают» о том, что было в Мюнхене. Кто, кроме историков, вспомнит, какие территории получила Польша после раздела Чехословакии? Кто у нас, кроме специалистов, слышал про договор от 26 января 1934 года между нацистской Германией и Польшей, или про польский лагерь Тухола для советских военнопленных? В СССР «шкафы со скелетами» были открыты в период перестройки. С одной стороны, это позволило ликви-

ровать многочисленные «белые пятна» в советском прошлом, но, с другой, – был нанесен удар по «несущим конструкциям» государства.

В любом государстве и обществе должно быть то, на чем можно воспитывать – *пример для подражания*. Должны быть свои герои. Некоторые историки отмечают, что той скрепой, которая на фоне стремительно терявшей популярность официальной идеологии объединяла людей в последние десятилетия существования СССР, была Великая Отечественная война. И даже и не столько сама война, сколько связанная с ней героика. При этом могли смеяться над Брежневым, но не смеялись над ветеранами. Война и победа оставались как нечто объединяющее. В период перестройки критическая волна бьет по знаковым, как сейчас говорят, фигурам Великой Отечественной (Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и т.д.). И дело здесь не в дискуссиях о том, насколько был значим с военной точки зрения подвиг Матросова. Важно другое – если отказываются от одних героев, то на их место приходят другие, так как природа не терпит пустоты.

В учебниках должна быть определенность. Подчеркну – не ложь, не восхваление всего и вся, а определенность. Обращаясь к современным героям и антигероям, нужно отметить еще одну особенность. Стоит появиться позитивному образу (на уровне общественном, властном ли, не важно), который берут в качестве примера, как начинается волна критики. Конечно, «безгрешных» людей мы в истории не найдем, но странная страсть к «разоблачению» всех и вся заслуживает отдельного разговора.

Дело еще и в цинизме, с которым «препарируется» в том числе и то, что «препарировать» небезопасно. Приведу один пример: в период перестройки я сам видел по телевизору юмористическую передачу, типа КВН. На сцену выходит небритый мужик в телогрейке и хриплым голосом поет: «Я сегодня до зари встану, сам себе налью и сам тресну, у соседа оторву ставню, все равно я здесь один – местный... А степная трава пахнет химией, я недавно завыл на луну... и т.д.». Зал смеется и аплодирует. А ведь была когда-то песня о Великой Отечественной войне: «А степная трава пахнет горечью... просыпаемся мы и грохочет над полночью то ли гроза, то ли эхо прошедшей войны». Те, кто тогда смеялся над этой пошлой переделкой, не должны удивляться тому цинизму и нигилистическому отрицанию, которые взошли из посеянных некогда зерен!

И еще очень важно помнить, что гуманитарная наука в принципе не сможет выйти на самофинансирование. Есть энтузиасты, которые пишут хорошие работы, но не могут их напечатать. А эти книги были бы полезны и для государства, и для общества. Есть немало хороших работ, но, выходя тиражами в 50, 100 или 500 экземпляров, они слабо введены в научный оборот и зачастую недоступны не только для широкого читателя, но и для исследователя (об этом сегодня говорилось). В Москве и Санкт-Петербурге эту проблему помогают решать библиотеки, а в провинции можно полагаться или на личные связи, или же на интернет-ресурсы.

Еще одна проблема, – это вытеснение книг из интеллектуального пространства. Пару лет назад автор этих

строк лично лицезрел выброшенное на помойку собрание сочинений В. Шекспира. А вот психолог, лингвист, логопед Инна Богородицкая в недавней публикации сообщает: «Одна из проблем, с которой я постоянно сталкиваюсь, это книгобоязнь у детей. Многие настолько ненавидят книги, что при чтении у них начинаются проявления соматического характера – например, нервное покашливание, тики» [3, с. 10].

Наконец, в рейтинге продаж частую лидируют сочинения на исторические темы, написанные публицистами, которые хватают интересную тему, выхлещивают, «выжимают», и, выстроив «сенсационную концепцию», бегут дальше. Выходит, что пока будут делать одно тщательно вычитанное издание документов, выйдет пять или десять изданий с кучей ошибок. Наука в принципе, и тем более наука гуманитарная нуждается в поддержке. В этой связи публицист Владислав Гулевич отмечает: «Гуманитарная сфера действительно забыла о своем предназначении. Рынок медленно покоряет всех, и только у самых стойких хватает решимости отвергнуть житейский постулат римского плебса “Хлеба и зрелищ!” ... Если мы позабудем о духовности, о том, что человек, кроме желудка, имеет еще и душу, наше общество окончательно скатится в ту самую бездну, которая уже давно всматривается в нас так пристально» [6].

Отмечу, что публикация архивных документов может оказать большую помощь историкам в их работе. После 1991 года отечественные и зарубежные исследователи получили доступ к ранее закрытым архивным материалам. Это не только радостное событие для историков, но и большая ответствен-

ность. Особое значение в таких условиях приобретает проблема публикации исторических источников, а перед современными археографами встают задачи, которые нужно решать на высоком профессиональном уровне. Это тем более важно сейчас, когда прилавки магазинов заполнены исторической попсой, начисто лишенной научного аппарата, а иногда и содержащей ссылки на документы, созданные с помощью сканера и фотошопа.

Новые мировоззренческие ориентиры, связанные с утверждением государственных институтов и структур Российской Федерации после 1991 года и до настоящего времени, привели к тому, что существенным образом изменилась и тематика публикаций. Теперь исследователи получили доступ к ранее закрытым материалам. В связи с этим актуальной представляется задача разработки комплекса методических рекомендаций по подготовке документальных публикаций с учетом актуальных направлений современной науки и публикаторской практики. Ценность современных публикаций документального наследия прошлого объясняется, помимо прочего, возможностью введения в научный оборот источников без каких-либо идеологических купюр и изъятий. Расширение информационного пространства существенно меняет принципы публикаторской работы. С 1992 года с участием архивных учреждений Российской Федерации было издано более тысячи сборников документов. Объем некоторых из них превышает тысячу страниц. Публикационная деятельность архивов представлена, в частности, такими изданиями, как «Советская военная администрация в

Германии», альбомом «ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР», серией каталогов «Особых папок» И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, В.М. Молотова, сборниками «Черновые протокольные записи заседаний Президиума ЦК КПСС (1954-1964 гг.)», «КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х - первой половине 1960 гг.», «Большой спорт и большая политика», фундаментальными изданиями «Коминтерн и Вторая мировая война»; «Атомный проект», «Переписка И. Сталина с Л. Кагановичем», «Зимняя война. Работа над ошибками», «История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1901-1963», «Россия и США: экономические отношения. 1917 – 1941», «”Тянут с мужика последние жилы...”: налоговая политика в деревне (1927-1937)» и др.

Сотни сборников уникальных документов, которые теперь стали доступны исследователям, должны, наконец, положить предел всевозможным псевдоисторическим спекуляциям. Действительно, труд публикаторов сложно переоценить. Эти люди помогают по крупицам восстанавливать историческую правду. Постепенно, хотя и медленно входят в научный оборот материалы многотомных серийных изданиях документов: «Трагедия советской деревни», «“Совершенно секретно”»: Лубянка – Сталину о положении в стране...», «История сталинского ГУЛАГа», сборники, по-

священные деятельности Коминтерна и советских спецслужб.

Отмечу многотомный научно-исследовательский и публикаторский проект «Политические партии России. Документальное наследие», который начал реализовываться в 1994 году. К настоящему времени в рамках этого проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ) и выпущенного в свет в рамках издательской программы «Российской политической энциклопедии» (РОС-СПЭН), вышло более 40 томов. Проект включает в себя документы и материалы основных российских партий, в том числе и эмигрантских групп, охватывая период с 80-х годов XIX в. до середины 30-х годов XX в. Издание не имеет аналогов в российской и зарубежной исторической науке. Объем серии составляет более 2000 печатных листов и включает в себя около 7000 источников, подавляющая часть которых впервые вводится в научный оборот. В 2002 году Указом Президента России В.В. Путина руководители этого проекта были отмечены Государственной премией Российской Федерации в области науки и техники.

Работа над учебником, знакомая мне как автору вузовских и школьных учебников, – долгая, тяжелая и ответственная. Поэтому только общими усилиями можно добиться позитивных результатов в данной области, и трудиться тут придется долго.

Смоленский Н.И.

Проблема исторического сознания в концепции единого учебника по истории России

Концепция единого учебника содержит ряд важных в научном, учебно-воспитательном и социально-политическом плане проблем. Едва ли не самой острой и остающейся на неопределенное время во многом дискуссионной является проблема изложения, интерпретации и оценки советского периода отечественной истории. Отношение к советскому прошлому – это не только проблема научного исторического познания и исторического образования в школе и вузе, но и проблема исторического сознания как связи времен – прошлого, настоящего и будущего в сознании миллионов. Конечно, ощущение, понимание соотношения прошлого, настоящего и будущего в этом сознании формируется прежде всего реальной действительностью, состоянием общества, но к этому имеет прямое отношение историческое образование всех его уровней. Историческое образование в школе является одним из первичных и важных, хотя и не окончательных по своим результатам, источников формирования исторического сознания.

Сегодня состояние этого сознания является во многом разорванным, клочкообразным, что говорит о его кризисе; обусловленность этого – в глубине общественных перемен, связанных с изменением общественного строя в стране. Фактором, разделяющим многих, выступает отношение к советскому прошлому и его оценка. Приведем примеры двух вариантов этого отношения.

– «Мы должны загадить социализм, как мухи засиживают лампочку (А.Н. Яковлев, бывший член Политбюро ЦК КПСС)».

– «С захоронением Ленина мы оставим позади эпоху. Коммунизму же нужно поставить памятник из колючей проволоки и забыть о нем» (Б. Немцов)[20].

– «4 октября исполнится двадцать лет со дня символического завершения главного эксперимента XX века под названием «Вся власть Советам», или «Построение коммунизма в одной отдельно взятой стране». Он начинался с выстрелов «Авроры» по Зимнему дворцу в октябре 1917 года и закончился танковым огнем по Верховному Совету в октябре 1993-го. Он обернулся миллионами жертв политических репрессий, голодомором крестьянства, истреблением и бегством из страны научно-творческого генофонда нации» (Э. Тополь, писатель) [18]. Ничего положительного в советском времени он не находит, кроме, по его школьным воспоминаниям, близких, дружеских отношений учеников различных национальностей.

– В изданной в 2012 г. книге «Российская идея. Становление и история, разрыв и возрождение. Россияведение, или теория России. Истоки и бессмыслие советского коммунизма» ее автор И. Чубайс стремится вычеркнуть правду из памяти о советском прошлом и ведет с ним беспощадную войну, в которой антисоветизм отбивает ему память.

– «...перегибание палки в сторону романовской России и неприятие советского периода отечественной истории нынешним министром культуры грозит продолжением борьбы с собственным прошлым – только теперь уже с монархических позиций». И далее: «Стремление максимально дистанцироваться от недавнего советского прошлого заставляет власть искать ответы на ключевые вопросы в событиях далекого XVIII века» (О. Бондаренко, политолог, по поводу открытой в Манеже выставки «Романовы») [4].

– «...насаждаемое ныне некоторыми силами видение нашего прошлого – империя Романовых была земным раем, а революция 1917 г. стала результатом заговора кучки отщепенцев, – это, с моей точки зрения, тот же самый Покровский, но с противоположным знаком» [14] (имеется в виду однозначно негативная оценка дореволюционного прошлого России в учебниках М.Н. Покровского. – Н.С.).

Приведенные примеры – дело не только в их количестве, хотя и это важно – свидетельствуют о ситуации кризиса исторического сознания, выражающегося в стремлении утвердить беспмятство по отношению к тому, что было, – у одних и сохранить в сознании связь времен – у других. Преодоление этого является проблемой российского общества в целом, а не только исторического образования. Что же касается исторического опыта, уроков истории, то они однозначно свидетельствуют о том, что культивирование беспмятства по отношению к тем или иным страницам прошлого обречено: сделать бывшее не бывшим не удавалось никому. У сторонников реализовать беспмятство есть одно

очевидное основание: связь времен рвется, что происходит в периоды резких общественных перемен (революций и т.д.), но она и восстанавливается, и ни одно поколение людей не в состоянии начать жизнь с нуля. Яркий пример тому – опыт советского прошлого в области исторического образования в первое десятилетие советской власти, что закончилось в 1934 г. постановлением ЦК ВКП(б), как своеобразным свидетельством восстановления связи времен в области исторического образования, но и не только в нем. С течением времени связь времен с опорой на дореволюционное прошлое становилась все более глубокой. Классическим примером попытки сделать бывшее не бывшим было отношение просветителей к средним векам, как к периоду мрака, невежества, нелепой случайности, ошибки истории: история пошла не так. Прошло совсем немного времени – по меркам истории – и период средних веков занял свое место в области исторического познания и массового исторического сознания. Послевоенные десятилетия в общественной атмосфере ФРГ в связи с дискуссией об отношении к нацистскому прошлому («непреодоленное прошлое» – «Unbewältigte Vergangenheit» – также не закончились его вычеркиванием из страниц учебников и сферы исторического сознания). Если это ничему не учит российских либералов сегодня, то дело только в них.

Какое, однако, это имеет отношение к концепции единого учебника? Фундаментальное значение для формирования основ исторического сознания в школьном обучении имеет следующий тезис концепции: «В 1917 г. началась Великая Российская ре-

волюция, которая прошла в своем развитии ряд этапов, известных как февральская и октябрьская революции 1917 г., Гражданская война, подъем антикоммунистических восстаний в 1921 г.» [9, с. 29]. По отношению к событиям 24-26 октября применяется выражение Октябрьский (с большой буквы – Н.С.) переворот [9, с. 33], однако дело уже не в словесных обозначениях: октябрьская революция не выглядит в данном случае в качестве негатива, не вычеркивается из цепи событий, а выступает в качестве важного звена, подготовленного предшествующим этапом развития и имеющего важные – положительные и отрицательные – последствия в будущем отечественной истории. В каком содержании и стиле это будет выражено в учебнике, покажет время, фундаментальное же значение имеет тезис, согласно которому признается, а по отношению к массовому историческому сознанию это означает – восстанавливается связь времен дореволюционного и советского периодов отечественной истории. Примерно о таком же смысле тезиса о связи времен можно говорить и применительно к оценке в концепции советского прошлого, его позитивных и негативных сторонах и признаках. Следует отметить: этот подход важен не только по отношению к существующим школьным учебникам, имеющим определенные признаки и свидетельства связи времен, но прежде всего к состоянию современного массового исторического сознания. Речь идет не о том, чтобы не допускать или преодолеть разрыв связи времен в тех или иных случаях формулировки позиций, аналогичных приведенным ранее примерам, а доби-

ваться этого в массовом историческом сознании. Историческое образование является в данной связи только одним из источников, к которым следует отнести также средства массовой информации, культуру и т.д. В целом же это проблема, наиболее глубокие пороки которой уходят в реальную действительность, состояние общества.

Разрыв связи времен в сознании в любом его содержательном варианте – это попытка внести беспамятство по отношению к какому-либо времени, процессу, явлению, что диктуется структурой сознания, индивидуально-го или массового, для формирования которого, в свою очередь, необходимо наличие ситуации переходного характера, характеризующейся также разрывом связи времен той или иной его глубины. Уход от каких-то признаков, черт исторической реальности не означает, что эти признаки возвращаются – не в этом состоит смысл доказанного опытом истории тезиса о том, что связь времен рвется, но она и восстанавливается. В каждом случае характер разрыва связи времен, так сказать, избирателен, но общим во всех его вариантах является то, что формирование предпосылок перемен, нового никогда не лишается своей опоры в прошлом, напротив, подготовлено им и вытекает из него. В этом – проявление неустранимой логики развития истории, степень реализации назревшего может быть самой разной, что зависит от практической деятельности людей, которая может быть успешной лишь с учетом понимания возможности степени радикальных перемен как разрыва с прошлым, мере их подготовленности. Французская революция конца XVIII в. в период якобин-

ской диктатуры зашла дальше, чем это могло быть реализовано, что привело к откату в развитии Франции послереволюционной поры. НЭП в советской России означал откат от первоначально задуманного варианта радикального разрыва с прошлым в построении нового общества.

Таким образом, разрыв связи времен в реальной действительности, в практической деятельности людей означает различный по степени радикальных перемен переход к новому. Связь с прошлым этот переход сохраняет в любом случае – в том смысле, что его предпосылки формируются прошлым, вследствие чего он не может быть любым ни по сути перемен, ни по степени их радикальности. Разрыв связи времен в историческом сознании также предполагает наличие радикальных перемен в реальной действительности как свою предпосылку, но здесь его формула всегда практически одна и та же – стремление избавиться от памяти о прошлом как от препятствия строить новое, добиваться перемен в жизни. Именно поэтому прошлое является синонимом зла, случайности, нелепой ошибки истории; ненависть к прошлому сочетается обычно со страхом перед возможностью его возврата. Основой, стержнем беспамятства являются социально-политические позиции его носителей; в сложившемся варианте массового исторического сознания представлены позиции различных социальных слоев общества.

Восстановление связи времен в структуре исторического сознания является вариантом избирательного, а не целостного отношения к прошлому. Суть этой избирательности выражается в разной степени опоры

на те или иные его стороны, явления, процессы для обоснования необходимости решения назревших в реальной действительности социально-политических, идейно-нравственных и иных проблем. По существу, это поиск той или иной идентичности в соотношении прошлого и настоящего. По отношению к результатам этого поиска в области научного исследования и исторического образования возникает вопрос о степени их объективности, соответствия их реальным явлениям прошлого как предмету исследования и обучения. Мера объективности определяется идейно-теоретическими позициями, лежащими в основе поиска образа прошлого в исследовании и обучении. Как понимать Февральскую и Октябрьскую революции в качестве звеньев цепи событий? В концепции единого учебника они выглядят как взаимосвязанные, хотя характер этой связи не расшифровывается, чего уже не может не быть в учебнике. Однако констатация этой связи в концепции учебника не является постановкой вопроса впервые. Речь идет, в частности, о трактовке их соотношения В.И. Лениным. Вот первый по времени вариант этой трактовки: «Первая революция, порожденная всемирной империалистической войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней. Первый этап этой первой революции, именно **русской** революции (выделено В.И. Лениным. – Н.С.) 1 марта 1917 года ... закончился. Этот первый этап наверное не будет последним этапом нашей революции» [13, с. 11]. Спустя некоторое время в «Апрельских тезисах» В.И. Ленин писал: «Своеобразие текущего момента в России состоит в **переходе** (выделено

В.И. Лениным. – Н.С.) от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – **ко второму** (выделено В.И. Лениным. – Н.С.) ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [13, с. 114].

Ленинский вариант расстановки акцентов в данном случае отвечает одним идейно-методологическим основам мышления, вследствие чего он не бесспорен во всем объеме для других. Это не исключает наличия в нем элементов истины безотносительно к различиям позиций: связь времен имеет место и она признается. Признание – не расшифрованное – связи указанных событий в концепции единого учебника является тем не менее значимым шагом в преодолении разрыва между дореволюционным и советским прошлым в обучении истории и во влиянии этого на формирование исторического сознания в современной России.

Следует отметить, что пункты концепции единого учебника применительно к периоду советского времени в целом содействуют становлению связи между дореволюционным, советским и постсоветским периодами отечественной истории. Концепция советского времени выдержана не в духе негатива, что было в 90-е г. в высокой степени признаком позиции властных структур, средств массовой информации, отчасти – сферы исторического образования и массового исторического сознания, а в поиске и констатации положительного и отрицательного в обществе и значения этого в реальной жизни для судеб миллионов. Конечно, многое, или хотя бы часть из этого, выглядит дискуссионным, но избежать

этого в настоящее время невозможно: необходимым средством решения спорных выводов и взглядов является не просто научный поиск, а историческая ретроспектива, которая по меркам реальной действительности, следовательно, и в познании, определяет место и значение событий прошлого. А пока же в примерном перечне «трудных вопросов истории» чуть меньше их половины относится к советскому времени. Даже самая глубокая научная дискуссия не может дать решения этих «трудных вопросов», речь может идти лишь о достижении согласия по ним, что, во всяком случае, более приемлемо, чем разнобой в классе или в университетской аудитории.

Какова теоретическая основа концепции школьного учебника по истории России? Предлагается вариант мышления, являющийся, по существу, разновидностью многофакторного подхода – «комплексный подход, включающий все проявления и факторы исторического знания: политический, экономический, культурный, международный» [9, с. 4]. Это не является теоретически завершенной позицией, поскольку здесь нет постановки проблемы о соотношении факторов по их роли в реальной действительности и в познании, но это все же более научно обосновано, чем все то, что было связано в 90-е годы с цивилизованным подходом как теоретической основой мышления, в том числе в области формирования структуры и содержания учебников по истории в школе. В концепции нет понятия «цивилизационный подход», что вовсе не является ее минусом. Одна из частных ее недоработок, что, впрочем, исправимо в тексте учебника, состоит в тезисе о

необходимости ухода от установки на политическую историю [9, с. 4], хотя в самой концепции в ряде случаев градация материала идет по политическому подходу: николаевское самодержавие, преобразования Александра II, самодержавия Александра III [9, с. 24].

Концепция способствует формированию связи времен как варианта зрелого исторического сознания.

Заключения и выводы предоставляется делать читателю.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афоризмы: По иностранным источникам / Сост. Петров П.П., Берлин Я.В. Предисл. Н.М.Грибачева. – 3-е изд. перераб. – М.: Прогресс, 1985. – 496 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1973. – 236 с.
3. Богородицкая И. Зачем библиотеке психолог? // Родительский дом, 2011. – 11–18 ноября (№ 26).
4. Бондаренко О. В очереди за прошлым [Электронный ресурс] // Московский комсомолец [сайт]. – URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/11/12/944195-v-ocheredi-za-proshlyim.html> (дата обращения: 20.12.2013)
5. Высоцкий В.С. Зарыты в нашу память на века... // Избранное. – М.: Сов. писатель, 1988. – С. 181–182.
6. Гулевич В.А. Руины в душах наших // Час пик (еженедельник). – 2010. – № 8.
7. Карамзин Н.М. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 488 с.
8. Кокшенёва К. Болящий дух врачует песнопенье // Литературная Россия. – 2009. – 18 дек.
9. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории (Проект) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf> (дата обращения: январь 2014).
10. Крапивин В. Ответы за 2003 – ... год. [Электронный ресурс] // Русская Фантастика [сайт]. URL: <http://www.rusf.ru/vk/int.htm> (дата обращения: 12.12.2013).
11. Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М.: Русская панорама, 2005. – 336 с.
12. Ле Гофф Ж. История и память. М.: Российская политическая энциклопедия – М.: РОССПЭН, 2013. – 303 с.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений, Т. 31.
14. Ростовский М. Как нам спасти прошлое [Электронный ресурс] // Московский комсомолец [сайт]. – URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2013/12/05/955511-kak-nam-spasti-proshloe.html> (дата обращения: 17.01.2014).
15. Словарь историка. / Пер. с фр. Пименовой Л.А. / под ред. Н. Оффенштадта. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 222 с.
16. Смоленский Н.И. История и логика. Проблемы общесторической теории и природы исторических понятий. – М.: Изд-во МГОУ, 2013. – 184 с.
17. Струве П.Б. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 560 с.
18. Тополь Э. Да здравствует советская власть [Электронный ресурс] // Московский комсомолец [сайт]. – URL: <http://www.mk.ru/specprojects/free-theme/article/2013/09/27/922391-da-zdravstvuet-sovetskaya-vlast.html>
19. Февр Л. Бои за историю / Пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – 635 с.
20. Филатова И., Зверев А., Аршанский Р., Романова М. Ленина захоронят с согласия КППФ [Электронный ресурс] // Московский комсомолец [сайт]. – URL: <http://www.mk.ru/editions/daily/article/2000/12/18/115601-reyting-sluhov.html> (дата обращения: 15.01.2014)
21. Чаадаев П.Я. Избранные труды. – М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.
22. Стенографический отчет о заседании Совета по международным отношениям // Президент РФ [официальный сайт]. – URL: www.kremlin.ru/news/17536.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(479.24)«07/08»

Кафар-заде Л.Р.

Институт истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана (г. Баку)

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА ПЕРИОДА ГОСПОДСТВА АРАБСКОГО ХАЛИФАТА НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ (ДО 705 г.)

Аннотация. В статье предпринята попытка изложить взгляды англоязычных историков на направление и результаты арабских походов, гибкую политику династии Михранидов, роль Кавказской Албании в арабо-хазарском противостоянии. Особое внимание автор уделил тому факту, что арабские походы не привели к моментальному установлению арабского господства в Азербайджане. Также была изучена административно-территориальная система закавказских владений халифата.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Арабский халифат, завоевание, Михраниды, Джаваншир, Византия, хазары.

L. Qafar-zadeh

*Institute of History named after A.A. Bakikhanov
of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku*

INTERPRETATION OF THE HISTORY OF AZERBAIJAN UNDER THE ARAB CALIPHATE ON THE BASIS OF ENGLISH-SPEAKING AUTHORS' RESEARCH (BEFORE 705 AD)

Abstract. In the article an attempt is made to give views of English-speaking historians on the direction and results of Arabs' raids to Azerbaijan, the flexible policy of the Mihranid dynasty, the role of Caucasian Albania in Arab-Khazar confrontation. The author pays special attention to the fact that Arabs' raids didn't result in immediate establishment of Arab domination in Azerbaijan. The administrative-territorial system of Transcaucasian domain of the caliphate is also studied.

Key words: Caucasian Albania, the Arab Caliphate, conquest, the Mihranids, Javanshir, Byzantine, Khazars.

© Кафар-заде Л.Р., 2014.

С выходом на историческую арену нового фигуранта – Арабского халифата – начался качественно новый этап в истории Азербайджана. Экспансия Арабского халифата затронула также и исторические земли Азербайджана, представлявшие для арабов большую важность в стратегическом отношении [5, с. 226; 10, с. 207].

Период арабского господства в Азербайджане изучался не только азербайджанскими историками, но и англоязычными исследователями, чьи труды и взгляды легли в основу данной статьи. Обращение к англоязычной историографии позволяет более полно представить процесс арабских завоеваний и установление системы управления азербайджанскими землями.

Вторжение арабских завоевателей в соседние с Аравией области было облегчено тем обстоятельством, что главные противники Арабского халифата – Византия и Персия – были изнурены длительными войнами друг с другом за господство на Ближнем Востоке и переживали внутривосточные проблемы [подробнее см.: 3, с. 138].

Албания не осталась безучастна в политических событиях Сасанидской империи периода арабских завоеваний. Правивший в тот период албанский князь Вараз-Григор послал против арабов дружину во главе со своим сыном Джаванширом на помощь полководцу Сасанидов Рустаму, снарядившему 80-тысячную армию из Азербайджана [1, с. 71]. За участие в рядах Сасанидской армии и проявленную храбрость в битвах при Кадисии (636) и осаде арабами Ктесифона Джаваншир был щедро одарен самим шахиншахом. Кроме того, Х. Кеннеди указывает, что азербайджанцы также

принимали участие в ожесточенных боях под Джалулой (637) [3, с. 162]. Джаваншир целых семь лет упорно сражался с арабами, выступая на стороне Сасанидской империи. Однако прочный союз Джаваншира и Персии был невечен. Вскоре вернувшись в Албанию, Джаваншир начал проводить независимую политику и воспротивился персидским правителям. Заручившись военной поддержкой царя Иберии Атрнерсеха, он после ряда ожесточенных боев сумел освободить Арран от персов. Однако самостоятельность Албании длилась недолго, ибо уже к середине VII в. арабы захватили все Восточное Закавказье.

Триумфальная победа арабов при Нихавенде в 642 г. ускорила покорение Азербайджана. Сразу после захвата Рея и Казвина арабскими войсками стал возможен и захват Азербайджана. Отметим, что У. Мьюир сообщает об участии в защите Рея Сасанидского марзбана Адурбадагана Исфандияра, возглавившего полчища «воинственных народов» [11, с. 175].

Так, несмотря на сопротивление марзбана Исфандияра ибн Фаррухзада в Ардебиле, которому помогали жители Баджравана, Маймада, Нариза, Сарива, Шиза, Маяниджа и других областей, арабский полководец Хузайфа ибн ал-Йаман в 643 г. заключил мирный договор, согласно которому арабы гарантировали местному населению личную безопасность и неприкосновенность имущества, не разрушать храмов огня, населению Шиза обещали свободно совершать праздничные религиозные обряды, обязались никого не убивать и не пленять, не преследовать курдов Баласакана, Савалана и Шатрудана, марзбан же, со своей сто-

роны, обязался вносить в казну халифата 800 тыс. дирхемов [2, с. 23]. Также были подчинены Муган, Дербент, Нахчиван, с которыми были заключены идентичные договоры. Однако заключение мирного договора не привело к моментальному установлению арабского контроля в Азербайджане. Как отмечает М. Морони, на востоке соглашения имели эффект установления протекторатов, которые надо было постоянно переустанавливать [10, с. 209]. Вторично Азербайджан был покорен ал-Валидом ибн Укба в 645-646 гг. после подавления восстания местного населения, противившегося арабской власти. ал-Ашас ибн Кайс был назначен сюда наместником. Ардебиль же стал столицей.

В 645-646 гг. друг за другом были покорены Балакан, Барда, Кабала, Шаккан, Шамхор, Ширван и другие области Аррана [2, с. 13-14]. Взамен на покорность арабы местным жителям гарантировали неприкосновенность жизни и имущества, свободу вероисповедания. Как видно, состояние децентрализации, в котором пребывала Сасанидская империя в момент арабского завоевания, сказалось и на Азербайджане с Арраном, которые в тот период входили в состав Сасанидской империи. В период арабских завоеваний в Албании правили принцы из династии Михранидов, а в Адурбадагане – Сасанидские марзбаны [4, с. 521]. Как отмечает Р. Фрай, именно благодаря раздробленности Албании между отдельными мелкими властителями захват области и был столь легок [7, с. 660]. Так, отсутствие сильной центральной власти, способной во время прийти на помощь, привело к тому, что местные правители, оставшись

один на один с арабскими завоевателями и не рассчитывая на помощь извне, были вынуждены капитулировать перед врагом. Тем более, что, как видно из условий мирных договоров, арабы на условиях выплаты дани гарантировали местному населению безопасность жизни, целостность имущества и право свободного вероисповедания. Кроме того, согласно автору, арабское завоевание вышеуказанных территорий привело лишь к их номинальному подчинению [7, с. 660]. Окончательное подчинение Азербайджана арабами относится лишь к 30-м годам VIII в. В Арране местные династии продолжали свое полунезависимое существование. При условии выплаты дани мусульманской казне область была предоставлена местным принцам из руководящей династии Михранидов, которым арабы предоставили титул «*батрика*» Аррана [4, с. 521; 7, с. 660]. Так, завоевание исторических земель Азербайджана арабами еще не означало окончательного безраздельного правления последних. Как отмечает Р. Фрай, в дальнейшем арабам, даже несмотря на установление твердой арабской власти в Арране при халифе Муавии, постоянно приходилось воевать с хазарами и местными принцами [7, с. 660].

Албанскому князю Джаванширу также часто приходилось лавировать между Византией, хазарами и халифатом. Так, в 654 и 659/60 гг. между Джаванширом и императором Византии Константином II (630-668) был проведен ряд встреч, определивший их союз. Как отмечает Т.В. Гринвуд, император Константин II перед лицом надвигавшейся угрозы арабского порабощения решил воспользоваться возможностью

создания союзнической коалиции на Закавказье, возникшей в результате начала первой гражданской войны в Арабском халифате между Али и Муавией в 656-661 гг. Одними из первых, согласившихся на союз, автор называет принца Албании Джаваншира и принцев Сюника [9, с. 342].

Однако неблагоприятно складывавшаяся вокруг политическая ситуация, а именно заключение в 652 г. союза между Арабским халифатом и спарпетом Армении Теодором Рштуни [9, с. 342], в результате чего в 654 г. последнему была дарована власть над Арменией, Иберией, Агванией и Сюнией до Кавказских гор и ворот Чога, а также продолжавшиеся грабительские вторжения хазар в Арран в 662 и 664/5 гг. [8, с. 50], последнее из которых завершилось вассальной зависимостью Аррана от хазар, заставила албанского князя Джаваншира пересмотреть свою позицию по отношению к Арабскому халифату. Джаваншир ясно осознавал политическое бессилие Византии перед мощью Арабского халифата. Так, в 667 г. албанский князь вынужденно вступил в вассальную зависимость от халифата, тем самым сохранив относительную самостоятельность Албании. В 670 г. при второй встрече халифа Муавии с Джаванширом было достигнуто соглашение о снижении налога, взимаемого с населения Азербайджана, на 1/3. Столь снисходительное отношение халифа к албанскому князю и сохранение относительной самостоятельности объясняется как возросшим политическим влиянием Джаваншира, так и стратегическим положением Албании, ибо вооруженные силы последней использовались арабами для обороны северных рубежей халифата от

вторжений хазар [7, с. 660], нередко и против Византии.

В 680/1 и 685 гг. в Арран вторглись полчища хазар. Нашествия хазар в страны Закавказья, в том числе и в Арран, происходили в крайне напряженной политической обстановке в Арабском халифате. Т.В. Гринвуд и П. Гольден высказали предположение о скоординированности хазарского нашествия на страны Закавказья в 685 г. и антихалифатской политикой Византии [8, с. 51; 9, с. 344].

Продолжительная вторая гражданская война (680-692) в Арабском халифате вынудила халифа Абд ал-Малика (685-705) заключить мир с императором Юстинианом II, по которому налоговые поступления с Армении, Грузии и Аррана должны были поровну делиться между договаривавшимися сторонами [4, с. 521; 9, с. 344]. Таким образом, Закавказье было разделено на сферы влияния двух могущественных держав. Однако данный мир не обеспечил спокойствия в странах Закавказья. Уже в 689 г. император Юстиниан II (685-695, 705-711) возглавил военную кампанию в страны Закавказья, в результате которой принц Албании Вараз-Трдат был назначен самим Юстинианом II патрицием и экзархом [9, с. 345]. Однако желание албанского князя Вараз-Трдата приостановить непосильную выплату дани Византии и, в частности, его сближение с халифатом, что являлось угрозой позициям Византии на Кавказе [5, с. 106], привели к пленению в 699 г. его и сыновей Гагика и Вардана в Константинополе вплоть до 704 г.

Внутриполитическое положение в самой Албании в этот период также было сложным. Воспользовавшись

отсутствием в стране Вараз-Трдата, гардманский епископ Нерсес Бакур, приверженец халкедонства, заставил княгиню Спраму назначить его на место католикоса Агвани. Нерсес придерживался политики сближения с Византией, против чего выступал князь Шерой. Однако возврат в 704 г. в Арран князя Вараз-Трдата – сторонника союза с халифатом – и уход в Дамаск в 705 г. арабами последнего князя династии Михранидов Шероя (699-705) привели к концу княжеской власти в Албании. Отныне безраздельное правление Албанией было сосредоточено в руках халифских наместников [1, с. 106-107].

В плане административно-территориального устройства по примеру византийской модели закавказские владения Арабского халифата составляли единую административную единицу «Арминийа» [6, с. 642]. Под условным термином «Арминийа» понимали не только территории собственно Армении, но и Аррана, включавшего в себя в тот момент частично и территорию современной Восточной Грузии и Дагестана [6, с. 642]. Однако речь шла о «церковном» единстве закавказских стран. Следовательно, Арран ни в этническом, ни в политическом отношении не являлся частью Армении [5, с. 93-96]. Согласно К.Э. Босворту, Южный Азербайджан составлял отдельную провинцию, но временами он объединялся с Джебалем, Мосулом или Джазирой, тем самым демонстрируя изменчивость административной системы [4, с. 224].

Власть в провинциях была строго разграничена между политическим и финансовым управлением. Так, в областях халифата, в том числе и на

исторических землях Азербайджана, вопросами сугубо административного управления занимался *амир*, *амиль* же являлся финансовым чиновником, ведавшим сбором налогов в городах и округах и подотчетным непосредственно перед центром.

Так материалы англоязычной историографии позволяют основательно изучить и осветить важные вопросы не только политической истории Азербайджана, но и административно-территориальное управление в период господства Арабского халифата.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буниятов З.М. Азербайджан в VII-IX вв. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1965. – 380 с.
2. Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран» / Текст и перевод с арабского проф. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. – Вып. III. – Баку: Издание О-ва Обследования и Изучения Азербайджана, 1927. – 111 с.
3. Кеннеди Х. Великие арабские завоевания / Пер. с англ. Г. Соловьевой. – М.: АСТ, 2010. – 475 с.
4. Bosworth C.E. Arran // The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. IV / Ed. by E.Yarshater. Vol. II, fasc. 5. – Leiden: E.J.Brill, 1997. – P. 520-522.
5. Bosworth C.E. Azerbaijan. IV. Islamic History to 1941 // Encyclopaedia Iranica / Ed. By E.Yarshater. Vol. III, fasc. 2-3. – London, New York: Routledge & Kegan Paul, 1987-1988. – P. 224-231.
6. Canard M. Arminiya. III. Division, Administration, Population, Commerce, Natural Products and Industry // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I / Ed. by H.A.R.Gibb, J.H.Kramers, E.Levi-Provençal, J.Schacht, B.Lewis, Ch.Pellat. – Leiden: E.J.Brill, 1986. – P. 642-650.
7. Frye R.N. Arran // The Encyclopaedia of Islam. New Edition. Vol. I / Ed. by H.A.R.Gibb, J.H.Kramers, E.Levi-Proven-

- çal, J.Schacht, B.Lewis, Ch.Pellat. – Leiden: E.J.Brill, 1986. – P. 660–661.
8. Golden P.B. The Turkic Peoples and Caucasia // Transcaucasia, Nationalism and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia / Ed. by Ronald G. Suny. – Michigan: The University of Michigan Press, 1996. – P. 45–67.
9. Greenwood T.W. Armenian Neighbours (600-1045) / The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500-1492 / Ed. by J.Shepard. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 333–364.
10. Morony M. Arab. II. Arab Conquest of Iran // The Encyclopaedia of Islam. New edition. Vol. II, fasc. 2 / Ed. by E.Yarshater. – London: Routledge & Kegan Paul, 1986. – P. 203–210.
11. Muir W. The Caliphate: its rise, decline, and fall from original sources. – Edinburgh: John Grant, 1924. – 604 p.

УДК 339.543(091)(470)

Павлина Т.В.*Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская область)***ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА РОССИИ
XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИ КРАЯ)**

Аннотация. В статье раскрывается источниковедческий аспект исторических исследований по таможенной проблематике, актуальной как для современной, так и для дореволюционной России. Используя материалы Яренского, Пустозерского и Сольвычегодского уездов XVII-первой половины XVIII в., автор определяет типологию и информационный потенциал источников, представляющих интерес для изучения в региональном разрезе истории таможенного дела России в период становления и масштабного реформирования данного института.

Ключевые слова: исторический источник, таможенное дело, региональная таможенная политика, Коми край.

T. Pavlina*Russian Customs Academy, Lyubertsy, Moscow Region***SOURCES ON THE HISTORY OF CUSTOMS IN RUSSIA
OF THE XVII – FIRST HALF OF THE XVIII CENTURY
(ON THE MATERIALS OF THE KOMI REGION)**

Abstract. The article covers the source study aspect of historical researches on the issues of customs, which is vital both for modern Russia and for the pre-revolutionary one. Using materials of Yarensky, Pustozersky and Solvychevodsky districts of the XVII first half of the XVIII century, the author defines the typology and the information potential of the sources which are of interest for studying them through regional approach to the history of customs of Russia in the period of this institution formation and large-scale reforming.

Key words: historical source, customs, regional customs policy, the Komi region.

В условиях развития рыночных отношений и активной интеграции России в мировое экономическое пространство объективно возрастает научный интерес к изучению истории таможенного дела как одного из значимых институтов регулирования национальной экономики.

Важный этап его организационного становления и укрепления, пре-

вращения в жизненно важную отрасль государственного управления, завершившийся ликвидацией в России таможенного обложения внутренней торговли, пришелся на XVII – первую половину XVIII вв.

Воссоздание целостной картины развития таможенного дела в этот период невозможно без изучения регионального опыта. Материалы Яренского, Пустозерского и Сольвычегодского

уездов, составлявших в рассматриваемый период территорию Коми края, позволяют уяснить содержание, характер и особенности российской таможенной политики на Европейском Севере на этом переломном этапе.

На материалах Коми края данная тема специально не исследовалась. Для продвижения в этом направлении необходимо обобщить и систематизировать исторические источники XVII-первой половины XVIII вв., представляющие научный интерес, и определить их информационный потенциал.

Проведенный нами с этой целью анализ источниковой базы позволяет выделить в ней пять групп: 1) законодательные акты; 2) актовый материал; 3) делопроизводственная документация; 4) материалы личного происхождения; 5) летописный материал.

Первая группа источников включает законодательные акты, изданные высшей властью по вопросам торговли и таможенного дела: уложения, уставы и уставные грамоты, царские и императорские указы (именные, с Боярским приговором, объявленные из Сената), указы Сената, манифесты, инструкции, регламенты, тарифы. Источники данной группы составляют правовую основу таможенного дела, позволяют определить цели и задачи, содержание, характер, основные направления таможенной политики Российского государства, проследить ее эволюцию в рассматриваемый период. В них содержатся сведения о применяемых правительством средствах реализации таможенной политики: системе таможенного обложения, нетарифных ограничениях (запреты, монополии на торговлю отдельными товарами),

таможенных процедурах, таможенных льгот и категориях обладающих ими лиц, о системе управления таможенным делом, порядке избрания на таможенную службу и др.

Особый интерес представляют законодательные акты, регламентирующие торговлю и таможенное дело на территории Поморья и тесно связанных с ним территориально и экономически регионов (Сибирь, Архангельск), прямо либо опосредованно влиявшие на содержание и эффективность таможенной деятельности в Коми крае (например, Именной указ 1698 г. «О сборе в Сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин») [9, с. 272–298]. Значительная их часть опубликована в Полном собрании законов Российской империи, а также в сборниках документов и материалов, изданных Российской таможенной академией [9, с. 125–377; 10, с. 19–398; 11, с. 73–211].

Вторая группа источников, относящихся к актовым материалам, представлена жалованными, таможенными уставными, проезжими грамотами.

Особую ценность для изучения периода дифференцированного таможенного обложения в России представляет уставная таможенная грамота Вымского (Яренского) уезда 1608 г., определяющая принципы таможенного обложения в регионе, виды и ставки взимаемых таможенных пошлин, категории лиц-плательщиков, виды ответственности за нарушение таможенных правил. Сведения о порядке предоставления в рассматриваемый период таможенных льгот и их содержании, владельцах, действиях таможенников при осуществлении контроля их использования содержат жалованные и

проезжие грамоты, удостоверявшие право отдельных лиц (например, именитых людей Строгановых) на беспошлинный провоз товаров. Документы данной группы частично опубликованы в ряде сборников [1, с. 307, 311; 3, с. 241–271].

Третья группа источников включает значительный по объему комплекс делопроизводственной документации, который целесообразно разделить по происхождению на три подгруппы.

В первой подгруппе сосредоточены документы центральных учреждений, которые позволяют определить методы осуществления правительством мероприятий в сфере таможенного дела, возникающие при этом проблемы, критерии оценки центром результатов деятельности местных таможен. Так, в документации общего характера (царские указы и указные грамоты, указы, памяти, отписки) зафиксированы распоряжения и решения от имени царя по торговой и таможенной части (например, об учреждении таможен), в том числе принятые по челобитным населения, переписка между приказами по исполнению данных распоряжений. В специальной документации по хозяйственно-финансовым вопросам (приходо-расходные, доимочные, писцовые, переписные книги, материалы ревизий, сметные списки, окладные росписи доходов) содержатся данные о наличии и датах создания таможенных учреждений в населенных пунктах Коми края, об условиях их деятельности (количество торгово-промышленного населения, торговых помещений и др.), суммах сбора пошлин за отдельные годы, применяемых способах сбора таможенных пошлин («верный», откупной), о таможенных служащих и др.

Дополняет и конкретизирует перечисленные выше сведения подгруппа источников, включающих документы местных органов власти (воеводских канцелярий, земских изб), осуществляющих в регионе контроль и надзор за таможенной деятельностью. Сюда вошли указы, памяти, наказные памяти, отписки, ведомости о различных сборах, квитанции о передаче в казну собранных таможенных пошлин, штрафов, подорожные грамоты таможенным служащим, «сказки» с объяснениями причин таможенных недоборов. Ценным источником являются материалы «щетных» выписей, содержащие данные о выявленных в таможенных нарушениях порядка сбора таможенных пошлин, учета доходов и расходов, обстоятельствах совершения нарушений, виновных лицах. Входящие в данную подгруппу «выборы», инструкции, «присяжные должности» включают сведения о порядке избрания на таможенную службу, избранных лицах, обязанностях и ответственности таможенных служащих.

Документы названных подгрупп отложились в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного архива Архангельской области (ГААО), научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), Национального архива Республики Коми (НА РК)¹: они только частично опубликованы [4, с. 34-41; 7, Стлб. 214-227; 8, с. 107, 136-139, 290-291, 321-323; 15, с. 335].

Наиболее важной подгруппой, с учетом информационного потенциала

¹ РГАДА. Ф. 137; Ф. 159; Ф. 350; Ф. 609; Ф. 695; Ф. 829; ГААО. Ф. 1; Ф. 58; НИОР РГБ. Ф. 122; Ф. 218; НА РК. Ф. 286

данного источника для комплексного изучения различных аспектов таможенного дела, является делопроизводственная документация таможенных учреждений: таможенные книги, таможенные выписи, ведомости, рапорты, доношения, «росписные» списки таможен при передаче их от одного таможенного бурмистра другому и др.

Особую ценность для изучения территориальной специфики таможенной деятельности, о чем неоднократно говорилось в литературе [17, с. 9], представляют таможенные книги и таможенные выписи местных таможен, содержащие данные о торговле, структуре, объемах и методике таможенного обложения, порядке осуществления таможенных процедур.

К настоящему времени выявлены и введены в научный оборот таможенные книги Объячевско-Ношульской таможни за 1634/35, 1651/52, 1677/78 и 1678/79 гг., Усть-Сысольского погоста за 1684 г., Яренска, Туглима и Турьи - за 1700 г., Усть-Сысолы, Кибры, Ужги, Усть-Кулома и Удоры - за 1707 г., а также единичные таможенные выписи Ижемской, Киберской, Усть-Сысольской таможен и «визенгского» таможенного заказчика за отдельные годы 80-х гг. XVII в. [12, с. 359–406; 13, с. 467–474; 14, 463–543; 4, с. 41–43; 6, с. 17–22; 16, с. 24–29]. Нами исследованы и частично опубликованы [5, с. 76–101] таможенные книги Яренской таможни 1722, 1724 и 1741 гг., Усть-Цилемской таможни 1730 г., Пустозерской таможни 1728 г., 72 таможенные выписи, выданные таможнями Коми края в разные годы первой половины XVIII в.¹

¹ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879, Д. 32880; Ф. 609. Оп. 1. Д. 359; Оп. 3. Д. 52; Ф. 829. Оп. 1. Д. 1503, Д. 1504, Д. 1505, Д. 1507, Д. 1818, Д. 1970,

Четвертую группу источников личного происхождения представляет переписка приказчика Сереговского соляного промысла И. Шергина с владельцем промысла И.Д. Панкратьевым, представителями купечества, уездной администрации [2, с. 29–375]. В ней содержатся сведения о взаимоотношениях с таможенными властями, об использовании И.Д. Панкратьевым преимуществ таможенного откупа, об объемах вывоза и продажи соли на территории края и за его пределами, о видах и суммах уплаченных таможенных платежей, о должностях и фамилиях служащих Яренской таможни разных лет.

Пятая группа источников представлена Вычегодско-Вымской (Мисаило-Евтихиевской) летописью, ценность которой определяется содержанием сведений о начале таможенной деятельности на территории Коми края (в Пустозерске, Турье, Яренске), отсутствующих в иных источниках. Документ впервые опубликован в 1958 г. [3, с. 257–271].

Таким образом, имеющаяся на сегодняшний день источниковая база включает широкий круг разнообразных материалов, которые, несмотря на фрагментарность сохранившихся сведений и отсутствие единого комплекса массовых однородных источников, позволяют достаточно полно и всесторонне изучить содержание, характер и особенности российской таможенной политики на Европейском Севере в XVII – первой половине XVIII вв., территориальную специфику таможенной деятельности.

Д. 1984; ГААО. Ф. 58. Оп. 17. Д. 2.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. В 3 т. Т. 3. – М.: Наука, 1964. – 688 с.
2. Архив гостей Панкратьевых XVII- начала XVIII в. Т.1. / Сост. Л.А. Тимошина. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
3. Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. – Сыктывкар, 1958. – 270 с.
4. История Коми края в документах и материалах. Хрестоматия. Ч. 1. Дореволюционный период / Под ред. О.Е. Бондаренко, В.И. Чупрова. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. – 176 с.
5. Коми край в XVIII веке: сб. документов / под ред. А.К. Гагиевой. – Сыктывкар: ГАОУ ВПО КРАГСиУ, 2012. – 116 с.
6. Описания собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище. Вып. IV. – Вологда, 1901. – 63 с.
7. Приходо-расходные книги Московских Приказов. Книга первая (Русская Историческая Библиотека. Т. 28). – М.: Изд. Археографической Комиссии, 1912. – 1011 с.
8. Приходо-расходные книги Московских приказов 1619-1621гг. / Сост. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1983. – 479 с.
9. Таможенное дело России (сборник документов и материалов). Т. 1 (907–1721 гг.). – М.: Автор, Юпапс, 1997. – 392 с.
10. Таможенное дело России (сборник документов и материалов). – Т. 2. (1722-1864 гг.). – М.: Автор, Юпапс, 1998. – 504 с.
11. Таможенное дело в России X–XX вв. (Исторический очерк. Документы. Материалы). – СПб.: ПиК, 1995. – 213 с.
12. Таможенные книги Московского государства XVII века. В 3 т. Т. 1. / Под ред. А.И. Яковлева. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 883 с.
13. Таможенные книги Московского государства XVII века. В 3 т. Т. 2. / Под ред. А.И. Яковлева. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 898 с.
14. Таможенные книги Московского государства XVII века. В 3 т. Т. 3. / Под ред. А.И. Яковлева. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 886 с.
15. Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям 1613-1626 гг. /Отв. ред. И.В. Пугач. – М.: КРУГЪ, 2012. – 608 с.

Литература

16. Красильникова Э.Д. Торговля и торговые люди Коми края в XVII веке. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 5. – Сыктывкар: АН СССР, Коми филиал, 1972. – 58 с.
17. Раздорский А.И. Исследования и публикации таможенных и кабацких книг в 2002-2009 гг. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А.И.Раздорский. – Курск, 2009. – С. 9–21.

УДК 930(430) «1945/1990»

Скаковский А.А.*Московский государственный областной университет***СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОСЛЕВОЕННОГО
РАЗВИТИЯ ФРГ В ТРУДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ**

Аннотация. В статье анализируются социально-политические аспекты исторического развития послевоенной Западной Германии по трудам известного западногерманского историка-марксиста Вольфганга Абендрота и его последователей. Рассматриваются основные вехи становления концепции и основополагающие труды представителей Марбургской школы историографии ФРГ. Дается краткий обзор влияния Абендрота на возникновения марксистского направления в историографии ФРГ. Подвергаются анализу положения ученого о сущности рабочего движения, социалистической теории, положению классов в западногерманского общества после Второй мировой войны.

Ключевые слова: историография ФРГ, марксизм, социалистическая теория, рабочее движение, В. Абендрот, Марбургская школа.

A. Skakovskiy*Moscow State Regional University***SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF THE POST-WAR DEVELOPMENT
OF GERMANY IN THE WORKS OF MARBURG SCHOOL REPRESENTATIVES**

Abstract. The article analyzes the social and political aspects of the historical development of the post-war West Germany in the works of the famous West German historian and Marxist Wolfgang Abendroth and his followers. The article considers the main milestones of forming the concept and the basic works of the representatives of the Marburg school of historiography of Germany. The author presents a brief overview of Abendroth's impact on the emergence of the Marxist direction in the historiography of the Federal Republic of Germany. The author analyses the researcher's theory on the essence of the labour movement, of the socialist theory, of the status of the classes in the West German society after the World War II.

Key words: historiography of Germany, Marxism, socialist theory, labor movement, W. Abendroth, Marburg School.

У истоков радикально-демократического направления западногерманской историографии находился профессор Марбургского университета Вольфганг Абендрот – известный историк, социолог, юрист, участник антифашистского Сопротивления. Вокруг него объединились молодые ис-

следователи, сознательно противопоставляющие свой подход буржуазным и реформистским трактовкам истории германского рабочего движения.

Анализ социально-политической борьбы в послевоенной Западной Германии был важной сферой исследований известного историка. Критерий классового характера общественно-

политической системы ФРГ, внутренней и внешней политики западно-германского государства был крайне важен при разработке этой проблематики. Абендрот активно выступал против навязчиво-примитивных утверждений историографии правого толка, отрицающей возможность антимонопольного, демократического развития западных зон оккупации, которые, кстати, вовсе не рассматривали рабочий класс и Коммунистическую Партию Германии как реальную политическую силу [1, с. 223].

Надежду на радикальное обновление социально-политической системы Германии ученый-марксист никогда не оставлял. И в рабочем движении Абендрот видел реальную демократическую альтернативу. Политическая элита в Веймарской республике, писал историк, ответственна как за передачу власти национал-социалистам, так и за участие страны в Мировой войне [3, S. 384]. В свете реставрации в послевоенной Германии существующих капиталистических порядков голос ученого стал рупором тех, кто считал недопустимым восстановление той прежней общественно-политической структуры. В его работах 60-х гг. четко прослеживается тезис о реконструкции в ФРГ «социально-экономических отношений, существовавших до 1945 года» [5, S. 38]. Денацификация и демонополизация, как основные условия послевоенного развития Германии, принятые на Потсдамской конференции странами-союзниками, слабо проводились в жизнь властями западных оккупационных зон. И этот процесс не мог протекать иначе, ведь у власти остались люди, ответственные за политику еще фашистской Германии. Восстанов-

ление «старых социально-экономических структур» означало «фактическую реабилитацию тех правящих кругов в экономике, государственном аппарате, в юстиции, которые играли решающую роль во времена третьего рейха» [3, S. 385].

Развивая концепцию «реставрации», вызвавшую неприкрытую злобу реакционных сил ФРГ, В. Абендрот в публикациях 70-х гг. обращает особое внимание на выступления западногерманского рабочего класса. Абендрот указывал, что широкие социальные слои западных зон боролись против возрождения господства монополий, а собственники концернов, всецело поддерживающие Гитлера, были «безнадежно скомпрометированы». В рабочем классе господствовали унитарные тенденции: «Единство было само собой разумеющимся уроком из горького опыта прошлых лет» [4, S. 212].

В 1975 г. ученые марбургской школы выпустили коллективный труд «История германской социал-демократии». Как пишет в предисловии к книге В. Абендрот, ее авторы исходят из установки о «внутренней противоречивости социал-демократической политики», о наличии в СДПГ двух главных течений – правого, реформистского, выступающего за «классовое сотрудничество», за «сохранение существующей системы», и левого крыла, воплощающего «демократический, социалистический потенциал» [9, S. 7].

В «Истории германского профсоюзного движения», вышедшей в 1977 г. под редакцией учеников В. Абендрота – Ф. Делле, Г. Фюльберта, Ю. Харрера, и вызвавшей яростные нападки реакционной прессы ФРГ, развернута широкая панорама социальной борьбы в

послевоенной Западной Германии. По словам ее редакторов, все содержание книги отражает концепцию «исторической и актуальной альтернативы политике социального партнерства» [8, S. 12].

Как правоведа Абендрота всерьез интересовали проблемы происхождения западногерманской конституции, ее классового характера, ее места и роли в современной социально-политической борьбе в ФРГ. Разработка и утверждение Основного закона Федеративной Республики Германии (1948–1949 гг.) проходили в обстановке, когда социальной элите западных зон, вступившей в альянс с оккупационными властями, удалось начать реставрацию своего господства. Западногерманская реакция стремилась сделать все, указывает В. Абендрот, чтобы не допустить «изменения общественного порядка, реальной демократизации конституционного устройства». Основной закон ФРГ отразил «экономическую систему, характерную для позднего капитализма, со всеми присущими ей противоречиями» [5, S. 69].

И все же в конституцию были включены – под давлением трудящихся – положения о «социальном правовом государстве», о возможности отчуждения крупной собственности с учетом «общего блага и интересов сторон». В. Абендрот приходит к важному выводу, что «политический компромисс», содержащийся в Основном законе, открывал «различные возможности» перед противоборствующими социальными силами ФРГ [5, S. 69].

Демократические права и свободы, включенные в текст Основного закона, являются, подчеркивает В. Абен-

дрот, «программой-минимум широкой оппозиции против господствующих классов ФРГ», создают «возможность объединения всех слоев народа, заинтересованных в защите демократии» [6, S. 82]. Установки прогрессивных ученых, выступающих за создание «широкого единого фронта для защиты Основного закона против угрозы со стороны олигархии» [6, S. 82], совпадают с программными требованиями Германской коммунистической партии, которая заявляет о своей приверженности демократическим принципам Основного закона, защищает их от всех посягательств со стороны реакции.

Все чаще историки радикально-демократического направления обращаются к рассмотрению революционных преобразований в Восточной Германии, которые, по оценке Абендрота, «сделали невозможным возрождение господства старых социальных слоев с их прежними традициями и идеологией» [2, S. 7]. В трудах В. Абендрота были заложены основы сопоставительного анализа хода и результатов социально-политической борьбы на Востоке и на Западе Германии. В первые послевоенные годы, когда в обеих частях страны «должны были решаться проблемы будущего социального развития» [2, S. 7], перед рабочим движением всех оккупационных зон стояла общая задача: «сформировать новый государственный и общественный строй, который ликвидировал бы любые возможности развития фашистских тенденций и создал бы тем самым элементарные предпосылки демократии» [7, S. 248]. На территории всех оккупационных зон среди авангарда трудящихся доминировали «антифашистские, анти-

капиталистические настроения» [7, S. 248].

Неизбежны были параллели сравнения с Восточной Германией в размышлениях ученого. И это закономерно: там, в государстве с другим общественно-экономическим устройством близким ему по духу социализмом, Абендрот видит реальную социальную политику. Сам собой напрашивался ответ на вопрос о причинах. Успехи рабочего класса Восточной Германии, возглавляемого Социалистической единой партией, стали возможны потому, что советская военная администрация осуществляла – в соответствии с решениями Потсдамской конференции – «политику, направленную на ликвидацию основ фашизма, на утверждение антифашистского, демократического строя», что «отвечало интересам большей части населения, особенно рабочего класса» [3, S. 385]. В американской, английской и французской оккупационных зонах военные власти, порывая с принципами согласованной союзной политики, не допустили, указывает Абендрот, «никакого серьезного вмешательства в структуру собственности», активно поддерживали «старое социальное устройство, старую систему просвещения, старый административный аппарат» [7, S. 249].

Как ученый Абендрот был очень строг. Марксистское философствование – в традиции Лукача и Адорно – было хорошо знакомо ему. Тем не менее он настаивал на том, что политическая теория марксизма нуждается в обосновании реальным анализом (любимое его слово). Без глубоких исторических знаний, без точного правового анализа, без тщательного анализа существующих социальных и по-

литических условий социалистическая теория остается абстрактной. Она регрессирует к простой идеологической критике, которая никак не относится к практике социальных и политических конфликтов в каждой конкретной исторической ситуации.

Эти принципы историк смог заложить своим ученикам, которые вслед за своим учителем провели огромную исследовательскую работу над важнейшими темами. Они попытались раскрыть суть фашизма, историю рабочего движения, идеологическую сторону политики, историю партий, выборов и местного самоуправления. Своими трудами по истории немецкого и европейского рабочего движения Абендрот способствовал становлению междисциплинарной научной деятельности, что до него в ФРГ, в условиях холодной войны, просто-напросто игнорировалось. Абендрот был великолепным оратором, на лекциях которого аудитории были переполнены в большинстве случаев. Сегодня влияние западногерманского историка-марксиста легко оценить хотя бы по огромному количеству профессоров, учителей, журналистов, профсоюзных деятелей и профессиональных политиков, которые известны (несмотря на расхождения в политических взглядах) как ученики Абендрота.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Борозняк А.И. Рабочий класс Западной Германии в борьбе против капиталистических монополий // Германское рабочее движение в новейшее время. – М., 1962. – С. 202–224.
2. Abendroth W. Wirtschaft, Gesellschaft und Demokratie in der Bundesrepublik. – Frankfurt-am-Main, 1965. – 150 S.
3. Abendroth W. Antagonistische Gesell-

- schaft und politische Demokratie. – Neuwied, 1967. – 578 S.
4. Abendroth W. Das Verhältnis von Gewerkschaftsbewegung und Parteiensystem als Problem der Geschichte der Arbeiterbewegung // Gewerkschaftliche Monatshefte. – 1974. – H. 4.
 5. Abendroth W. Das Grundgesetz. 5. Auflage. – Pfullingen, 1975. – 314 S.
 6. Abendroth W. Einheitsfront für das Grundgesetz // Kürbiskern. – 1978. – H. 2.
 7. BRD–DDR. Vergleich der Gesellschaftssysteme. – Köln, 1971. – 447 S.
 8. Deppe F. Geschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. – Köln, 1977. – 475 S.
 9. Deppe F., Fülberth G., Harrer J. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie 1863–1975. – Köln, 1975, 443 S.

УДК 327 (091)

Каширина Т.В.*Дипломатическая академия МИД РФ (г. Москва)*

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ В СОВЕТСКО/РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1969–2012 гг.

Аннотация. В статье рассматривается отечественная и зарубежная историография проблемы разоружения в советско/российско-американских отношениях в 1969–2012 гг. Автором выделены определенные этапы изучения и рассмотрения процесса разоружения и наиболее актуальные проблемы, которые являлись основным предметом исследования отечественных и зарубежных ученых. В статье сделан вывод о том, что проблемы разоружения СССР/России и США отечественные и зарубежные авторы не рассматривают комплексно, на основании единства советско-американского и российско-американского периода сокращения вооружений.

Ключевые слова: историография, советско-американские отношения российско-американские отношения, ограничение и сокращение стратегических вооружений, контекст современного состояния отношений России и США.

T. Kashirina*The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow*

HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF DISARMAMENT IN THE SOVIET / RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS IN 1969–2012

Abstract. The article deals with domestic and foreign historiography of disarmament in the Soviet/Russian-American relations in 1969–2012. The author states that there are certain stages of study and review of the disarmament process and the most pressing issues, which are the main subject of study of domestic and foreign scholars. The article concludes that domestic and foreign authors do not use the complex approach to consider the problem of disarmament of the USSR/Russia and the U.S., based on the unity of the Soviet-American and Russian-American period of arms reduction.

Key words: historiography, the Soviet-American relations, the Russian-American relations, strategic arms control and reduction, context of the current state of relations between Russia and the U.S.

Актуальность исследования проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений между СССР и США и между Россией и Соединенными Штатами обусловлена тем, что она является одной из централь-

© Каширина Т.В., 2014.

ных в истории международных отношений. Изучение сорокалетнего опыта переговорного процесса способствует решению современных проблем не только двусторонних отношений, но и проблем национальной, международной и глобальной безопасности:

транснациональный терроризм, международные конфликты, опасность распространения оружия массового поражения и рост международной преступности, в первую очередь, производство и распространение наркотиков, незаконная торговля оружием, людьми; перспектива приобретения оружия массового уничтожения террористическими группировками и т.п.

Проблема исследования процесса разоружения между СССР и США, между Россией и США не является абсолютно новой. Наибольшее внимание ей уделялось в отечественной историографии советского периода. В начале 1980-х гг. были опубликованы монографии А.Г. Арбатова, Р. Овинникова, Ю.М. Мельникова, А.А. Фурсенко, Г.А. Трофименко, А.Т. Подлесного [1; 19; 17; 25; 27], посвященные советско-американским отношениям, в которых рассматриваются переговоры СССР и США по сокращению стратегических вооружений в 1969–1985 гг. как один из важных аспектов. Эти исследования основаны на опубликованных официальных заявлениях советской и американской сторон, сделанных в ходе переговоров по разоружению. Эти монографии, созданные в период холодной войны, отличает критический взгляд на политику США, оценивающуюся как агрессивная, и исключительно положительный настрой к политике СССР, оценивающейся как исключительно миролюбивая. Вина за нератификацию Договора ОСВ-2 1979 г., за прекращение советско-американских переговоров по разоружению при президенте Р. Рейгане, по мнению известных советских американистов, лежала только на американской стороне. При этом не учитывалась

многофакторность процесса разоружения, а именно влияние советского военно-промышленного комплекса, силовых структур (КГБ) на принятие решений в области внешней политики, особенно во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг.

Рассекреченные и ранее не опубликованные архивные материалы позволяют более глубоко и всесторонне исследовать цели и характер позиций советской и американской сторон. Рассекреченные документы о деятельности конфиденциального канала «Киссинджер-Добрынин» открывают перед исследователями новые аспекты процесса переговоров.

В конце 1980-х – нач. 1990-х гг. в советской и российской историографии на рубеже 1980-х – 1990-х гг. исследовалась программа США по развитию космического вооружения – «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), объявленной президентом Р. Рейганом. В Советском Союзе в ответ был разработан так называемый «асимметричный ответ» американской СОИ, одним из его авторов являлся заместитель директора ИСКАН, заместитель министра обороны России А.А. Кокошин. По сути основу «асимметричного ответа» составил очередной виток дорогостоящей гонки советских вооружений [6].

После окончания холодной войны и распада СССР в российской историографии в 1990-е гг. проблеме разоружения и взаимодействия нашей страны с США в военной сфере уделялось мало внимания. В основном на первый план в работах Т.А. Шаклейной, В.И. Батюка, А.В. Картунова, Е.П. Бажанова выдвигалось налаживание экономических, политических связей

с Соединенными Штатами. Через призму экономических проблем рассматривались вопросы ратификации Договоров СНВ-1, СНВ-2 [28; 11; 8; 9; 2].

Федерация мира и согласия, Международная неправительственная организация, Группа «Генералы и адмиралы за мир и безопасность» в 1995 г. опубликовала сборник статей российских военных, посвященный развитию советско/российско-американского процесса переговоров с 1985 г., проблеме ратификации российско-американского договора СНВ-2, планам США выйти из Договора по ПРО 1972 г. [22]. Авторы статей с критических позиций рассматривали заключенные при М.С. Горбачеве советско-американские договоры о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД) и о сокращении стратегических вооружений (СНВ-1); обращали внимание на опасность недофинансирования российских Вооруженных сил, в том числе ядерных сил; не поддерживали идею создания системы ПРО, сопряженной с американской системой.

В 2000-е гг. начали появляться исследования, посвященные ухудшению стратегической ситуации в России в связи с отказом администрации Дж. Буша-мл. от переговоров по разоружению с Россией; в связи с выходом США из Договора по ПРО 1972 г.; обосновывавшие необходимость налаживания и продолжения российско-американского переговорного процесса в области стратегических вооружений. Во многом это было связано с изменившимися позициями российского и американского руководства в области разоружения. Российская сторона указывала на важность продолжения диалога в этой области [14; 15; 16, с. 29–42].

Монография Т.А. Шаклеиной «Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002)» [29] уделяет внимание развернувшимся в обеих странах политическим дискуссиям, где обсуждались изменившиеся стратегические и геополитические интересы России и США в изменившемся мире.

Сложная военно-политическая и стратегическая ситуация, складывающаяся в России в связи с выходом американской стороны из Договора по ПРО 1972 г., критически рассматривается в сборнике материалов «Российско-американские отношения после избрания нового президента США», изданном в сотрудничестве с Институтом Дж. Кеннана [23], в сборнике научных статей «Современный миропорядок и Россия» под общей редакцией В. Михайлова [26].

Перспективам развития российско-американских переговоров в области разоружения на момент прихода к власти в США Дж. Буша-мл. и анализу Договоров СНВ-1, СНВ-2 посвящено издание «Российско-американские отношения в области сокращения ядерных вооружений: современное состояние и перспективы» [24]. Исследование, вышедшее в 2001 г., содержит статистический и технический анализ состояния СЯС России и СНС США, намечает перспективы переговорного процесса обоих государств. Выход Соединенных Штатов из Договора по ПРО в 2002 г. и прекращение переговоров по разоружению с Россией авторами не учитываются. Коллективная монография «Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история,

возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия» [20] посвящена в основном важности и перспективам сохранения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В рамках этой проблемы в работе рассматриваются проблемы ратификации и практического осуществления Договоров СНВ-1 и СНВ-2.

В 2010 г. вышла монография Т.В. Кашириной «Советско-американские отношения в области разоружения: политико-правовые основы в 1969-1980 годах» [10], в которой на основе широкого круга архивных документов советской и американской внешней политики, в том числе новых, рассмотрен переговорный процесс по Договору ОСВ-1 и Владивостокской договоренности 1974 г.

На сегодняшний день большое число исследований российских историков, политологов, военных, в которых дискутируются проблемы российско-американских договоров СНВ-1, СНВ-2, СНВ-3, представлен на политических, аналитических и военных сайтах сети «Интернет» [51; 52; 53].

Примечательным моментом стал выход коллективной монографии «Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений» [30], которая посвящена исследованиям отношений России и США в военно-политической области, дан анализ современного состояния вооруженных и ядерных сил Соединенных Штатов и России; дана положительная оценка Договору СНВ-1 и Договору СНВ-3 2010 г. Процесс сокращения вооружений России и США оценивается положительно, как укрепляющий стратегическую мощь страны. Основная идея исследования лежит в обосновании

отказа от доктрины «ядерного сдерживания», не позволяющей, по мнению авторов, развить полноценное сотрудничество обеих стран. Вместо нее в монографии предлагается развивать сотрудничество в создании системы противоракетной обороны. Этот момент является дискуссионным, т.к., по мнению автора статьи, вряд ли возможен отказ от доктрины «ядерного сдерживания» в ближайшем будущем из-за позиции российского руководства, поддерживающего доктрину, и по причине сложностей переговорного процесса по ЕвроПРО. К тому же строительство совместной с американцами ПРО может настроить против России другие государства, такие, как Иран, Китай, страны третьего мира.

Таким образом, в российской историографии отсутствуют работы, рассматривающие советско-американский и российско-американский периоды ограничения и сокращения стратегических вооружений как единый процесс в контексте современного состояния и перспектив развития отношений России и США в области разоружения.

В зарубежной историографии серьезные исследования отношений Соединенных Штатов и Советского Союза в области разоружения появились на рубеже 1970-х-1980-х гг., когда в США развернулась широкомасштабная дискуссия о советско-американской разрядке и необходимости ее продолжения для национальных интересов американского государства. Монографии Р. Батлета, Ст. Тэлботта, Дж. Ленкрзовски, Р. Грана, Ст. Михалака рассматривают отношения Советского Союза и Соединенных Штатов в целом, одним из аспектов которых

являлись переговоры по разоружению [33; 48; 44; 38]. Нельзя не отметить попытку авторов объективно оценить процесс разрядки между СССР и США. Но в целом эти работы объединяло мнение в большей заинтересованности советской стороны в продолжении разрядки, в также, что СССР был виноват в создании условий для прекращения разрядки. Американские исследователи подчеркивали важное военно-политическое значение заключенных соглашений по противоракетной обороне (ПРО), по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1, ОСВ-2) в целях усиления безопасности США и СССР, но и налаживания отношений между двумя разными политическими и социальными системами. Причины спада разрядки объяснялись авторами достаточно упрощенно: количественным наращиванием стратегических ракет СССР, особенно СС-20 “Пионер”, размещенных в европейской части Советского Союза во второй половине 1970-х гг. и активностью СССР в странах третьего мира, направленной, по их совокупному мнению, на подрыв американского влияния в этом регионе. Ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., по мнению исследователей, стал по сути единственной причиной отказа американской стороны от ратификации Договора ОСВ-2. При этом фактически умалчивалось о силе и влиянии американского военно-промышленного комплекса, Пентагона, помощника по национальной безопасности Зб. Бжезинского на администрацию Картера, о дискуссиях, развернувшихся в этот период в военно-политических кругах, способствовавших ухудшению американско-советских отношений.

Во второй половине 1980-х гг. выходят монографии Дж. Дохерти, Р. Фальцграффа, М. Макгайвера, С. Байлера, М. Манделбаума, Дж. Ноджи, Р. Дональдсона [37; 45; 35; 46], посвященные разрядке, развитию отношений двух стран при президенте США Р. Рейгане и Генеральном секретаре ЦК КПСС М.С. Горбачеве. Работа Дж. Ноджи и Р. Дональдсона «Советская внешняя политика начиная со Второй Мировой войны» рассматривает процесс разрядки исключительно через призму американской войны во Вьетнаме. По мнению авторов, президент Никсон и помощник по национальной безопасности и госсекретарь Киссинджер были готовы идти на уступки Кремлю в самых разных вопросах в целях содействия советской стороне выводу Соединенных Штатов из вьетнамской войны без видимости поражения [46, р. 265–267]. При этом другие причины разрядки, как достижение военно-стратегического паритета между СССР и США, по мнению американских исследователей, являлись вторичными.

Монография М. Макгайвера «Военные цели в советской внешней политике» посвящена анализу военных доктрин СССР, сделанному на основе официальных выступлений советских руководителей, военных докладов Пентагона и рассекреченных американских разведанных. По мнению исследователя, движущей силой для советской стороны в ОСВ-1, ОСВ-2, ОССВ (по ограничению и сокращению стратегических вооружений) и ОЯВЕ (по ограничению ядерных вооружений в Европе) было опасение американского технологического и стратегического прорыва и превосходства в системах противоракетной обороны, в межкон-

тинентальных баллистических ракетах (МБР), в космических вооружениях. Но автор при этом умалчивал, что американская система ПРО «Сейфгард» начала создаваться в 1969 г. в ответ на уже созданную с начала 1960-х гг. советскую систему ПРО вокруг Москвы; советские МБР по военным и стратегическим показателям превосходили ракеты США «Минитмен». Опасение технологического прорыва и превосходства США появилось в СССР в основном в период руководства М.С. Горбачева, что во многом подвигло советское руководство на проведение политики уступок американцам.

В целом, американские авторы восхваляли политику реформ М.С. Горбачева, но выделяли в них две стороны. Одна (полное разоружение) – пропагандистская, нереализуемая; вторая – практическая, договорная. При этом американскими авторами подчеркивалось: чтобы воплотить цели Горбачева в советско-американских отношениях, Советский Союз должен был идти на уступки [45, р. 338].

В 1980-х гг. выходят работы американских ученых, содержащие определенные конструктивные предложения в отношении советско-американских переговоров по ОССВ и ОЯВЕ [41; 31]. В 1984 г. увидела свет монография профессора П. Уайта, в которой он обосновывал необходимость соблюдения интересов обеих сторон в ходе переговоров по разоружению [50]. П. Уайт критикует программу СОИ, как наносившую ущерб серьезному диалогу Соединенных Штатов и Советского Союза в области разоружения. Примечательно, что такого же мнения придерживались многие официальные лица США принимавшие участие в

разработке военных и внешнеполитических программ президента Р. Рейгана [39; 34].

В период после окончания холодной войны и распада СССР в Соединенных Штатах выходит ряд крупных работ по американо-российским отношениям, авторами которых являлись бывшие государственные деятели и официальные лица американских администраций – Г. Киссинджер и Зб. Бжезинский [3; 4; 12; 13]. Монографии этих авторов специально не рассматривали проблему российско-американского разоружения. Но работы Зб. Бжезинского обосновывали военно-политический курс США на мировую гегемонию и недопущение возрождения, в том числе и военного, России. Г. Киссинджер выступал в более конструктивном ключе, в монографии «Нужна ли Америке внешняя политика?» выдвигал аргументы против строительства США национальной ПРО из-за малой вероятности ядерной войны. Автор подчеркивал, что строительство НПРО нарушало действовавший тогда Договор по ПРО 1972 г., в разработке и подписании которого он принимал личное участие [13, с. 65–66]. С другой стороны, по мнению Киссинджера, вероятность строительства американской системы НПРО будет вынуждать Россию продолжать курс на переговоры с Соединенными Штатами по вопросам сокращения вооружений [13, с. 68]. В этом случае автор рассуждал в рамках политики «увязок», применявшейся им на посту помощника президента и госсекретаря. Также Г. Киссинджер поддерживал американскую политику недопущения восстановления сфер влияния России в странах СНГ. Но в целом исследования Г. Кис-

синджера настраивают американскую администрацию и общественное мнение на сотрудничество с Россией.

Отдельные стороны процесса сокращения стратегических вооружений и формировавшиеся в период президентства Б. Клинтона планы создания национальной системы ПРО рассмотрены в работах У. Холанда [40], У. Кристофера [36]. В этих работах обосновываются положительные (защита национальной безопасности США) и отрицательные (ухудшение отношений с Россией) стороны этого процесса.

В 2008-2011 гг. в США выходит ряд монографий и исследований с критикой внешней политики администрации Дж. Буша-мл. [7; 49; 32; 5; 18]. Эти работы объединяет критика президента Дж. Буша за вторжение в Ирак. Объединяет их и то, что основная цель политики США – добиться мирового лидерства – должна сохраниться, но надо изменить способы ее достижения, в т.ч. сохранить конструктивные отношения с Россией.

Известный государственный деятель А. Гор подчеркивает, что стремление к гегемонии вынудило администрацию Буша игнорировать ООН, нанести серьезный ущерб самым важным союзам, нарушить международное право, культивировать ненависть и презрение к американцам во многих регионах мира [7, с. 254]. А. Гор осуждает отказ Буша от сотрудничества с Россией в области разоружения и от международных договоров, в т.ч. и о сокращении стратегических вооружений, нератификации ДВЗЯИ (договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний). По мнению А. Гора, президент Буш нанес урон Договору о

нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) благодаря попытке заключения ядерной сделки с Индией. Автор критикует выход США из Договора по ПРО 1972 г. [7, с. 265, 268].

Бжезинский, в целом поддерживая стремление Соединенных Штатов к мировой гегемонии, подчеркивает так называемые «катастрофические ошибки Дж. Буша», после которых Америка должна оправиться и занять достойное место в мире. Зб. Бжезинский осуждает Дж. Буша-мл. за то, что тот сконцентрировал все внешнеполитические усилия на войне с Ираком, отодвинув другие проблемы на задний план. Результатом такой политики стало, в том числе, ухудшение ситуации на Ближнем Востоке [5, с. 72]. Обращает внимание, что Зб. Бжезинский высокопарно именуется президентами Дж. Буша-ст., Б. Клинтоном, Дж. Буша-мл. – глобальными лидерами [5, с. 137–138]. Он оценивает как исторически-пессимистическую концепцию разрядки Никсона-Киссинджера, причиной которой стало снижение военных расходов после Вьетнама, тем самым продолжая линию на схематичное и упрощенное видение причин и самой разрядки [5, с. 35].

Современному развитию переговорного процесса по СНВ-3 и по европейской ПРО между Россией и США посвящен целый ряд статей в американской прессе: Ф. Стивена [47], М. Ландлера [53], П. Касперовича [42], заведующей кафедрой обороны и стратегических исследований университета Миссури К. Пейн [21].

Таким образом, в российской и в зарубежной историографии в настоящее время ощущается недостаток значительных исторических обобщающих

монографических работ, комплексно исследующих проблему разоружения СССР–США и России–США в 1969–2012 гг.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арбатов А.Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. – М.: Политиздат, 1980. – 288 с.
2. Бажанов Е.П. Эволюция российской внешней политики в 90-е годы //Дипломатический вестник. – 1997. – № 2. – С. 59–60.
3. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
4. Бжезинский Зб. Вне контроля. (Глобальный беспорядок накануне XXI века). – М.: Международные отношения, 2002. – 240 с.
5. Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2010. – 192 с.
6. Военно-техническая политика США в 80-годы /А.А. Кокошин, А.А. Васильев, А.А. Коновалов; Отв. ред. А.А. Кокошин, А.А. Коновалов. Кн. 1. – М., 1989.
7. Гор А. Атака на разум. / Пер. с англ. – СПб.: Амфора, 2008. – 478 с.
8. Договор СНВ-2. Белая книга. Факты и аргументы. (Белая книга). – М.: Международные отношения, 1993. – 214 с.
9. Договор СНВ-2: перспективы ратификации /Материалы конференции, организованной Московским Центром Карнеги. – М.: Изд-во «Эребус», 1995. – 94 с.
10. Каширина Т.В. Советско-американские отношения в области разоружения: политико-правовые основы в 1969-1980 годах. – М.: ВГНА Минфина России, 2010. – 230 с.
11. Кортунув А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США. – М.: Изд.дом РНФ, 1993. – 156 с.
12. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с.
13. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? Пер. с англ. – М.: Ладомир, 2002. – 352 с.
14. Кокошин А.А. Политика национальной безопасности России в условиях глобализации. (краткий очерк). – М.: ИМЭМО РАН, 2001. – 68 с.
15. Кокошин А.А. Вопросы стратегического руководства обороны России (краткий очерк). – М.: ИМЭМО РАН, 2001. – 66 с.
16. Кокошин А.А. «Асимметричный ответ» vs. «Стратегическая оборонная инициатива» //Международная жизнь. – 2007. – № 7 (июль-август). – С. 29–42.
17. Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945-1982 гг. – М.: Политиздат, 1983. – 368 с.
18. Мэтлок Дж., мл. Сверхдержавные иллюзии. Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону – и как вернуться в реальность. Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2011. – 384 с.
19. Овинников Р. Зигзаги внешней политики США: От Никсона до Рейгана. – М.: Политиздат, 1986. – 400 с.
20. Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. – М.: ПИР-Центр, 2001. – 328 с.
21. Пейн Кейт. Новый СНВ: из России с ликованием. 14.06.2011. URL:<http://www.nationalreview.com> [дата обращения 14.06.2011].
22. Процесс ограничения и сокращения вооружений в российско-американских отношениях: Сб. статей / Под ред. В.В. Ларионова, Ю.В. Лебедева, Г.А. Михайлова. – М., 1996. – 591 с.
23. Российско-американские отношения после избрания нового президента США: Материалы «круглого стола». – М.: РОО «Содействие сотрудничеству Институт м. Дж.Кеннана, 2001. – 48 с.
24. Российско-американские отношения в области сокращения ядерных вооруже-

- ний: современное состояние и перспективы / Под ред. А.С. Дьякова. Долгосрочный: Издание Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ, 2001. – 52 с.
25. Советско-американские отношения в современном мире / Отв. ред. Г.А. Трофименко, А.Т. Подлесный. – М.: Наука, 1987. – 303 с.
26. Современный миропорядок и Россия: Сб. научных статей / Под общ. ред. В. Михайлова. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 37 с.
27. Фурсенко А.А. Президенты и политика США. 70-е годы. – Л.: Наука, 1989. – 289 с.
28. Шаклеина Т.А., Батюк В.И. Россия и Америка: российская внешнеполитическая мысль о российско-американских отношениях. – М.: Искран, 1992. – 67 с.
29. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). – М.: ИСКРАН, 2002. – 433 с.
30. Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. – М.: Моск. Центр Карнеги, 2011. – 511 с.
31. Adelman K.L. Arms control with and without agreements // *Foreign Affairs*, N.Y., 1984. – Vol. 63. – № 2. – P. 240–263.
32. Alter J. The promise. President Obama, Year One. – N.Y., 2010. – 458 p.
33. Bartlett R.W. American Foreign Policy in Perspective. Is the U.S. security being threatened. – Klivlend, 1978. – 240 p.
34. Bandy M., Kennan G., McNamara R., Smith G. The president's choice: Star wars or arms control. // *Foreign Affairs*, N.Y., 1984. Vol. 63. – P. 264–279.
35. Bialer S., Mandelbaum M. Gorbachev's Russia and American Foreign Policy. – London, 1987. – 510 p.
36. Christopher W. In the stream of history: shaping foreign policy for a new era. – Stanford, Calif., 1998. – 586 p.
37. Dougherty James E., Pfaltzgraff Robert J. American foreign policy: FDR to Reagan. – N.Y., 1986. – 433 p.
38. Gran R.G., Michalak St.J. American Foreign Policy Since Détente. – N.Y., 1984. – 228 p.
39. Glaser Ch. Why even good defenses may be bad? // *Intern. Security*, Cambridge. 1984. – Vol. 9. – № 2. P. 92–123.
40. Hyland W. Clinton's world: remaking American foreign policy. – Westport Conn., 1999. – 220 p.
41. Jervis R. The illogic of American nuclear strategy. – Ithacca; London: Cornel univ. Press, 1984. – 203 p.
42. Kasperowicz Pete. Sen. Kyl demands clarification of START treaty with Russia. URL:<http://www.thehill.com> [дара обращения 01.02.2011.]
43. Landler Mark, Erlanger Stevene. U.S. and Russia Activate an Arms Control Treaty. URL:<http://www.nytimes.com/2011/02/06/world/evrope/06start.html>.
44. Lenczowski John. Soviet perceptions of U.S. foreign policy. – London, 1982. – 318 p.
45. McGivire Michael. Military objectives in Soviet foreign policy. – Washington, 1987. – 530 p.
46. Nogee J.L., Donaldson R.H. Soviet foreign policy since World War II. – N.Y., 1988. – 425 p.
47. Stephen Philip. Obama grasps the nuclear nettle. *The Financial Times*. 27.03. 2009. URL:<http://search.ft.com/search?queryText=Towards+zero%3A+Obama+grasps+the+nuclear+nettle&aje=true&dse=&dsz=&x=0&y=0> [дара обращения 05.09.2010]
48. Talbott S. Endgame: The inside story of SALT-II. – New York, 1979. – 512 p.
49. The Battle for Congress. Iraq, Scandal, and Campaign Finance in the 2006 Election / Ed. by David B. Magleby and Kelly D. Patterson. – London, 2008.
50. White P.K. Fearful warriors. – N.Y.: Free press., L.: Macmillan, 1984. – 439 p.
51. URL:<http://armscontrol.ru>;
52. URL:<http://www.nasledie.ru/politvne>;
53. URL:<http://www.uspid.dsi.umini.it/proceed/cast97/kono.html>

УДК 930.9

Лавров Д.В.*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова***ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ РФ
В КРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД КОНЦА XX ВЕКА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР**

Аннотация. Статья посвящена анализу историографии взаимодействия органов государственной власти и банковского сектора РФ в кризисный период конца XX в. Автор делает вывод о том, что, несмотря на крайнюю заинтересованность общественности в знании механизмов государственного контроля банковской сферы, эта проблема еще не получила полного отражения в научных трудах. Исследователям не удалось в полном объеме воссоздать объективную картину нарастания кризисных явлений в банковском секторе России накануне дефолта 1998 г., проанализировать попытки власти предотвратить девальвацию рубля и локализовать последствия финансового кризиса.

Ключевые слова: банковская сфера, мировая экономика, глобализация, государственная политика, финансовая система, финансовый кризис.

D. Lavrov*Moscow State University named after M.V. Lomonosov***STATE POLICY IN THE RUSSIAN BANKING SECTOR
DURING THE CRISIS AT THE END OF XX CENTURY:
HISTORIOGRAPHICAL REVIEW**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the historiography of the interaction between the state authorities and the banking sector in the crisis period at the end of the 20th century. The author concludes that in spite of the keen public interest to the mechanisms of state control over the banking sector, this problem has not yet been fully reflected in scientific works. The researchers failed to recreate an objective picture of the crisis in the banking sector in Russia on the eve of the 1998 default, as well as to analyze the authorities' attempts to prevent the rouble devaluation and to localize the consequences of the financial crisis.

Key words: banking sector, global economy, globalization, national policy, financial system, financial crisis.

Разработка и реализация государственной политики Российской Федерации в банковском секторе в конце XX в. вызывала и продолжает вызывать повышенный интерес отечественных и зарубежных исследователей. За последние годы сформировался

значительный массив публикаций, в которых с различной степенью объективности показаны тенденции и противоречия формирования и развития банковской сети на постсоветском пространстве, особенности курса власти по обеспечению финансовой стабильности. Вполне закономерно, что

© Лавров Д.В., 2014.

к данной проблеме проявляли интерес главным образом ученые-экономисты, тогда как исторические исследования государственной политики в банковском секторе практически отсутствуют.

Основной проблемой большинства исследований является анализ причин нарастания кризисных явлений в финансово-экономической системе России во второй половине 1990-х гг. В этом вопросе ученые различных взглядов проявляют редкое единодушие, практически единогласно осуждая политический курс кабинета В.С. Черномырдина, оставившего своему преемнику С.В. Кириенко тяжелое финансовое наследие. Главной мишенью критики является долговременное искусственное сдерживание инфляции, непродуманная бюджетная политика, перевод ресурсов из реального сектора экономики в сферу финансов. Первый сигнал кризиса российской финансовой системы пришелся на 1997 г., когда правительство и Центральный Банк РФ стали скрывать от граждан реальный масштаб кризиса. Постоянное заимствование денежных средств за рубежом для покрытия бюджетного дефицита привело к увеличению государственного долга.

Наиболее жестко финансово-экономический курс правительства критиковали исследователи, придерживавшиеся левых взглядов. С. Глазьев и В. Маневич делают вывод о закономерности экономического провала августа 1998 г., вызванного неэффективной государственной либеральной политикой предшествующего периода: в очередной раз не состоялся обещанный переход к экономическому росту, снова сорвано исполнение годового

президентского послания. Авторы утверждают, что разрушительный курс, проводившейся в течение шести лет макроэкономической политики, привел к завышению курса рубля, скрытой инфляции, наращиванию государственного долга [3, с. 28; 8, с. 73–74]. По мнению исследователей, привлечение спекулятивного иностранного капитала только усугубило экономическую ситуацию в России [2, с. 3–5].

Крайне негативные оценки историков и экономистов получила непоследовательная политика органов власти в банковском секторе. С. Глазьев и В. Маневич подчеркивают, что государственную финансовую систему охватил неуправляемый долговой кризис, банки не всегда выполняли свои обязательства, возросла просроченная задолженность. Обеспечить стабильность не могло даже запоздалое решение о секвестре расходов бюджета, только обострившее социальную ситуацию в стране [2, с. 8].

Критикой финансово-экономической системы России в 1990-е гг. отличаются работы не только левонастроенных авторов, но и труды их оппонентов из либерально-демократического лагеря. Рассматривая зарождение и развитие коммерческих банков, как безусловно позитивное явление, В.Б. Судаков и О.В. Колесниченко показывают слабость государственной политики в банковском секторе, несовершенство финансовых отношений, ставших одной из главных причин кризиса [11, с. 93]. Авторы показывают трудности становления и развития банковской системы в России в переходный период 1990-х гг. Особое внимание уделяется анализу складывания двухуровневой банковской системы,

состоявшей из ЦБ РФ, как координирующего и контролирующего органа, и множества коммерческих банков. В своей работе авторы доказывают, что необходимость банковской структурной перестройки возникла еще до кризиса 1998 г. Большинство банков унаследовали свою структуру еще от социалистических финансовых организаций, из которых они развились в самостоятельные учреждения. Закономерен и вполне обоснован вывод ученых о том, что унаследованная структура постепенно пришла в несоответствие с требованиями рынка. Последовавший кризис 1998 г. лишь ускорил процесс реструктуризации и усложнил его, что неизбежно привело к перестройке всей кредитно-финансовой системы России [11, с. 95].

В самый разгар кризиса 1998 г. вышла в свет работа исследователя российской банковской системы Н. Кротова, в которой обобщены и проанализированы взгляды первых лиц финансового сектора России на проблему оздоровления национальной экономики. Автор ссылается на авторитетное мнение В.П. Халанского, бывшего первого заместителя председателя правления Коммерческого акционерного банка «Викинг» (г. Санкт-Петербург), который полагал, что в период реформ руководство страны допустило серьезные ошибки в управлении банковским сектором. Самая главная ошибка заключалась в том, что нельзя было финансовые потоки, а с ними – и банковскую систему, отрывать от главной задачи – от обслуживания реальной экономики, потому что финансовое состояние банка в конечном итоге определяется финансовым состоянием его основных клиентов [7, с. 98].

Показательно, что первая серьезная критика отрыва российских банков от реального сектора экономики прозвучала только после кризиса 1998 г., тогда как до этого исследователи рассматривали банковскую деятельность исключительно в контексте стабилизации финансового сектора. Например, известный экономист В.Д. Мехряков в 1996 г. отмечал положительную роль банков, которые создают деньги, а следовательно, предложение на денежном рынке, и предоставляют кредиты, стимулируя рост производства [10, с. 27]. После кризиса точка зрения автора существенно изменилась: он признал, что для развития банковского сектора в стране еще предстоит создать надлежащие условия, способствуя финансовому контролю и ограничивая возможные финансовые нарушения. В 1999 г. В.Д. Мехряков отмечал, что от банка требуется не просто размещение собранных денег, а такое управление капиталом, которое гарантирует сохранение равноценности средств вкладчиков. По мнению ученого, главной ошибкой банковского руководства в августе – сентябре 1998 г. был отказ от диалога с клиентами. Растерявшись и пустив дела на самотек, многие банки лишили себя перспективы. Автор выдвигает тезис о том, что шансы на успех имеют только те банки, которые стимулируют развитие реального сектора экономики и активно помогают своим клиентам [9, с. 37]. Просрочки платежей – это не просто проблема «плохого» клиента, это общая проблема. Банки и клиенты должны сообща находить выходы и достигать взаимопонимания.

Атмосфера либеральных реформ 1990-х гг. оставила глубокий след в

историографии. Ученые либеральных взглядов, как правило, осуждали государственное вмешательство в банковскую сферу, полагая, что финансовые институты способны к саморегулированию в меняющихся экономических условиях. Например, историк банковского дела С.А. Андрушин позитивно оценивал политику ЦБ и создание большого количества коммерческих банков в годы реформ. По его мнению, российская банковская система – одна из немногих мировых банковских систем, которая испытала столь глобальные перемены за столь короткий срок [1, с. 150–153].

Более глубокий анализ причин финансового кризиса 1998 г. прозвучал в аналитическом докладе председателя ЦБ РФ в 1995-1998 гг. С.К. Дубинина. По мнению российского политика и экономиста, главные причины российского банковского кризиса лежат внутри самой системы [4, с. 24]. В результате детального исследования автор приходит к выводу, что проблемы российских банков в значительной мере обусловлены недостатками в управлении активами, недооценкой рисков банковской деятельности и излишним переплетением интересов собственников и менеджеров банков. Экс-руководитель ЦБ учитывает и политическую ситуацию в стране: «России нужно было сокращать бюджет, но Госдума делала все, чтобы этого не случилось. Левых в Госдуме было большинство, и именно они блокировали сокращение. Это были популистские, безответственные действия...» [5].

Опираясь на итоги финансового кризиса 1998 г., исследователь В.С. Захаров выступил с идеей создания Российского банка реконструкции и

развития, который должен заниматься финансированием долгосрочных федеральных программ [6, с. 3]. На рубеже XX-XXI вв. ученые более спокойно, чем в 1990-е гг., оценивали перспективы участия государственного капитала в банковской сфере. В этом проявилось преодоление либеральных стереотипов недавнего прошлого. Например, В.С. Захаров отметил, что такая практика уже опробована в других странах с рыночной экономикой: «Главное не допускать национализации административным путем» [6, с. 4]. Переоценка роли государства в управлении банковской сферой проявилась в статье Г.А. Тосуняна «Государственное регулирование банковского сектора – уроки кризиса». Автором разработаны новые подходы к реформированию ЦБ и сети коммерческих банков России. По мнению ученого, политика государства должна определять основные направления развития и параметры различных уровней банковской системы, не касаясь отдельных ее элементов. Автор приветствует существование банков с контрольным пакетом государства, однако говорить об их «плановой доле» в банковской системе ошибочно. По вполне обоснованному мнению Г.А. Тосуняна, банки должны решать конкретные финансово-экономические задачи, которые нельзя отрывать от государственной политики [12, с. 2]. В качестве примера автор приводит возможность создания «Почтового банка» и «Агробанка».

Переоценка мирового опыта и последствий российского кризиса 1998 г. заставила исследователей говорить о высокой степени ответственности, которая ложится на государственные органы экономического регулирования

ния по обеспечению наиболее приемлемого распределения ограниченных ресурсов. Многие ученые были вынуждены признать невозможность выполнения этой задачи чисто рыночными механизмами.

Анализ историографии по данной проблеме показал сложность пройденного пути за минувшее посткризисное время, а также недостаточную изученность и отсутствие комплексного подхода к исследованию. Изучение государственной политики в банковском секторе в рассматриваемый период имеет большое значение для правильного понимания особого места, отведенного государственным органам власти в преодолении современных кризисных явлений в российской экономике. В нашей стране до сих пор не завершен процесс формирования устойчивой банковской системы, пошатнувшейся в 1998, 2004 и 2008 гг. Исследователи отмечают, что российские банки пока еще не готовы вести бизнес в неблагоприятных экономических условиях. Как представляется, эта проблема актуальна для всех банков во всем мире. Приспособиться к кризису, а тем более найти какие-то абсолютные технологии выживания в его условиях, наверное, невозможно. Любой кризис является уникальной ситуацией, по выходу из которой каждый находит свой более или менее оптимальный путь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андрушин С.А. Банковская система России: особенности эволюции и концепция развития. – М.: Институт экономики РАН, 1998. – 321 с.
2. Глазьев С., Маневич В. Социально-экономическая эволюция России: об итогах 1997 и сценариях ближайшего будущего // РЭЖ. 1998. – № 1. – С. 3–10.
3. Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 27–34.
4. Дубинин С.К. // Банковский кризис: туман рассеивается? (Доклад Центра развития под руководством С. Алексашенко) // Вопросы экономики. – 1999. – № 5. – С. 4–28.
5. Дубинин С.К. Кто виноват в кризисе 1998 года? // Коммерсантъ. – 2013. – 17 августа.
6. Захаров В.С. Реструктуризация банковской системы нуждается в поддержке государства // Банковское дело. – 1999. – № 5. – С. 2–6.
7. Кротов Н. Рождение коммерческих банков или момент истины российской банковской реформы. – М., 1998. – 160 с.
8. Маневич В. Монетарная динамическая модель Тобина и анализ российской экономики // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 70–81.
9. Мехряков В.Д. Банк и клиент: выживать нужно вместе // Банковское дело. – 1999. – № 7. – С. 37–40.
10. Мехряков В.Д. Тенденции развития кредитной системы // Предпринимательство. Политика. Наука. – 1996. – № 3. – С. 27–33.
11. Судаков В.Б. Колесниченко О.В. Банковская система России и пути ее интеграции в международный финансовый рынок. – М., 1997. – 128 с.
12. Тосунян Г.А. Государственное регулирование банковского сектора – уроки кризиса // Банковское дело. 1999. – № 6. – С. 2–7.

РАЗДЕЛ II. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Новейшая история

УДК 94

Зорин А.Э.

Московский государственный областной университет

СОТРУДНИЧЕСТВО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье исследуются наиболее важные направления сотрудничества британской и американской разведок, которые, несомненно, интересны исследователям Второй мировой войны. Автор изучает роль Великобритании в становлении и развитии американской стратегической разведки. Особый интерес у автора вызывает помощь британцев в подготовке американских профессиональных разведчиков и диверсантов. Опираясь как на мемуары, так и на крупные научные исследования американских и английских историков, автор показывает значение англо-американской кооперации в разведывательной сфере для победы над фашизмом.

Ключевые слова: радиоперехват, боевое искусство, дешифровка, тренировочный лагерь, координатор информации.

A. Zorin

Moscow State Regional University

THE COOPERATION OF THE U.S. AND THE UK INTELLIGENCE ORGANIZATIONS DURING WORLD WAR II

Abstract. The article examines the most important areas of cooperation between the British and American intelligence services that are sure to be interesting for the researchers of World War II. The author studies the role of the UK in the development of the American strategic reconnaissance. The author's particular interest is focused on the British assistance in the preparation of professional American spies and saboteurs. Using both memoirs and American and British historians' major research works the author shows the importance of the Anglo-American cooperation in the field of intelligence for the victory over fascism.

Key words: radio intercept, martial art, decipher, training camp, coordinator of information.

© Зорин А.Э., 2014.

Наиболее распространенная среди историков точка зрения состоит в том, что до Второй мировой войны полноценной разведслужбы у США, в отличие от Великобритании, не существовало: «Соединенные Штаты всегда гордились тем фактом, что не используют шпионов и американские офицеры разведки всегда сохраняли свои руки чистыми» [7, р. 11]. Это было связано с тем что у американцев на континенте не существовало серьезных постоянных угроз, а также с традиционным для США негативным отношением ко всякого рода попыткам ограничения свободы, даже в ущерб национальной безопасности. В 1929 г. госсекретарь США Генри Стимсон даже заявил: «Джентльмены не читают почту других людей» [3, с. 606]. Эта позиция наиболее точно отражает отношение американского политического истеблишмента к «грязным» методам разведслужб. Несмотря на то, что ряд функций разведки выполнял достаточно разветвленный аппарат Федерального Бюро Расследований, в целом, как признаются даже современные американские историки, «американская разведывательная организация в 1940 г. была примитивной и неадекватной» [9, р. 2].

Создание американской разведывательной системы неразрывно связано с именем Уильяма Донована, полковника армии США, ветерана Первой мировой войны и личного друга президента США Франклина Рузвельта.

Деятельность Донована началась задолго до того, как Америка вступила в войну. В конце лета 1938 г., когда чехословацкий кризис подходил к своей кульминации, Дононан внимательно следил за маневрами немецкой армии. Пользуясь информацией, основанной

на официальных источниках, и полагаясь только на личное впечатление, Дононан приехал из Германии с преувеличенными оценками возможностей страны в производстве вооружений. Однако его не пугала угроза «пятой колонны» в Великобритании, о которой часто говорили.

В отличие от американского Объединенного комитета начальников штабов, американского посла в Лондоне и других пессимистов, Дононан верил в мощь Британии, управляемой Уинстоном Черчиллем. Он, однако, полагал, что англичанам понадобится безотлагательная массивная американская помощь для успешного отражения нападения немцев. Влияние, оказанное Донованом на Рузвельта, компенсировало пораженческие настроения американского посла в Лондоне.

Летом 1940 г., после поражения Франции, Дононан был приглашен в Великобританию с целью лично проинспектировать состояние спецслужб и организацию обороны. Таким образом, его приглашали самолично убедиться, что англичане способны противостоять Германии, если США предоставят им свою помощь. Рузвельт одобрил поездку, признав, что независимая оценка шансов англичан на выживание принесет только пользу.

Поездка американца по стране была организована главной английской разведслужбой МИ-6, шеф которой, Стюарт Мензис, лично сделал необходимые приготовления [4, с. 196]. Доказательством того, что англичане придавали этой миссии большое значение, было то, что через два дня после приезда американцев премьер-министр Черчилль пригласил Донована на обед.

К концу июля 1940 г. Великобританию также посетили три американских офицера высшего командного состава, являвшиеся представителями Комитета стандартизации вооружений.

К тому моменту, когда Донован покинул Англию 3 августа, он был полностью готов защищать интересы Великобритании и представить длинный список вооружений, первыми в котором шли пятьдесят эсминцев, В-17 «Летающие крепости» и высокоэффективные прицелы наведения для бомбометания. Еще до возвращения Донована в Америку, Рузвельт принял решение удовлетворить просьбу англичан.

Миссия Донована, несомненно, повлияла на последующее решение Рузвельта назначить его начальником стратегической разведки. Начальник английской военно-морской разведки контр-адмирал Джон Х. Годфри отмечал в дневнике: «Полковника Донована убедили усилить его личный интерес в делах разведки, и совместно с ним были разработаны детали улучшения деятельности спецслужб США на благо общего дела... Этот вопрос обсуждался непосредственно с президентом, и кандидатура полковника Донована была поддержана и рекомендована нами мистеру Рузвельту для назначения его координатором спецслужб» [4, с. 197].

Черчилль сделал все возможное, чтобы способствовать его назначению. 11 июля 1941 г. Рузвельт формально ввел должность координатора по информации, имея в виду назначить на нее Донована. Введение должности прокомментировали следующим образом: «Мистер Донован будет собирать и систематизировать информацию,

имеющую отношение к национальной безопасности, от различных департаментов и агентств правительства» [4, с. 198].

Представитель МИ-6 в США Уильям Стивенсон немедленно телеграфировал в Лондон, сообщив хорошие новости о новом назначении Донована.

12 июня 1942 г. офис координатора информации был преобразован в Управление Стратегических Служб США. УСС стало главным предшественником Центрального Разведывательного Управления США.

Существующие спецслужбы США — государственная, армейская, военно-морская и ФБР, — озабоченные защитой своих собственных интересов, не приняли его назначение с таким же энтузиазмом. Донован столкнулся с политической оппозицией со всех сторон, имели место неизбежные ссоры с такими высокопоставленными военными чинами, как командующий военно-морскими силами Фрэнк Нокс, министр обороны Генри Стимсон, начальник штаба генерал Джордж Маршалл и начальник по военно-морским операциям адмирал Гарольд Старк. Доновану следовало выиграть битву в Вашингтоне, прежде чем приступить к борьбе с настоящим противником, но Рузвельт оказывал ему всестороннюю поддержку [6, р. 276].

Сразу же после Перл-Харбора перед Донованом встала задача организации тренировочных школ для подготовки профессиональных разведчиков и диверсантов. Однако, как оказалось, никто в его офисе не имел ни малейшего представления о том, как должны функционировать школы подготовки шпионов [8, р. 223]. Помощь в этом

могли оказать только английские разведчики-профессионалы, которые и создали структуру и разработали систему американских разведшкол. Первые тренировочные лагеря, подчиненные офису координатора информации (затем УСС) строились в Вашингтоне и Балтиморе. До завершения этих объектов американские разведчики получили возможность проходить подготовку в канадском «Лагере Х», недалеко от Торонто. Одним из американских разведчиков, побывавших в этом лагере, был Фрэнк Девлин. Впоследствии он вспоминал: «Одна из первых наших тренировочных миссий состояла в том, чтобы незаметно заложить взрывчатку на одном из участков Канадско-Тихоокеанской железной дороги. Взрывчатку предполагалось заложить недалеко от одного из мостов. Нам сообщили, что вся зона железной дороги великолепно охраняется и охранникам не будет сообщено о планируемой операции. Нам удалось заложить взрывчатку и привести в действие часовой механизм. Само собой, бомба не взорвалась, но, в принципе, мы могли это осуществить» [7, р. 2].

Девлин изучал в лагере базовые техники выживания и боевых искусств. «У нас было много занятий, посвященных тому, как вести себя за линией фронта. Нас обучали различным вариантам действий, чтобы скрыться от врага. Там преподавали и многие мерзкие вещи, совсем не этому нас учили в пехотной школе» [7, р. 4].

В тренировочный процесс в дальнейшем включили и занятия, которые вел Уильям Фэйрборн, бывший старший британский офицер шанхайской полиции. Это была техника боя, совмещавшая элементы джиу-джитсу

и обычной уличной драки. Впоследствии это боевое искусство получило наименование «техника Фэйрборна». Фэйрборн также изобрел специальный боевой нож для агентов УСС. Он вспоминал, что обычные американские разведчики сначала с негодованием встречали некоторые грязные методы боя, «но когда они понимали, что и противник не будет церемониться с ними и что эти методы работают, они переходили на его сторону» [7, р. 5].

Донован был бесконечно благодарен за помощь, полученную от англичан. После войны, несколько преувеличивая, он сказал: «Билл Стивенсон научил нас всему о проведении разведывательных операций за рубежом» [4, с. 199]. Помощь англичан стала особенно полезной, когда они дали доступ к материалам «Ультра», полученным в результате перехвата и дешифровки немецких сообщений. Предоставление этой информации объяснялось далеко не альтруизмом; англичане хотели получить плоды американской программы «Мэджик», благодаря которой расшифровывались сообщения японцев. Хотя эта программа была ориентирована на ведение войны на Дальнем Востоке с японцами, чрезвычайно важными были данные о европейском театре военных действий против Германии, которые получали в результате радиоперехвата сообщений, посылаемых японским послом Хироси Осима в Токио. Осима, и это представляется весьма существенным, был близким другом шефа абвера Вильгельма Канариса. Вскоре система обмана, посредством которой немецкие спецслужбы получали дезинформацию от агентов-двойников, оказалась очень ценной для обеих стран.

Донован исповедовал немного наивную, но привлекательную веру в возможность реализации всех планов и был убежден, что просвещенный любитель нередко может сделать дело лучше профессионала. «Один из моих парней, – говорил Донован, – стоит десяти армейских солдат» [2, с. 144].

Донован полагал, что немцы особенно сильны в проведении тайных разведывательных операций, и считал, что с подобной угрозой может справиться только организация, подобная УСС. Свое ошибочное представление он усугубил тем, что наделил англичан способностью раскрывать любые секреты. Поэтому Донован обратился к своим британским коллегам за опытом, который, по его мнению, был необходим, чтобы эта организация стала действительно профессиональной.

Англичане приветствовали возможность пополнить за счет американцев свои финансовые ресурсы, улучшить материально-техническое обеспечение, укрепить свой кадровый состав. Они считали, что складывавшиеся взаимоотношения будут находиться под их полным контролем: американцам отводилась роль младших партнеров в крупном британском деле. Английский разведчик Малькольм Магеридж пишет по этому поводу следующее: «Я очень хорошо помню, как к нам прибыли американцы, «источающие аромат» подготовительной школы. Все такие молодые и невинные. Они должны были начать работать в нашем старом затхлом «разведывательном публичном доме». Вскоре всех их «изнасиловали и развратили» [2, с. 145].

Некоторые сотрудники британской разведки выражали недовольство по

поводу состояния дел с обеспечением безопасности в Соединенных Штатах. Член британского парламента Генри Кирби, работавший в МИ-6 в 20-х гг. вспоминает: «Можно сказать, что у американцев вообще не было разведки. УСС походило на наше Управление специальных операций и, в основном, полагалось на американские этнические группы в поисках специалистов по языкам и лиц, располагавших знаниями иностранных государств. Службы безопасности не существовало. А ведь они поддерживали тесные контакты с нашими МИ-6 и УСО. Таким образом, состояние нашей безопасности сразу значительно понизилось» [2, с. 146].

Ряд сотрудников британской разведки возражали против методов работы УСС. Американцы хотели установить по своим каналам связи с правительствами ряда европейских стран, находившихся в изгнании, англичане же считали, что такие контакты должны проходить через них. УСС хотело использовать агентуру на местах по своему усмотрению, МИ-6 считала, что о подобных мероприятиях американцы должны ее информировать и действовать с ее одобрения. Англичане считали, что УСС должно пользоваться их кодами и линиями связи, американцы отказывались от такой практики, утверждая, что это позволит МИ-6 быть в курсе всех дел УСС, а свои секреты скрывать. В начале 1944 г. МИ-6 и УСС вступили в конфликт по поводу намерений американцев перебрасывать своих агентов из Алжира в оккупированную немцами Францию. К большому неудовольствию Донована, англичане использовали свою монополию на самолеты, необходимые для выполнения этого

задания, для контроля над операциями американской разведки.

Другие спецслужбы США очень подозрительно относились к идее эффективного сотрудничества с англичанами. Особенно это касается ФБР, которое координировало разведывательную деятельность США в Латинской Америке. Со времен провозглашения «доктрины Монро» руководство США рассматривало американский континент как свою сферу влияния и всячески стремилось указать на это представителям британских разведслужб. Тем не менее существует немало примеров эффективного сотрудничества британской разведки с ФБР.

Например, в конце 1943 г. английская МИ-6 и ФБР столкнулись с одним поразительным делом, которое могло бы послужить материалом для нескольких детективных романов. В МИ-6 оно известно под названием «дело с говорящими куклами» [1, с. 228]. Расследование деятельности шпионской организации — одной из тех, где немецкие и японские тайные агенты работали в тесном взаимодействии, — привело сотрудников контрразведки к шикарному магазину на Мэдисон-авеню, торгующему предметами искусства, в основном художественно сделанными куклами. Одно из писем, отправленных из магазина в Аргентину, вернулось обратно с пометкой: «Адресат выбыл в неизвестном направлении». Почтовые служащие США, попытавшись найти отправителя, вскрыли письмо в отделе потерянных писем. Его содержание оказалось настолько поразительным, что письмо тотчас же передали в ФБР. Адресату в Буэнос-Айресе сообщалось о коллекции кукол, которую предстояло от-

править из США в Англию. В разгар войны коллекции роскошных, дорогих кукол, разумеется, не могли переправляться из Америки в осажденную Англию, подвергавшуюся яростным бомбардировкам. Вскоре английские эксперты по шифрам раскрыли своим американским коллегам эту тайну. Одни «куклы» означали американские десантные суда, перевозившие американские войска в Северную Ирландию для вторжения в Европу, другие — транспортные суда, доставлявшие из Америки продовольствие и военные материалы [1, с. 231]. Таким образом, накануне дня высадки союзников в Европе, благодаря взаимодействию ФБР и британской разведки был ликвидирован важный шпионский центр внутри США.

В конце 1944 г. Уильям Донован направил президенту Рузвельту меморандум, предлагая преобразовать УСС в постоянную разведывательную организацию, которая бы действовала и в мирное время. Однако этот проект по неизвестным причинам попал в руки одной из чикагских газет, которая разразилась гневной статьей, назвав будущую организацию «супер-гестапо». Это событие, а также смерть Франклина Рузвельта в апреле 1945 г. похоронили планы Донована. 30 сентября 1945 г. новый президент Трумэн распустил УСС.

Помощь Великобритании позволила США в кратчайшие сроки создать крепкую энергичную разведывательную организацию, способную решать задачи политического руководства страны. «Могли бы союзники победить без УСС? Очень возможно. Однако его деятельность спасла тысячи жизней солдат союзников» [5, p. 17].

Наиболее важным итогом сотрудничества американской и британской разведывательных систем в годы Второй мировой войны следует назвать успешную подготовку дальнейшей совместной борьбы уже с новыми угрозами в рамках холодной войны. Через два года, в 1947 г. было образовано Центральное Разведывательное Управление США. Многие из его сотрудников в годы Второй мировой войны состояли в тесных связях с британской разведкой, прошли совместные тренировочные лагеря и получили великолепный опыт сотрудничества с одной из наиболее профессиональных разведывательных систем первой половины XX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кукридж Е.Х. Тайны английской секретной службы / Перевод с англ. – М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1959. – 308 с.
2. Найтли Ф. Ким Филби — супершпион КГБ / Перевод с англ. – М.: Республика, 1992. – 320 с.
3. Полмар Н., Аллен Т.Б. Энциклопедия шпионажа / Перевод с англ. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1999. – 814 с.
4. Уоллер Дж. Невидимая война в Европе / Перевод с англ. – Смоленск: Русич, 2001. – 416 с. – (Мир в войнах).
5. Casey, W. The Secret War Against Hitler. Washington, D.C.: Regnery Gateway, 1988. – 304 p.
6. Dunlop, R. Donovan: America's Master Spy. – N.Y.: Rand McNally, 1982. – 562 p.
7. O'Donnell, P. Operatives, Spies, and Saboteurs: The Unknown Story of the Men and Women of World War II's OSS. – N.Y.: Free Press, 2004. – 384 p.
8. Roosevelt, K. The Overseas Targets: War Report of the OSS. – Washington D.C.: Carrollton Press, N.Y.: Walker & Co, 1976. – 569 p.
9. Warner, M. Office of Strategic Services: America's First Intelligence Agency. – Washington, D.C.: CIA Public Affairs Office, 2000. – 389 p.

УДК 339.9(470+436) “20”

Макаренков М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

АВСТРИЙСКО-РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ АВСТРИИ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В настоящей статье речь идет об австрийско-российских экономических отношениях, складывавшихся после вступления Австрии в Европейский союз во второй половине 90-х гг. XX в. Автор утверждает, что своеобразная «перезагрузка» экономических отношений между Россией и Австрией в связи со вступлением этой страны в ЕС проходила сложно и болезненно. С одной стороны, Австрия, поглощенная адаптацией в Европейском Союзе, несколько утратила свою былую заинтересованность в высоком уровне экономического сотрудничества с Россией. С другой стороны, российская сторона, в свою очередь, не использовала в полной мере открывшиеся возможности для наращивания экономического сотрудничества с Австрией как с членом ЕС. Тем не менее спустя некоторое время в австрийско-российских экономических отношениях наметились положительные изменения.
Ключевые слова: Европейский союз, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), экономические отношения, торговое сотрудничество, объем товарооборота, структура товарооборота, научно-техническое сотрудничество, инновационное сотрудничество.

M. Makarenkov

Moscow State Humanitarian University named after Sholokhov

AUSTRIAN-RUSSIAN ECONOMIC RELATIONS AFTER AUSTRIA'S JOINING THE EUROPEAN UNION IN THE SECOND HALF OF THE 90'S OF THE XXTH CENTURY: STATUS, PROBLEMS

Abstract. This article focuses on the Austrian- Russian economic relations that have developed after Austria joined the European Union in the second half of the 90's of the XXth century. The author states that a kind of «reload» of the economic relations between Russia and Austria turned out to be difficult and painful due to country's entry into the EU. On the one hand, Austria, absorbed in the adaptation to the European Union, has lost some of its former interest to high level of economic cooperation with Russia. On the other hand, Russia has not taken full advantage of new opportunities for enhancing the economic cooperation with Austria as a member of the EU. Nevertheless, some time later in the Austrian-Russian economic relations there have been signs of positive changes.

Key words: the European Union, Partnership and Cooperation Agreement (PCA), economic relations, trade cooperation, volume of trade turnover, structure of trade turnover, scientific and technical cooperation, innovative cooperation.

Австрийская Республика (АР) стала членом Европейского союза (ЕС) 1 января 1995 г. Прошло уже достаточно времени для проведения объективно- историко-экономического анализа последствий ее вступления в Европейский союз в контексте австрийско-российских экономических отношений во второй половине 90-х гг. XX в., когда проходила адаптация Австрийской Республики в ЕС.

После развала СССР и рождения «новой» России договорно-правовой основой австрийско-российских двусторонних торгово-экономических отношений являлось Соглашение между Российской Федерацией и Австрийской Республикой о торговле и экономическом сотрудничестве от 8 ноября 1993 г. [20, с. 428–436].

В начале 90-х гг. ситуация в экономических отношениях Австрии и России была очень сложная, рассказывал торговый представитель РФ в Австрии Г. Фильшин. Россия утратила возможности производить ту продукцию, что раньше, отмечал Г. Фильшин, и «многие австрийские предприятия были вынуждены перестраивать свою работу с нами». «Острыми были проблемы задолженности, финансирования, гарантий, страхования» – подчеркивал наш торговый представитель в Австрии [27]. Но с середины 90-х гг. Австрия вновь «пошла на реализацию крупных проектов с Россией» [27].

Вхождение Австрии в ЕС изменяло, отчасти, правовую основу австрийско-российских экономических отношений. Со вступлением Австрии в ЕС теперь австрийская сторона должна была руководствоваться в экономическом сотрудничестве с Россией правилами ЕС.

Что касается Российской Федерации, то она подписала 24 июня 1994 г. с Европейским Союзом Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) [8, с. 29–59]. Основная цель Соглашения – интенсификация торгово-экономических и научно-технических отношений между Россией и Европейским Союзом, Россией и странами, входящими в ЕС [21, с. 84–149].

Ратификация СПС требовала времени. И поэтому ЕС и Российская Федерация решили в июле 1995 г. подписать Временное соглашение о торговле, чтобы стимулировать развитие экономических связей на основе СПС. Временное соглашение включало пункты, не требовавшие ратификации.

В ноябре 1996 г. российский парламент принимает, а президент РФ подписывает Федеральный закон Российской Федерации № 135 о ратификации СПС [25]. Решительные шаги России, к сожалению, не приблизили ратификацию СПС членами Европейского Союза. И тогда, учитывая затянувшуюся ратификацию СПС, Правительство Российской Федерации принимает Постановление № 324 от 17 марта 1997 г. о временном применении Протокола к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом.

И только в декабре 1997 г., наконец-то, СПС официально вступило в силу. Позднее ЕС и Россия подписали дополнительный протокол о присоединении к СПС Австрии, Финляндии и Швеции [26]; названные страны стали членами ЕС с 1 января 1995 г.

«Выстраданное» Соглашение о партнерстве и сотрудничестве определяло такие формы взаимодействия, как: создание зоны свободной торговли (ст. 3);

«построение торговых отношений на основе принципов Генерального соглашения по тарифам и торговле с учётом будущего вступления России в ВТО» (ст. 4); постепенное предоставление Россией «режима наиболее благоприятствуемой нации в торговых отношениях» (ст. 5) и др. Одним словом, СПС открывало большие экономические возможности для России [21, с. 84–149].

Надо при этом заметить, что СПС использовало формулировки так называемого «мягкого права», реализация которых в значительной мере зависит от доброй воли сторон.

В июле 1998 г. Правительство Российской Федерации утвердило Перспективный план действий по реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве [15]. Была создана Смешанная российско-австрийская межправительственная комиссия по торговле и экономическому сотрудничеству, которая стала важным механизмом этого сотрудничества; российскую часть комиссии возглавляла тогдашний заместитель Председателя Правительства РФ В.И. Матвиенко. В рамках Комиссии были созданы различные рабочие группы, в частности по экономическому сотрудничеству Австрии с регионами Российской Федерации, по сотрудничеству в области малого и среднего предпринимательства, энергетике, экологии, взаимодействию в социальной сфере и т.п.

В октябре 1997 г. было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве России и Австрии. В этом документе определялись конкретные формы сотрудничества. Речь шла, в частности, об обмене учеными и специалистами в рамках двусторонних научных проектов, научно-техниче-

ской информацией, о прямом сотрудничестве австрийских и российских научно-исследовательских институтов, а также о проведении совместных научных конференций, симпозиумов и т.п. [19, с. 61–64].

Таким образом, можно утверждать, что в 90-е гг. XX в. экономические отношения Австрии и России для своего развития имели достаточно широкую договорно-правовую базу, состоящую из австрийско-российских двусторонних документов и юридическо-правовых норм и правил Европейского союза, которыми должна была руководствоваться Австрия после вступления в ЕС.

Российская сторона рассчитывала на активизацию торгово-экономического сотрудничества с Австрийской Республикой, опираясь при этом ещё и на большой позитивный опыт в предшествующие времена. Тем более, что в новых политических условиях государственное и политическое руководство Австрийской Республики подчеркивало свою приверженность добрососедским отношениям с Россией, выражало готовность дать этим отношениям новый импульс [7, с. 14–15; 22, с. 502–503].

В конце 1995 г. в Австрийской Республике прошли парламентские выборы. Они принесли победу Социал-демократической партии Австрии (СДПА) и Австрийской народной партии (АНП). В начале 1996 г. было сформировано коалиционное правительство во главе с социалистом Ф. Враницким. Но вскоре он добровольно сложил с себя полномочия федерального канцлера и новым главой правительства стал В. Клима. Новый Федеральный канцлер Австрии не раз

подчеркивал мысль о том, что Россия «жизненно важный партнер Австрии и Европы» [17].

С первым официальным визитом в Россию В. Клима прибыл в октябре 1997 г. В центре его переговоров с руководителями России стали вопросы экономического, научно-технического сотрудничества, проблемы активизации австрийских и российских инвестиций. Не случайно, что в составе австрийской делегации находились банкиры, 50 наиболее известных представителей австрийской бизнес-элиты, желавшие работать на российском рынке [12].

В октябре 1998 г. состоялся визит тогдашнего руководителя российского правительства Е.М. Примакова в Австрию. В ходе состоявшихся переговоров особое внимание было обращено на дальнейшее повышение уровня двустороннего товарооборота, диверсификацию структуры этого товарооборота, создание лучших условий для привлечения австрийских инвестиций в российскую экономику и т.п. Было подписано более десятка контрактов; предусматривалось, что реализация этих контрактов «приведет» в Россию австрийские капиталовложения на сумму более 600 млн. долларов [9, с. 4].

Австрийская Республика в рассматриваемое годы целиком и полностью поддерживала Россию в её стремлении к развитию разносторонних отношений с Европейским союзом. Австрийский канцлер Шюссель не раз говорил о «стратегической привязанности» России к ЕС [13]. Он подчеркивал, что без «России трудно говорить о строительстве большой Европы. Европа без России не является цельной» [11].

Австрия не разделяла в 90-е гг. XX в. официальную позицию Европейского союза о России, как стране с «нерыночной» экономикой. Австрийская сторона выступала в пользу либерализации позиции ЕС в отношениях с Россией, утверждают И.Г. Жиряков, О.И. Барбашина, О.В. Максимова – авторы коллективной монографии «Экономические отношения Австрии с Советским Союзом и Россией: опыт, новые формы и тенденции». Австрия, по их мнению, выходя за рамки двухсторонних отношений, поддерживала стремление России вступить в ВТО, создать более легкий доступ российских товаров «к европейским рынкам» [2, с. 102].

С 1 января 1995 г. произошли определенные изменения во внешнеторговом сотрудничестве Австрийской Республики с Российской Федерацией; теперь Австрия как член Евросоюза должна была в своей внешней торговле руководствоваться только нормами и правилами ЕС. Это сразу же привело к негативным последствиям; резко были ограничены возможности продажи на австрийском рынке, к примеру, текстильных товаров, стальной продукции. Многие российские товары не проходили «тесты» ЕС по экологии. Кроме того, «в Австрии стал действовать строгий режим контроля над вывозом товаров военного и двойного назначения» [6, с. 24–25].

Показатели российско-австрийского торгового оборота во второй половине 90-х гг. XX в. выглядели следующим образом: в 1995 г. он составил 1,87 млрд. долл.; в 1996 г. – 1,49 млрд. долл.; в 1997 г. – 1,44 млрд. долл.; в 1998 г. – 1,09 млрд. долл., в 1999 г. – 985 млн. долл., в 2000 г. – 1,17 млрд. долл. [18].

Торговый представитель РФ в Австрии Г. Фильшин откровенно признавал: «Мы очень плохо поддерживаем свой экспорт, практически не работают уполномоченные банки. Все понимают, что надо менять структуру экспорта, ведь если даже мы поднимем эффективность экспорта энергоносителей и природных ресурсов – это очень ограниченный успех. Сегодня мы на 90 % обеспечили Австрию природным газом. Как расти дальше? Надо производить готовую продукцию, конкурировать, а не использовать только природные ресурсы. Пока мы этого не можем, хотя и пестуем любое предложение, связанное с высокими технологиями, пытаемся проводить выставки. Но наши предприятия к этому пока не готовы. Мы медленно двигаемся...» [27].

Финансовый кризис в России в 1998 г. ещё более ухудшил показатели объема австрийско-российской торговли. В 1999 г. австрийско-российский товарооборот опустился до нижней точки за всю вторую половину 90-х гг. XX в. [18; 24]. Однако вскоре в российско-австрийских торговых отношениях возобладала положительная тенденция.

Австрия занимала в конце 90-х гг. XX в. 15 место среди всех европейских внешнеторговых партнёров России и 10 место – среди стран-членов ЕС. В российском товарообороте на долю Австрии приходилось 1,1%. Удельный вес России во внешней торговле Австрии был примерно таким же – около 1% [24].

Что касается структуры австрийско-российского товарооборота, то она, к сожалению, не изменилась с советских времен; природный газ, нефть,

нефтепродукты и цветные металлы составляли почти 90% российских экспортных поставок в Австрию [2, с. 110]. В российском же импорте из Австрии, всё наоборот; как и следует в торговле с развитой страной, российская сторона покупала в Австрии машины, оборудование и другие готовые изделия.

В 90-е гг. XX в. зарождалось сотрудничество Австрии и России в банковской сфере. Австрийские банки одними из первых среди европейских банков начали «выходить» на российский рынок. Свои представительства в Вене открыли Центральный банк и Внешэкономбанк России, ряд российских коммерческих банков.

Особенностью российско-австрийского экономического сотрудничества исследуемых лет стало его развитие между землями Австрии и регионами России. Владимирская, Вологодская, Иркутская, Кемеровская, Московская, Рязанская, Томская, Ярославская области, Москва, Башкортостан, Бурятия, Карелия, Красноярский край, Республика Саха, Татарстан, Якутия и др. – устанавливали экономические связи с австрийскими землями, отдельными городами Австрии [24].

Развивалось, хотя и недостаточно активно, российско-австрийское инвестиционное сотрудничество. Австрия обладала громадными инвестиционными возможностями; она была и остается наиболее «привлекательной» европейской страной для ведения бизнеса. Австрия располагала необходимой производственной инфраструктурой, квалифицированными кадрами.

После того как Австрия стала членом ЕС, начался процесс роста объемов инвестиций в страну. Так, в 1997 г.

приток иностранных инвестиций в экономику Австрийской Республики составил примерно 1,4 млрд. евро, а в 1998 г. возрос более чем в три раза, превысив уровень в 4,2 млрд. евро. В 1997 г. объем накопленных инвестиций в Австрии составил 2,2% по ЕС, в 1999 г. – 4,7%, в 2000 г. – 5,5% [10, с. 56-60; 4].

На этом фоне присутствие российского капитала в Австрии было довольно «скромным». В начале 90-х гг. в Австрии было зарегистрировано всего лишь около 20 фирм с участием российского капитала. Основными отраслями австрийской экономики, куда вкладывали деньги состоятельные россияне, являлись банковское дело, торговля, транспорт, сфера услуг.

Общий объем прямых российских инвестиций в экономику Австрии оценивался в конце 90-х гг. в 60 млн. долл. США [24]. Это составляло всего лишь около 1% от общего объема прямых иностранных инвестиций в Австрии [24].

Непросто складывалась деятельность некоторых австрийских фирм на территории России. Упомянутые исследователи И.Г. Жиряков, О.И. Барбашина, О.В. Максимова отмечали, что в середине 90-х гг. «в лице австрийских (зарегистрированных в Австрии) фирм и организаций, недобросовестно исполняющих свои договорные обязательства и порой нарушающих законодательство Российской Федерации, оказывались, как правило, те, которые были созданы гражданами бывшего СССР». Срок деятельности таких фирм был невелик, подчеркивают российские авторы, «уставной капитал минимален, руководство некомпетентно» [2, с. 111].

«Москва и Вена», как утверждали хорошо информированные отечественные журналисты, были «не удовлетворены уровнем двусторонних отношений» [12]. Из созданных в конце 90-х гг. 500 российско-австрийских совместных предприятий лишь 20 % занимались производством. «Мы боремся, чтобы хотя бы реализовать те слабые решения, которые позволяют ввозить оборудование беспошлинно, которое мы не производим, говорил торговый представитель РФ в Австрии Г. Фильшин. – Это очень большая проблема – 1/3 бюджета у нас держится на пошлинах. Поэтому мало того, что 40% предприятий неплатежеспособны, так их еще и душат пошлинами». Тяжело иностранному бизнесу на нашем экономическом пространстве – делал неутешительный вывод Г. Фильшин [27].

Российская сторона в этих непростых условиях не бездействовала. Торговое представительство РФ в Австрии создало информационный центр общеевропейского направления по инвестиционной деятельности. База данных этого центра содержала порядка полутора тысяч постоянно обновляемых инвестиционных проектов примерно из 20 регионов России. В 1995–1996 гг. были организованы специальные семинары в России и в Австрии для российских предприятий из регионов по обучению современным методам подготовки бизнес-планов, технико-экономических обоснований и в целом проектов [5].

Но, как справедливо отмечала «Парламентская газета», иностранный капитал в Россию не пойдет до тех пор, пока не активизируется отечественный. Специалисты подчеркивали, что даже при благоприятном таможенном

и налоговом режиме австрийских инвесторов будут сдерживать другие значимые факторы: нерешенность вопросов с собственностью на землю, неразвитость банковской системы, запутанное состояние фондового рынка, отсутствие нормально действующей судебной системы.

Тогда в Австрии считали, что «права иностранных инвесторов в России если и защищены, то отнюдь не в той мере, чтобы западный капитал признал инвестиционные риски приемлемыми, а российскую почву благоприятной» [14].

С большими проблемами сталкивалось и сотрудничество Австрии с Россией в научно-технической сфере. Одним из важных направлений этого сотрудничества должна была стать «интенсификация научных связей путем поддержки мобильности исследователей в рамках совместных научных проектов» [23, с. 29]. Россия рассматривалась Австрией в качестве важного партнера в области научно-технического сотрудничества, обладающего значительным научным потенциалом, особенно в области естественных наук [13]. Приоритетными областями взаимодействия должны были стать биотехнологии, микробиология, генетика, нанотехнологии и т.п.

Однако количество одобренных совместных проектов в рамках Соглашения составляло в 90-е гг. 37 процентов, что, по австрийским оценкам, было ниже уровня, характерного для сотрудничества Австрии с другими странами, составляющего около 50 процентов. Австрийцы объясняли это финансовыми проблемами с российской стороны, не выделявшей достаточно средств на подобное сотрудничество [13].

Еще одной сложной проблемой в австрийско-российских экономических отношениях была «антидемпинговая» проблема. В соответствии с правилами ЕС в отношении России начали действовать антидемпинговые процедуры. Это было одно из больших препятствий для наращивания российского экспорта в Австрию и другие страны ЕС.

Однако надо заметить, что сама российская сторона несла определенную долю ответственности за сложившуюся ситуацию. «Представители Австрии обращали внимание на недостаточную, по их мнению, готовность российских предприятий, обвиняемых в демпинге, к кооперации с органами ЕС, а также на недостаток гибкости и оперативности в реагировании на открытие антидемпинговых расследований и плохое знание существующих в ЕС процедур» [2, с. 103].

В заключение статьи можно утверждать, что «перезагрузка» экономических отношений между Россией и Австрией в связи со вступлением этой страны в ЕС проходила сложно и небезболезненно. Нельзя умолчать о том, что Австрия во второй половине 90-х гг., поглощенная адаптацией в Европейском союзе, несколько утратила свою былую заинтересованность в высоком уровне экономического сотрудничества с новой Россией.

В свою очередь, российская сторона не использовала в полной мере открывшиеся возможности для наращивания экономического сотрудничества с Австрией. Причин тому можно назвать много: здесь сыграли свою роль жесткие правила ЕС; сказались новизна экономической ситуации для России, а также положение России в

сфере международного разделения труда как «топливно-сырьевого прироста» развитых стран, что увеличило зависимость российской экономики от нестабильных мировых рынков этих товаров и т.п.

Но нужно признать и другое: российский бизнес не был готов к деятельности на европейских рынках в новых условиях; более того, он не хотел осваивать новые методы и формы внешнеэкономической деятельности, не искал инновационных путей, креативных решений.

И это было вполне объяснимо – ведь в значительной части своей российский бизнес 90-х гг. создавался в «специфических условиях», а если прямо – в криминальной среде. Нестабильность отношений собственности (по некоторым оценкам, в 90-е гг. XX в. в России у чуть ли не пятой части собственности ежегодно менялись владельцы), криминальный характер происхождения многих капиталов, нерыночное поведение реальных частных собственников и т.п. [3]. Всё это приводило к тому, что создаваемые «рыночные механизмы» в России «сверху» не отвечали потребностям и внутри- и внешнеэкономического развития страны.

В последующие, 2000-е гг. австрийско-российское экономическое сотрудничество изменилось к лучшему; стало масштабным и активным сотрудничество Австрии и России, Европейского союза и России.

К сожалению, сегодня Европейский союз переживает сложные времена. Перед ЕС стоит проблема, заключающаяся, как полагают некоторые исследователи, не столько в преодолении финансово-экономического кризиса,

сколько в «выживаемости самой европейской идеи, которая является сердцевиной концепций европейской интеграции» [1, с. 33].

Загрывает ли этот процесс Россию? – Безусловно. Наша страна крайне заинтересована в модернизации своей экономики. Без широкого экономического, научно-технического сотрудничества с развитыми европейскими странами, входящими в ЕС, в том числе и с Австрией, без привлечения европейских инвесторов с передовыми технологиями, с последующим наращиванием сбыта новой российской продукции на европейских рынках и т.п. – невозможно перевести российскую экономику на путь инновационного развития.

В свою очередь, Европе, Европейскому Союзу в силу ряда причин не обойтись без России. Так что России и Европе необходимо быть вместе, или, как говорят некоторые исследователи, «их конвергенция – жесткий императив сегодняшнего дня» [28]. Поэтому «хоронить» идею европейской интеграции, сам Европейский Союз не следует. Тем более, есть все основания считать, что ЕС, страны, входящие в него, со временем сбросят с себя груз всех финансово-экономических и политических проблем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Арбатова Н. Кризис и Европейский Союз: политические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 11. – С. 33–42.
2. Барбашина О.И., Жиряков И.Г., Максимова О.В. Экономические отношения Австрии с Советским Союзом и Россией: опыт, новые формы и тенденции. – М.: МГУ им. М.А. Шолохова, 2009. – 165 с.

3. Бельчук А. Общие итоги системных реформ/Фонд исторической перспективы // URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/obshhije_itogi_sistemnyh_reform_2007-03-16.htm (вход 15 апреля 2012 г.)
4. Бочаров С.М. Инвестиционный климат Австрии // URL:<http://russmedia.net/modules/tinycontent0/index.php?id=8>
5. «Вена по-русски» URL: <http://www.russianvienna.com/index.php?> (дата обращения: 25 октября 2013)
6. Деловая Австрия: Справочник: том I (2002 г.) / Г.Н. Вачнадзе. – М.: Полпред, 2002. – 40 с.
7. Дипломатический вестник. – 1993. – № 13–14. – С. 14–15.
8. Дипломатический вестник. – 1994. – № 15/16. – С. 29–59.
9. Дипломатический Вестник. – 1998. – № 11. – С. 4.
10. Казанова Н.А. Россия – Австрия: развитие взаимоотношений в инвестиционной сфере // Российское предпринимательство. – 2011. – № 7. – Вып. 2 (188). – С. 56–60.
11. Коммерсантъ – Daily. – 2002. – 30 января.
12. Независимая газета. – 1997. – 29 октября.
13. О состоянии российско-австрийского научно-технического сотрудничества// сайт ТПП РФ в Австрии // URL: <http://www.aurostorg.com/main/econom4.shtml> (дата обращения: 10 октября 2013 г.)
14. Парламентская газета. – 2001. – 17 февраля.
15. Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 года «Об утверждении Перспективного плана действий по реализации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 33. – Ст. 4043.
16. Российская газета. – 1996. – 28 ноября.
17. Российская газета. – 1997. – 29 октября.
18. Российский статистический ежегодник. 2003 // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rossstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (дата обращения: 10 сентября 2013 г.)
19. Соглашение между Российской Федерацией и Австрийской Республикой о научно-техническом сотрудничестве от 29 октября 1997 г. // Бюллетень международных договоров. – 1999. – № 9. – С. 61–64.
20. Соглашение между Российской Федерацией и Австрийской республикой о торговле и экономическом сотрудничестве от 8 ноября 1993 г. // Внешняя политика России: Сборник документов. 1993: В 2 кн. Кн. 2: июнь-декабрь / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М., 2000. – С. 428–436.
21. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, утверждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и государствами-членами, с другой стороны, от 24 июля 1994 г. // Документы, касающиеся взаимоотношений между Европейским Союзом и Россией. – М., 1994. – С. 84–149.
22. Сообщение о визите вице-канцлера, министра иностранных дел Австрийской Республики В. Шюсселя в Россию // Внешняя политика России: Сборник документов. 1996 / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М., 2001. – С. 502–503.
23. Справочник по вопросам научно-исследовательского сотрудничества России и Европейского Союза. Представительство Европейской Комиссии в России. – М., 2009. – 137 с.
24. Торгово-экономическое сотрудничество с Россией // URL: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_606EBE73-E266-409F-92B3-BEED9BFCC6B0.html (дата обращения: 24 октября 2013)
25. Федеральный закон Российской Федерации № 135-ФЗ от 25 ноября 1996

- года «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны» (СПС) // Российская газета. – 1996. – 28 ноября.
26. Федеральный закон РФ № 103-ФЗ. от 18 июля 1998 года «О Ратификации Протокола к Соглашению о партнерстве и сотрудничестве, учреждающему партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны» // Российская газета. – 1998. – 28 июля.
27. Фильшин Г. Неразрешимых проблем между Россией и Австрией нет// Интернет-газета «Австрия, говорящая по-русски» // URL: <http://russmedia.net/modules/news/article.php?storyid=38> (вход 24 октября 2013)
28. Яковлев П.П. Интересы и ценности в отношениях между Россией и Европейским Союзом // URL: http://www.perspektivy.info/book/interesy_i_cennosti_v_otnoshenijah_mezhdu_rossijej_i_jevropskim_sojuzom_2013-05-29.htm (дата обращения: 6 июля 2013 г.).
29. Der Standard, 2002,29 ianuar /<http://derstandard.at/Archiv/2002/29> (дата обращения: 1 октября 2013 г.)

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94

Дятлов В.В.

*Михайловская военная артиллерийская академия
(г. Санкт-Петербург)*

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ АРТИЛЛЕРИИ В СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Статья раскрывает проблемные вопросы боевого применения артиллерии РККА в советско-финляндской войне. На боевых примерах показано, как решались данные вопросы в ходе боевых действий. Исторический опыт боевых действий «зимней войны» актуален и сегодня, спустя 75 лет. В научный оборот вводятся новые источники – боевые документы времен советско-финляндской войны.

Ключевые слова: материальная часть артиллерии, группировка артиллерии, корректировочная авиация, звукометрическая разведка, артиллерия большой мощности, управление войсками, организация взаимодействия.

V. Dyatlov

Mikhailovskaya Artillery Military Academy, St. Petersburg

PROBLEM ISSUES OF USING ARTILLERY IN THE SOVIET-FINNISH WAR

Abstract. The article covers the problem issues of combat use of artillery by the Red Army in the Soviet-Finnish war. The battle examples show how such issues were solved in action. Now 75 years later, the historical experience of the Winter War is still a matter of topical interest. New sources are introduced into the scientific circulation, i.e. military documents of the Soviet-Finnish war.

Key words: artillery materiel, artillery grouping, spotter reconnaissance aircraft, sound-ranging reconnaissance, superheavy artillery, troop command and control, organization of interaction.

Советско-финляндская война 1939-1940 гг. оказалась проверкой готовности Советского Союза, его армии и флота к ведению широкомасштабной войны. В ходе боевого применения

© Дятлов В.В., 2014.

советской артиллерии обнаружился ряд проблемных вопросов, требующих решения; среди них: организация и ведение контрбатареинной борьбы, взаимодействие артиллерии с другими родами войск на поле боя, разрушение

оборонительных сооружений противника.

Накануне войны вооруженные силы Финляндии, сосредоточенные на границах с Советским Союзом, насчитывали вместе с обученным резервом до 600 тыс. чел., около 900 орудий разных калибров [1, с. 191]. С советской стороны на северо-западных границах от Баренцева моря до Финского залива было сосредоточено четыре армии Ленинградского военного округа (ЛВО). Командование ЛВО с большой долей оптимизма оценивало соотношение сил и средств сторон на направлении главного удара. В конце октября 1939 г. начальником артиллерии военного округа комбригом М.А. Парсеговым был составлен документ: «Справка-доклад об использовании артиллерии на КАРПЕРЕШЕЙКЕ», в котором сделан вывод: «Общее превосходство в артиллерии имеем в 3,36 раза исходя из расчета, что финны будут иметь всего 198 орудий и части КАРПЕРЕШЕЙКА 668 орудий»¹.

Документы служебной переписки свидетельствуют, что начальника артиллерии ЛВО волновали имеющиеся недостатки в артиллерии, например укомплектованность материальной частью артиллерии стрелковых дивизий на Карельском перешейке. На 12 октября 1939 г. в них некомплект составлял 69 орудий калибра от 45-мм до 152-мм².

Состояние и обеспеченность средствами артиллерийской разведки также вызывала обеспокоенность начальника артиллерии ЛВО. В справке-докладе в качестве недостатка от-

мечено: «...недостаточное количество артиллерийской авиации, на 6 полков (311 пап, 24 кап, 21 ктап, 28 кап, 455 кап, 43 ктап) имеется 2 артавиаотряда, три воздухоплавательных отряда, что явно недостаточно, чтобы обеспечить нормальное действие, нужно еще 4 авиаотряда». Артиллерии приходилось вести боевые действия в лесных массивах, где возможности оптической разведки было ограничены, самолетов-корректировщиков для ведения разведки и корректирования огня артиллерии явно не хватало. Например, артиллерия 50-го стрелкового корпуса на 29 января 1940 г. насчитывала 327 орудий и минометов, в том числе орудий калибра 107-мм и выше – 231, эту группировку артиллерии обслуживали всего 6 самолетов из 16-го корректировочного авиаотряда³.

Не лучше обстояло и со средствами звукометрической разведки: «... звукометрической разведкой охватывается по фронту 30-40 км, что явно недостаточно для разведки батарей противника и подавления их на фронте 120 км»⁴.

Недооценка противника и переоценка возможностей своих войск предопределили неудачное начало боевых действий. Группировку артиллерии, как и группировку советских войск в целом, пришлось усилить. По состоянию на 11 января 1940 г. группировка артиллерии включала 1697 орудий (без учета зенитной артиллерии и минометов)⁵. Большую ее часть (1301 орудие) составляла артиллерия калибром 76-мм и более, при этом артиллерия большой мощности насчитывала 83 орудия. К исходу января стало оче-

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1074. Л. 4.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1074. Л. 15.

³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1074. Л. 45.

⁴ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1074. Л. 9.

⁵ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1074. Л. 191.

видным, что без усиления войск артиллерией большой мощности имеющимися силами и средствами решить задачи по взлому укрепленной линии Маннергейма невозможно.

Анализ безуспешной попытки проорвать линию Маннергейма в полосе 7-й армии в начале февраля 1940 г. привел командование Северо-Западного фронта (СЗФ) к выводу о том, что артиллерия не обеспечила выполнение задач стрелковыми войсками. По этому поводу командующим войсками СЗФ командармом 1 ранга С.К. Тимошенко была издана директива № 4595 от 4 февраля 1940 г. В директиве было указано: «Частная операция, проводившаяся 7 Армией в течение 1-2 февраля частями 50 ск, выявила совершенно недопустимое управление огнем артиллерии, особенно при выполнении задач поддержки артиллерии пехоты.

Установлено:

1. Артиллерия, вместо того, чтобы подавлять своим огнем огневые точки, препятствующие продвижению пехоты, ведет огонь вообще и по площади без определенной цели, совершенно не учитывая в каждый данный момент интересов пехоты.

2. Огневая поддержка пехоты проводится исключительно подвижным заградительным огнем, бесцельно расходуя огромное количество снарядов и, фактически, не обеспечивая подавления огневых точек, мешающих продвижению пехоте.

... артиллерийские командиры от дивизионов и групп отсутствуют в боевом порядке пехоты и отсиживаются в блиндажах, совершенно не представляя целей, по которым ведут огонь, а передовые наблюдатели батарей выде-

ляются из недостаточно подготовленных командиров и поэтому не умеют отыскивать и определять важность цели и мешающих пехоте.

4. Полковая, противотанковая артиллерия и минометы не используются для расстрела в упор отдельных огневых точек, мешающих продвижению пехоты...

6. В результате плохой организации управления арт. огнем, артиллерия, привлеченная к частной операции, израсходовала до 20 000 снарядов, не подавив огня одной-двух батарей и нескольких минометов противника, от огня которых пехота несла потери¹.

В то же время артиллерийские командиры (начальники) доказывали, что задачи не выполняются по вине стрелковых войск. Исправить недостатки в системе управления артиллерией в ходе боевых действий оказалось довольно сложно. Начальник артиллерии СЗФ комкор А.К. Сивков 28 февраля указывал начальнику артиллерии 13-й армии М.А. Парсегову на то, что работа штаба артиллерии «не организована надлежащим образом». В качестве недостатков отмечалось: «Оторванность штаба артиллерии от штаба армии», «Связь штаба армии и 3 ск совершенно неудовлетворительна», «Командиры штаба артиллерии почти исключительно заняты разъездами по частям, что мешает их возможности проводить необходимую организационную работу в самом штабе»². Комкор Сивков ссылался на случай, когда автоколонны артполков без согласования с армейским руководством были направлены за боеприпасами на склады, которые необходимых боеприпасов не

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1083. Л. 12-14.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1083. Л. 55.

имели, в результате было впустую затрачено время, израсходованы моторесурсы и ГСМ, созданы дополнительные пробки на маршрутах движения войск.

Особое внимание штаб артиллерии СЗФ уделял воздушной разведке. Начальник артиллерии СЗФ комкор А.К. Сивков обращался 17 января 1940 г. к командующему фронтом: «Из-за слабостью работы разведывательной авиации на сегодняшний день мы знаем еще очень мало, а многое, что знаем – не обладает необходимой точностью...».

Отсутствие эффективных средств разведки стреляющих батарей противника обостряло проблему контрбатарейной борьбы. В некоторых случаях советская артиллерия, несмотря на свое многократное превосходство, проявляла бессилие. Это вызывало бурю негодования в штабе артиллерии СЗФ, который располагался в г. Ленинграде на ул. Урицкого, 10. Заслуживает внимание телеграмма № 092171, направленная 25 января 1940 г. начальником штаба артиллерии фронта комбригом С.П. Сидоровым начальнику артиллерии 13-й армии комбригу М.А. Парсегову: «Начартфронта приказал обратить Ваше внимание на то обстоятельство зпт что в отношении 107 мм и 122 мм батарей противника которые вели огонь 2 января в течение двух часов не установлен даже район откуда они стреляли тчк Что делает Ваша авиация и другие виды разведки тчк Надо принимать немедленные меры к подавлению таких батарей вызывая самолеты тчк Срочно разыскать осколки снарядов зпт подозреваемых наличии ОВ отправить на исследование тчк»¹.

На основании изучения боевых документов артиллерийских частей

можно установить, какое же средство артиллерийской разведки считалось наиболее эффективным в контрбатарейной борьбе. В отчете «Описание боевых действий артиллерии 28-го стрелкового корпуса за период военных действий в Финляндии с 1 марта 1940 г. по 12.00 13 марта 1940 г.» начальник артиллерии корпуса комбриг Тихонов отмечал, что на завершающем этапе боевых действий: «447 кап с новых ОП успешно вел борьбу с артиллерией противника с помощью звуко-разведки, работу с корректировочной авиацией не удалось наладить, т.к., несмотря на неоднократные вызовы корректировщика, он не вылетал ввиду плохой видимости. При появлении его в воздухе один раз, не смогли связаться с самолетом, и самолет улетел безрезультатно»². Таким образом, артиллерийские командиры 28 ск выделяли звукометрическую разведку в качестве основного средства артиллерийской разведки для поражения наблюдаемых батарей противника.

В ходе борьбы с артиллерией противника применялись и средства воздушной разведки. Например, информация о том, как советские артиллеристы выполняли огневые задачи с помощью аэростата наблюдения, содержится в докладе командира 3-го дивизиона 447-го корпусного артиллерийского полка: «Доношу, что 13 февраля 1940 г. в 18.00 начальником артиллерии 70 сд дивизиону была поставлена задача подавить белофинские батареи, которые вели ураганный огонь по нашей пехоте. Для корректировки огня был придан аэростат ААД(о) 70. Поставленная задача выполнена дивизионом по-большевистски. Цель №118,

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1084. Л. 14.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1084. Л. 4.

батарея, при первом налете дивизиона, после Ворошиловского залпа, на белофинской батарее наблюдался взрыв, а при втором налете бандитская батарея была полностью уничтожена. Вслед за этим дивизиону была поставлена задача подавить цель – батарею №119. После первой корректуры цель была накрыта и двумя налетами батарея противника была разгромлена. Налет по цели № 120 не наблюдался, т.к. аэростат был вынужден опуститься ввиду обстрела самолетом противника»¹.

Начальник штаба артиллерии 34-го стрелкового корпуса майор Бескровнов в качестве наиболее эффективного средства артиллерийской инструментальной разведки (АИР) выделял корректировочную авиацию. Так, в отчетных материалах о боевых действиях артиллерии 34 ск с 6 февраля по 13 марта 1940 г. он отмечал: «В борьбе с артиллерией противника средства АИР себя оправдали, но наиболее действенным средством для борьбы с артиллерией противника являлась корректировочная авиация и воздухоплавательная артиллерия. С получением корректировщика борьба с артиллерией значительно облегчилась и наоборот, отсутствие ААО и особенно под Выборгом затрудняло вести борьбу с артиллерией противника»².

Более подробные сведения о способах определения координат батарей противника, корректировании стрельбы и эффективности артиллерийского огня по данным целям содержатся в докладе помощника начальника штаба артиллерии 50 ск капитана Бреховских: «Результаты разведки батарей противника и их подавление за период

боевых действий с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г.». Три дивизиона 21-го корпусного тяжелого артиллерийского полка составляли группу дальнего действия (ДД) 50-го стрелкового корпуса, основным предназначением которой являлась борьба с артиллерией противника. В документе, составленном на основе анализа контрбатарейной борьбы, проводимой 21-м корпусным тяжелым артиллерийским полком, отмечено, что из общего количества разведанных батарей противника 70% были разведаны взводами звуковой разведки, самолетом – 14%.

Советские артиллеристы пытались анализировать складывающиеся ситуации, вели поиск оптимального способа борьбы с вражеской артиллерией. В журнале боевых действий 24 кап зафиксировано: «Разведкой 24-го корпусного артполка и авиацией выявлены до 20 огневых позиций с которых противник проводит короткие огневые налеты залпами до 10-15 выстрелов, а иногда и того менее. Эти ОП находятся вблизи дорог, что чрезвычайно облегчает быстрый уход с ОП, с которых проводилась стрельба. По показаниям пленных, финны больше одного раза с ОП не стреляют, поэтому, чтобы нанести некоторый ущерб противнику, группа АДД вынуждена в случае открытия огня батареей противника, вести одновременный огонь по ряду вероятных ОП. Огонь открывался группой сразу же после открытия огня батареей противника»³.

Опыт ведения контрбатарейной борьбы пригодился в ходе решительного прорыва последнего оборонительного рубежа линии Маннергейма. В журнале боевых действий 24 кап

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 862. Л. 23.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 915. Л. 15

³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1112. Л. 78.

записано: «11 февраля 1940 г. В период атаки полк полностью подавил батареи противника, в период атаки и продвижения пехоты в глубину артиллерия противника бездействовала, а если и вела огонь, то чрезвычайно незначительный и то не с участка 123 сд, а фланкирующий огонь со стороны Меркки». Далее в боевом документе записано: «По показаниям пленных наиболее сильное моральное и физическое воздействие оказывает наша артиллерия. ...Противник начал поспешный отход. В роще «Фигурная» был захвачен целиком 152-мм дивизион белофинской артиллерии, которому наш артиллерийский огонь не дал подвести передки».

В отчете о боевых действиях 47-го корпусного артиллерийского полка командир полка капитан Шубодеров отмечал: «В результате работы с самолетом дивизион за период военных действий в составе 15 ск с 5 февраля по 13 марта уничтожил 6 батарей и 2 колонны противника». Примечательно, что артиллеристы этого полка при поражении целей с корректировочной авиацией, ведя поиск эффективных способов поражения противника, допускали некоторые отклонения от правил стрельбы: «...огромная насыщенность артиллерии и одинаковые калибры затрудняли летчику вести корректировку. В этих случаях выгоднее вести огонь не одной батареей, а всем дивизионом и расход снарядов этим не увеличивается, а результат получается лучший, что мы и практиковали в своей работе»¹.

В отчетах о боевых действиях части артиллерийской разведки приводили сведения о высоких результатах своей

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 570. Л. 32.

работы. Так, командир 2-го корректировочного авиаотряда капитан Зайцев в «Отчете о боевой работе 2 ОКАО в борьбе с белофиннами во взаимодействии с артиллерией 15 ск» отмечал, что это отряд, прибывший из г. Гомеля, боевую работу начал проводить с 3 февраля 1940 г. За время боевой работы отряд произвел 127 боевых самолетовылетов, из них: А) на разведку – 69; Б) на корректировку – 33; В) на фотографирование – 14; Г) на разбрасывание листовок – 4; Д) на бомбометание – 9. Общий налет части за время боевых действий 144 часа 29 минут. Корректировкой артогня 47 кап уничтожено 10 батарей противника и автоколонна примерно из 30 машин. 49 кап – 7 батарей противника. Фотографированием отдельных участков укрепленного узла заснято 4 площади общим протяжением в 104 кв. км...»².

О деятельности фотобатареи следовал вывод: «...за весь период боев отдешифровано 176 целей, из них 27 ДОТ, 12 батарей и 137 прочих целей (ДЗОТ, пулеметных гнезд и пр.). Данные дешифрирования были использованы артиллерией корпуса в полной мере»³.

В донесениях отмечались и особенности применения разведки: «Некоторая неувязка и неуважение к звуковой разведке со стороны командного состава огневых подразделений, отсутствие элементарных правил звукометрии являлось тормозом в уничтожении батарей противника. Со звуко-батареи требовалось того, чего она не могла дать, например, при сильном арт. огне определение координат стреляющих батарей противника, при

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 570. Л. 76.

³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 570. Л. 78-80 об.

неблагоприятных метеорологических условиях определение координат ниже 76-мм, минометов, зенитных орудий. В лесной местности (УР Салменкайта) звукоприемники подвешивались на деревьях со срубленными маковками и строились примитивные вышки 3-4 метра. Для лучшей работы звуко-разведки требуется обязательная рекогносцировка местности для расположения боевых порядков БЗР в зимних условиях 4-5 часов. Необходимо иметь метеорологические данные на высоте 200-400 метров»¹.

Необходимо остановиться на управлении артиллерией и на организации взаимодействия с пехотой и танками. Несмотря на приобретаемый в ходе боев опыт, управление артиллерией имело существенные недостатки даже на завершающем этапе боевых действий. Начальник артиллерии СЗФ командарм 2 ранга В.Д. Грендаль обращал внимание начальника артиллерии 15 ск Д.И. Турбина на слабое управление артиллерией 50 сд: «В ходе боев в районе Карпиоя и на р. Салменкайта начальник артиллерии 50 сд полковник Митрофанов и его штаб показали полную неспособность руководить работой большого коллектива артиллерии и организовать ее усилие для достижения успеха. Дело дошло до того, что перед боем 21 февраля на р. Салменкайта планирование огня пришлось проделать командирам штаба артиллерии фронта, так как иначе огонь артиллерии велся бы совершенно неорганизованно». Начальник артиллерии фронта приводил примеры неорганизованности и расхлябанности: «Начальник штаба не спланировал артподготовку, найден

в тылу в парикмахерской ст. Пуннус; личный состав инженерного оборудования ОП не ведет, при обстреле противником было выпущено 6 снарядов, в результате двое убито и четверо ранено; начальник штаба 202 ап не проверил наименьшие прицелы, в результате преждевременного разрыва один убит и несколько человек ранены ...»².

Начальник артиллерии 34 ск полковник Бельцов отмечал боязнь пехоты своего артогня: «Одним из самых существенных недостатков являлось отставание нашей пехоты от огня своей артиллерии. Очень часто пехота опаздывала выходить на исходное положение для атаки, а в результате получался разрыв между концом артподготовки и началом атаки, что самым губительным образом отражалось на пехоте. Противник успевал приводить свою огневую систему в действие и встречал организованным ружейно-пулеметным огнем»³.

Перед боем времени на организацию взаимодействия командирам стрелковых и артиллерийских частей и подразделений, как правило, не уделялось. Штабы соединений и объединений не могли эффективно выполнять возложенные на них функции в результате того, что они оказались плохо укомплектованными, не имели достаточного количества средств управления и в результате работали медленно, порою теряли управление войсками. В отчетных материалах о боевых действиях артиллерии 34 ск отмечено: «Вопрос элемента времени высшими штабами не учитывался. Были случаи, когда для увязки взаимодействия непосредственным исполни-

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 1084. Л. 77.

³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 915. Л. 16.

телям (батальон, дивизион) не оставалось совершенно времени»¹. Вопросы управления войсками, организации взаимодействия родов войск требовали глубокого изучения и отработки в ходе учений, штабных тренировок, но в оставшееся до Великой Отечественной войны время этому уделяли не достаточное внимание.

Представляет интерес использование артиллерии для разрушения долговременных сооружений противника. Стало очевидным, что решение задач разрушения долговременных оборонительных сооружений противника должно возлагаться на артиллерию большой мощности (БМ). Не все стрелковые корпуса имели ее в своем составе. Например, в отчетных материалах о боевых действиях артиллерии 34 ск отмечено, что при подготовке к прорыву финской полосы обороны (21 декабря 1939 г. – 10 февраля 1940 г.) в корпусе не было орудий калибра 203-мм и выше².

Тем не менее, для артиллерии БМ требовалось значительное время и большой расход боеприпасов, чтобы разрушить долговременную (ДОТ), как правило, железобетонную, или дерево-земляную огневую точку (ДЗОТ) с закрытой огневой позиции. Найденное решение оказалось эффективным, но шло в разрез с правилами стрельбы. В составленном 14 марта 1940 г. штабом артиллерии СЗФ «Описании финских оборонительных рубежей на р. Салменкайта и в районе Муолаа» было указано: «Слабость финской артиллерии и недостаток боеприпасов у нее позволили нам выдвинуть гаубицы Б-4 на дальность 800-1000 мт. от разруша-

емой точки, что приводило к стрельбе по ней прямой наводкой... напольная стенка пробивалась после 4-5 прямых попаданий примерно в одно и то же место»³. В документе отмечено, что «в отдельных случаях выдвигали гаубицу Б-4 даже на 200 м к цели», например, на рубеже Ивес, Хотокка.

В документе следовало разъяснение необходимости выводить артиллерию большой мощности на прямую наводку: «Огнем 203-мм гаубицы Б-4 с дальности 6-8 км (наивыгоднейшая дальность навесного огня) разрушить ДС описанных типов очень трудно... надо несколько попаданий (4-5) в одну и ту же точку перекрытия или до 15 попаданий в перекрытие, чтобы сделать в нем хотя бы одну брешь. На это нужно 400-500 снарядов». Риск вывода орудий на прямую наводку окупался выигрышем во времени и в расходе снарядов. Относительно разрушения бронекуполов огнем артиллерии БМ, выведенной на прямую наводку, отмечено: «Бронекупол не выдерживал прямого попадания 203-мм снаряда. Почти все бронекупола разбиты огнем гаубиц Б-4»⁴.

Подводя итоги боевого применения артиллерии в советско-финляндской войне 1939-1940 гг., необходимо отметить следующее. Прорыв мощной линии долговременных оборонительных сооружений в чрезвычайно трудных климатических и географических условиях был новым не только для РККА, но и в истории военного искусства. Боевые действия подтвердили правильность основных положений боевого устава артиллерии. Дальнейшее развитие получили вопросы массирования артиллерии, методы

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 915. Л. 16.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 915. Л. 2.

³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1084. Л. 86-107.

⁴ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1084. Л. 99.

подготовки и поддержки атаки, разрушение долговременных сооружений и контрбатарейная борьба. Был вскрыт ряд недостатков технического характера, в организации боевой подготовки, в обеспечении войск, артиллерия нуждалась в эффективных средствах связи, разведки (в том числе воздушной), высоко проходимых средствах тяги. Война показала, что для управления огромной массой артиллерии, для массирования ее огня необходимо иметь полнокровные, оснащенные

средствами связи органы управления, создавать штабы артиллерии армий и фронта. К сожалению, далеко не все недостатки удалось устранить, не все новое и необходимое в бою ввести в практику войск к началу Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / авт. колл. под рук. Г.Ф. Кривошеева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

УДК 908(470.311) г. Климовск

Агафонова Н.Н.

*Московский государственный
областной университет*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ВПК В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННО- ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА г. КЛИМОВСКА)

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления развития советского ВПК в послевоенное время на примере военно-промышленного комплекса г. Климовска. Раскрываются важнейшие причины увеличения производства данной промышленности и формирования НИИ и КБ, как дочерних организаций военных заводов в послевоенное время. Оценивается значение преобразований в этой сфере, как для оборонной промышленности, так и для решения вопросов социальной адаптации демобилизуемых солдат и офицеров, а также территориального расширения города.

Ключевые слова: Военно-промышленный комплекс, Климовский штамповочный завод (КШЗ), конструкторское бюро ЦКБ-3, научно исследовательский институт, ведомственная социальная политика, роторные линии.

N. Agafonova

Moscow State Regional University

FEATURES OF POST WAR DEVELOPMENT OF THE SOVIET MILITARY- INDUSTRIAL COMPLEX (BY THE EXAMPLE OF THE KLIMOVSK ONE)

Abstract. The article examines the main ways of development of the Soviet military-industrial complex in the post-World War II period, the military and industrial complex of the city of Klimovsk taken as an example. The author discloses the most important reasons for the increase of production in this industrial sector, as well as the reasons of forming the research institutes, design bureaus, and military factories subsidiaries in the post-World War II period. The significance of the reforms in this sphere is evaluated both for the defense industry and for solving the problems of social adaptation of the demobbed soldiers and officers, as well as for the territorial extension of the city.

Key words: defense military-industrial complex, Klimovsk forming factory, design office Central Design Bureau-3, research institute, departmental social policy, rotary lines.

Поляризация сил в противостоянии капиталистического и социалистического мира после Второй мировой войны предопределила быстрый темп развития военной промышленности в СССР, способствовала созда-

© Агафонова Н.Н., 2014.

нию новых направлений производства в данной отрасли.

Частые противоречивые оценки по отношению к развитию военной промышленности послевоенного периода встречаются в работах современных авторов. Они спорят по ряду вопро-

сов: о причинах увеличения военного производства после войны и веских доводах для проведения такого рода политики; об излишних затратах на оборонную промышленность, которые можно было определить на улучшение благосостояния советского общества; о значимости взаимодействия крупных оборонных предприятий, которые базировались на определённой территории, вели совместную производственную деятельность и др.

Конечно, изменения в послевоенном мире носили противоречивый характер. Но не стоит забывать, что деятельность нашего государства определялась быстрым расхождением интересов стран, которые в годы войны являлись нашими союзниками, а после неё стали идеологическими противниками.

«Ликуют... Они думают, что война закончилась. Она ещё только начинается» [6, с. 5] – говорил 9 мая 1945 г. советник посольства США в Москве Дж. Кеннан, наблюдая из окон посольского здания празднование Дня Победы. По мнению ряда очевидцев и историков, «холодная война началась, как только Красная Армия вступила в Восточную Европу – уже с начала 1945 г.» [2, с. 21].

Поэтому, учитывая уроки войны 1941–1945 гг., вполне естественно, что предприятия оборонной промышленности в нашей стране активно развивались. Происходит укрепление военно-промышленного комплекса страны, который является основным элементом государственно-политической системы.

Первоначально его основу составляет производственная деятельность оборонной отрасли, а также государственно-политическая структура

управления вопросами военного характера (министерство обороны, армия и т.д.) с подчинением высшему государственному руководству.

Военно-промышленный комплекс СССР в современном понимании формируется после Великой Отечественной войны. Об этом говорится во многих работах, посвящённых исследованию особенностей советского ВПК. Например, Барабанов В.А. [1, с. 56], Быстрова И.В. [2, с. 22]. объясняют это желанием нашего руководства в те времена не отставать от зарубежных государств и опасением нарастающей военной мощи вчерашних союзников, поддерживающих другую идеологию.

Формирование новых заводов базировалось не только на выпуске конкретной военной продукции, но и, в то же время, на взаимодействии с производством других военных предприятий и их руководством. Довоенные небольшие дочерние цеха, расположенные за пределами основного производства, в послевоенный период, стали активно разрастаться и превращаться в крупные структурные подразделения общего ВПК.

Одним из них стал КШЗ (Климовский штамповочный завод) или завод № 711. Изначально созданный в 1936 г. для упаковки патронов – продукции Подольского военного завода, он к 1945 г. уже занимается производством стрелкового оружия и боеприпасов. В силу того, что в послевоенный период стрелковое оружие является самым массовым и наиболее стабильным по времени применения, производство как самого оружия, так и боеприпасов к нему увеличивалось.

Значимости данной отечественной продукции в послевоенное время уда-

ляют особое внимание конструкторы и инженеры ВПК г. Климовска. В коллективной работе под общей редакцией В.И. Новикова «Оружие Победы» авторы отмечают, что и стрелковое оружие, и боеприпасы к нему должны быть «исключительно надёжными, простыми в эксплуатации и высокотехнологичными, особенно при массовом производстве, что и было обеспечено в отечественных образцах» [4, с. 14].

Для более системной работы совместно с предприятиями оборонной промышленности появлялись НИИ и КБ. Такие объединения были сформированы для совместной деятельности и на базе КШЗ.

В соответствии с приказом наркомвооружённых сил Устинова Д.Ф. от 17 мая 1944 г. был создан НИИСПВА (научно-исследовательский институт стрелково-пушечного вооружения авиации), который располагался первоначально в подмосковном посёлке Кунцево, а затем в качестве НИИ-61 после объединения в 1949 г. с НИИ-44 перебазировался в г. Климовск.

Уже первоначальные задачи, поставленные перед НИИСПВА, требовали огромной системной работы по следующим направлениям:

«– научно-исследовательские работы по усовершенствованию баллистики, автоматики и прочности деталей стрелково-пушечного автоматического оружия;

– систематическая обработка материалов по эксплуатации оружия в войсках Красной Армии и иностранных государств;

– периодическое осведомление заводов и КБ НКВ о достижениях мировой артиллерийской техники;

– работа по унификации образцов

стрелково-пушечного вооружения и боеприпасов в Красной Армии;

– экспертные исследования образцов оружия, находящегося на вооружении Красной Армии;

– оказание заводам и КБ НКВ систематической помощи в решении вопросов, связанных с совершенствованием и доработкой конструкций стрелково-пушечного вооружения;

– работы по исследованию новых отечественных и иностранных образцов оружия;

– самостоятельное проектирование, разработка и изготовление новых образцов стрелково-пушечного вооружения и боеприпасов» [3, с. 10].

В послевоенные годы (1945-1948 гг.) тематический план института расширялся и приобретал качественно новый характер. Основными направлениями работы являлись:

«– электрификация авиационного и сухопутного стрелково-пушечного вооружения с целью обеспечения дистанционного управления, создание электроспусков, синхронизаторов и т.д.;

– проектирование и изготовление приборов для испытаний и исследования оружия: хронографов, датчиков пьезостанций и т.д.;

– испытание стрелково-пушечного вооружения, разрабатываемого КБ отрасли» [3, с. 11].

Являясь директором НИИ с 1948-1953 г. в г. Климовске, Новиков В.И. следил за важнейшими разработками этого времени, которые запускались в серийное производство на базе КШЗ (Климовского штамповочного завода). Он отмечает, что большая роль патронной промышленности определялась появлением новых носителей стрелкового оружия (танки, бронекатера и т.

д.) и новых образцов стрелкового оружия (противотанковые ружья, пистолеты-пулемёты, полуавтоматические пистолеты, автоматические и самозарядные винтовки, скорострельные и крупнокалиберные пулемёты) ещё в годы войны. Это, в свою очередь, вызвало необходимость «разработки новых видов патронов как целевого, так и многоцелевого назначения (патроны с бронебойными, зажигательными, пристрелочно-зажигательными, трасирующими пулями, а также пулями, обладающими комбинированным действием). Были разработаны патроны для стрельбы из станковых пулемётов на большие дистанции» [4, с. 14].

Технически оформились испытательные отделы: авиационного вооружения под руководством О.К. Кузьмина и сухопутного – под руководством М.А. Зуева. В период с 1948 г. по март 1953 г. создана экспериментально-лабораторная и производственная база института. Разработанные проекты в НИИ реализовались на базе КШЗ, где, уже будучи апробированными, запущены в серийное производство. Это касалось прежде всего патронов.

Ещё одним крупным предприятием, функционирующим на базе КШЗ, стало конструкторское бюро (ЦКБ-3). Созданное приказом Наркома вооружений Д.Ф. Устиновым в 1944 г. (переименовано в 1966 г. в КБАЛ (конструкторское бюро автоматических линий), первоначально оно находилось на территории г. Подольска, но в 1952 г. ЦКБ-3 перебазировалось на площадку КШЗ в г. Климовск.

Изначально это была готовая конструкторско-техническая организация патронной промышленности. После войны перед ЦКБ-3 была чётко постав-

лена задача технического перевооружения патронной промышленности на основе отечественных материалов, технологий и оборудования взамен зарубежных разработок и поставок, на базе которых строилась патронная промышленность России с начала своего основания. Одним из первых руководителей предприятия стал Лев Николаевич Кошкин – родоначальник роторного машиностроения в нашей стране. Роторные линии стали активно использоваться на КШЗ. Они представляли собой оборудование, использующее принцип ротора или, иначе, барабана, по периферии которого расположены специальные насадки, выполняющие конкретные технологические операции (штамповка, рубка и т.д.). Вращаясь, барабан захватывает очередную заготовку или порцию вещества и за один оборот последовательно совершает комплекс технологических действий. Это позволяло во много раз увеличить производительность труда, определяющуюся скоростью вращения барабана, числом рабочих органов и ярусов. Создание различных вариантов роторных линий требовало чёткой отработки отдельных образцов. Для этого готовились новые специалисты, проводилась апробация разработок на базе КШЗ. С пятидесятых годов завод приступил широким фронтом к механизации ручных работ. Первые опытные образцы линий начал поставлять КБАЛ. Этап за этапом патронный завод переоснащался прогрессивным оборудованием на основе передовых технологий. Внедряя автоматические роторные линии, по-вышался как количественный результат производства, так и качественный. Новые цеха на базе КШЗ росли как грибы после дождя.

Таким образом, в послевоенные годы разработки роторных линий сблизили КШЗ и ЦКБ-3. А новые научные исследования в оборонной промышленности НИИСПВА увеличивали номенклатуру видов выпускаемой продукции на КШЗ с использованием роторных линий, разрабатываемых ЦКБ-3. Это говорит о системной и налаженной работе предприятий военно-промышленного комплекса г. Климовска в рассматриваемый нами период.

Несмотря на развитие военного производства, с окончанием войны экономика страны перестраивалась с военных на мирные рельсы. Перестраивался на выпуск гражданской продукции и Климовский ШЗ. В архивных документах¹ отмечается, что уже в мае 1945 г. переоборудуются помещения для подготовки слесарной мастерской по производству портсигаров. При этом технологии производства и материалы, из которых будут изготавливать портсигары, создаются на базе данного военно-промышленного комплекса. К 1947 г. номенклатура не военной продукции увеличивается: аптекарские банки, стаканчики и др.

Однако производство и разработка новых патронов и оружия не приостанавливались. Так, например, согласно приказу директора завода № 347 от 31.08.1945 г.² только м/к гильз предприятие выпускало к этому времени по 200000 штук в сутки.

Более того, произведённые ещё во время войны патроны ответственно хранились на территории завода. Об этом пишет работник завода

Д.А. Почукаев: «В 1946–1949 годах завод выполнил работу по переупорке патронов, изготовленных в годы войны, на герметичную упаковку кондиции длительного хранения» [5, с. 22]. Также автор отмечает, что завод был сохранён целенаправленно для создания патронов.

Всё это говорит о том, что, не смотря на окончание войны, военно-промышленный комплекс в городе Климовске продолжал существовать и активно развиваться. Разжигание «холодной войны» ещё больше активизировало оборонное производство. Хотя основная угроза нависла со стороны ядерного оружия противников, но, по словам старейших работников КШЗ, никаких денежных средств не жалело государство для развития военного производства, находящегося в состоянии полной секретности.

Да и количество рабочих с окончанием войны неизменно росло: демобилизация вчерашних солдат способствовала пополнению рядов как простых рабочих, так и специалистов.

В целях лучшей подготовки демобилизованных из Красной Армии и обеспечения их всем необходимым на заводе формируются специальные комиссии, которые организывают жильё и ремонт в нём, трёхразовое питание.

Переподготовка новых рабочих производилась в цехах путём прикрепления к квалифицированным работникам со сроком обучения до 3-х месяцев в зависимости от сложности профессии. Технические занятия проводились в групповом порядке в пределах 8-часового рабочего дня. По окончании обучения сдавался экзамен в учебно-производственной мастерской.

¹ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 7931. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 19-21.

² ЦГАМО. Ф. 7931. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 36-37.

После чего выдавалось удостоверение установленного образца, утверждённое министерством обороны СССР.

Включаясь в мирную жизнь, руководство оборонного предприятия проводит социальную политику. Приток новой рабочей силы способствует строительству жилых домов. Изначально отдалённая от центра местность, где базировался ВПК г. Климовска, в послевоенное время обрывает не только жилыми помещениями, но и культурно облагораживается. Так, на основании приказа директора завода от 23 февраля 1945 г.¹ строятся два жилых дома, разбивается парк, огороженный высотой, появляется танцплощадка. Организовывается читальня в клубе и духовой оркестр, оборудовано помещение под аптеку. Приказано регулярно проводить читки газет и беседы в общежитии не реже одного дня в неделю.

К 1947 г. на данной территории, помимо жилых помещений, уже действовали: детские ясли, детский сад, школа, клуб, баня, столовая. Формируется коллективный скотный двор, пошивочная сапожная, оборудован физикотерапевтический кабинет.

Таким образом, основными особенностями развития ВПК г. Климовска являлось появление новых цехов на заводе, увеличение количества работ-

ников, системная работа предприятий, входящих в его состав, строительство зданий бытового обслуживания, что способствовало не только прогрессивному развитию оборонной промышленности, но и необходимому в тот период территориальному расширению города.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барабанов В.А. Российский ВПК: история и современность. Монография. – М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2002. – 237 с.
2. Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны. (Вторая половина 40-х – начало 60-х годов). – М.: Институт российской истории РАН, 2000. – 360 с.
3. На службе отечеству. Страницы истории Центрального научно-исследовательского института точного машиностроения 1944-1994 гг. / Под общ.ред. А.В. Хиникадзе и В.М. Сабельникова. – Климовск, 1994. – 165 с.
4. Оружие Победы. Под общ. ред. В.И. Новикова. – М.: Машиностроение, 1987. – 512 с.
5. Почукаев Д.А. 60 лет на службе военно-промышленного комплекса. – Климовск, 1996. – 226 с.
6. Судариков А.М., Романов А.И. Советское партийно-государственное руководство и учёные военно-промышленного комплекса в 1945-1955 гг. – СПб.–Бокситогорск, 2007. – 168 с.

¹ ЦГАМО. Ф 7931. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 8.

РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 7.011:32.019.51

Артамонова Я.С.¹, Вьялкин С.А.²

¹Московский технический университет связи и информатики

²Вологодский государственный педагогический университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ

Аннотация. В статье рассматриваются феномен политической символики государства и его влияние на политическое пространство, процессы общественной интеграции в стране. Особое внимание уделяется некоторым теоретическим вопросам формирования политических символов, их материального знакового соответствия. Междисциплинарный характер исследования нацелен на рассмотрение самой политологической проблемы и ее лингвокультурного, эпистемологического и эстетического аспектов. Авторы предпринимают попытку установления социальных и коммуникативных процессов, определяющих формирование и функционирование символа в обществе.

Ключевые слова: политический символ, информационная реальность, политическое пространство, контекст, дискурс, именование, поликодовое единство, лингвовизуальный комплекс, эстетическое.

Y. Artamonova¹, S. Vyalkin²

¹Moscow Technical University of Communications and Informatics

²Vologda State Pedagogical University

INFORMATIONAL REALITY AND POLITICAL SYMBOLS

Abstract. The article deals with the phenomenon of state political symbolism and its impact on the political environment and social integrative processes in Russia. Special attention is paid to some theoretical issues of forming some political symbols and their correspondence to material signs. The interdisciplinary nature of the research is meant for studying the political problem itself and its linguistic and cultural, epistemological and aesthetic perspectives. The authors make an attempt to reveal the social and communicative processes that influence the process of forming a symbol and its functioning.

Key words: political symbol, informational reality, political environment, context, discourse, naming, polycode unity, linguistic and visual complex, aesthetic.

Информационная реальность представляет собой не просто сеть социально-политических взаимодействий, а определенную информационную среду, определенный социальный запас знаний и коллективного опыта. Формирование информационного пространства социально-политической реальности происходит с учетом влияния такого феномена, как становление и развитие политической символики страны во всем многообразии коммуникативных средств: вербальных, визуальных, аудиальных, смешанных (сложных) и др.

К настоящему времени сложились различные подходы в понимании символизации. Анализ данного феномена, представленный уже в работах философов Античности, нашел дальнейшее развитие в трудах Г.В. Лейбница, И.Канта, Ч.С. Пирса, М. Хайдеггера, Дж.Г. Мида, П. Сорокина, А.Ф. Лосева, А.П. Люсого, В.В. Бычкова и др.

Рассматривая данный феномен, необходимо также учитывать социально-политический характер происхождения символов, посредством которых происходит выражение определенных общественно-политических отношений. Любой символизм ориентируется на интерпретацию символа социальной средой общества. Логично предположить, что рождение символа определяется историческими и политическими процессами, что предполагает их массовое признание. Так, в методологической концепции К. Маркса символ «может быть только общественным символом; он, в сущности, выражает только некоторые общественные отношения» [6, с. 46]. Представители символического интеракционизма считали, что символ – это

любой знак, вызывающий одинаковую социально-политическую реакцию. В этом смысле символ рассматривается как важное средство социально-политического взаимодействия. Например, Дж.Г. Мид определял символ как «жест или ритуал, используемый для передачи сообщения от одного индивида к другому, когда оно обоими воспринимается одинаково» [8, с. 318]. Представители данного направления подчеркивали, что «функции символа выполняют не только вещи, события, но и вербальные выражения и формы поведения» [8, с. 318].

Одной из наиболее наглядных моделей формирования вербальных символов представляется акт именования художественного произведения. Художник-номинатор воплощает в какой-либо визуальной технике задуманный образ. Образ нарекается вербальным именем в опосредовании эстетическим переживанием автора и социокультурным опытом группы (от самой узкой социальной категории до общества в целом), к которой автор принадлежит, а также в которой рассчитывает быть понятым. Воспринимая художественное произведение, без установленного художником вербального имени, мы сталкиваемся с визуальным знаком, семантически отличным от замысла, реализованного автором. Наряду с этим, актуализируется проблема культурного, языкового, исторического и идеологического контекстов: внеконтекстное рассмотрение сложного знака не позволяет его корректно и единообразно декодировать, – принципиально препятствуя процессу символизации. Наиболее показательны данные процессы в политических системах с максимально

точно оформленным культурно-идеологическим компонентом: например, культурная политика авторитарных, и особенно тоталитарных, режимов. Вместе с тем, не утрачивают они своей актуальности и в демократических режимах, где особую значимость приобретает критерий адресности художественного послания.

Примечательно, что даже индивидуальная мысленная визуализация вербального (текста) читателем характеризуется установлением референций между объектом окружающей действительности, его вербальным и визуальным выражением, а также отношением к нему адресата. Таким образом, от описанного выше содержания процесса символизации отделяет здесь только преодоление индивидуальности ассоциирования в пользу сходного или идентичного коллективного восприятия. По нашему мнению, сходное переживание одного события различными адресатами возможно вследствие одного из трех основных обуславливающих процессов: внешнего толкования, конвенции или диктата.

Попробуем установить развитие сложного лингвизуального знака в символ. Возьмем картину Полтавского боя и образ Петра I в «Полтаве» А.С. Пушкина. Очевидно, что здесь дана не просто внешняя картина боя, а есть еще и внутреннее, национальное и общественно-политическое осмысление всех этих картин, и что картина эта развернута в определенной последовательности, то есть определяется известного рода структурой. Но ведь всякого рода боев и сражений в России, как и в любой другой стране, было достаточно. В чем же специфика этих

картин у Пушкина? Очевидно, историко-национальное значение не имеет ничего общего с внешней картиной боя. Внутренняя сущность Полтавского боя словно привнесена в картину боев извне, и растворить ее в картине всякого боя никак невозможно без потери образов и самого этого боя, и Петра I как символов.

Разобщенность двух внеположных смысловых областей (картины боя и пушкинской интерпретации Полтавского сражения) не может считаться окончательной, поскольку, кроме этого разобщения, здесь обязательно мыслится и культурно-специфичное совпадение, без которого символ тоже не есть символ.

Таким образом, адресная единообразная понятность и убедительность поликодового единства (лингвизуального комплекса) для представителей некоторой группы лежит в основе явления символизации. Символизация здесь позволяет преодолевать частные межуровневые отношения вербального и визуального внутри комплекса и тем самым «раскрывать эстетическую достоверность мира» [2, с. 85]. Вместе с тем эстетическое содержание, имплицированное в художественном поликодовом единстве, – всегда достаточно привлекательно и желанно для зрителя, чтобы не подвергать сомнению установленную референцию вербального и визуального. Любой образ «хорошей жизни» или «хорошего общества» а priori включает в себя эстетический компонент [3, с. 52].

Эстетическое раскрывается во временном измерении. Эмоционально маркируя прошлое, настоящее и будущее и, таким образом, заключая в себе некоторый мотивационный мета-

текст, коннотированный положительно или отрицательно, – оно героизирует прошлое в пику настоящему, влечет к поступательному развитию в направлении «светлого будущего» и т.д. Будучи результатом конвенции одной общности, эстетическое содержит предпосылку для появления оппонирующей группы, которая оспорила бы установленные референции.

В трактовке В.В. Бычкова символизация через эстетическое являет собой многомерный процесс особого освоения человеком метафизической реальности. Вместе с тем успешность символизации прямо связывается автором с художественным качеством произведения и талантом мастера [2, с. 87]. Сложно полностью согласиться с данным суждением в силу культурной и исторической обусловленности представлений о художественной ценности искусства. Последовав аргументации В.В. Бычкова, мы будем сильно ограничены в подходах к изучению культурных контекстов прошлого, восприятие красоты в которых не корректно оценивать с собственных современных позиций. Методологическое преодоление внеконтекстуальной позиции исследователя процессов именования нуждается в подробной научной разработке.

Как художественный символ «возводит дух реципиента к духовной реальности, не содержащейся в самом произведении искусства» [2, с. 88], так единство вербального и визуального в сложном знаке-имени содержит информацию, не принадлежащую в отдельности ни вербальному, ни визуальному компоненту. Декодирующее восприятие реципиентом сложного поликодового знака, образованного в

контексте определенной культурной среды, обнаруживает больший объем информации, чем можно извлечь из слагаемых данного знака. Культурно-специфичный мета-текст и являет собой основную сложность для исследователя, находящегося вне контекста. Предметность, закодированная лингвовизуальным комплексом, раскрывается лишь в дешифровке сложного знака адресатом. Дешифрующее восприятие – не менее творческий процесс, чем процесс именования-означивания. По мнению У. Эко, «процесс дешифровки нескончаем, и мы склонны считать, что все, что мы видим в произведении, в нем действительно есть» [10, с. 308].

Каждый поименованный художественный образ, воспринятый адресатом как эстетический опыт, – вне зависимости от художественных достоинств и уникальности сюжета, деталей, техники и прочих особенностей – становится частью генерализованного представления адресата о фрагменте окружающей действительности и его вербальном описании. В единстве вербального и визуального, скрепленном более или менее выраженным эстетическим переживанием, ведущую роль в современных условиях приобретает визуальное. Описанное триединство и характеризует онтологически приобщение адресата к метафизической реальности. Первично роль символа проявляется с накоплением индивидом эстетического опыта: в избрании того визуального (или иного) образа, который окажется наиболее значим для него лично. Утвердившаяся в некотором дискурсе и понятная, благодаря коммуникативной эффективности, ассоциация вер-

бального и визуального преодолевает, наконец, индивидуальность и становится символом в интеракционистском понимании, описанном в начале статьи. Мерой символизации лингво-визуального комплекса определяются допустимая степень отклонения от прямого предметного соответствия и возможность пренебречь в именовании максимальным объемом чувственно воспринимаемых факторов. Номинация абстрактных, чувственно непостижимых явлений – изначально символична.

Эстетическое – как связующее звено между вербальным и визуальным в художественном образе-иконе, функционирующем в некотором дискурсе – находится в тонком балансе с идеологическим. Идеологическое пронизывает лингво-визуальное единство, но не стремится заслонить эстетическое, т.к. последнее обладает гораздо более сильным позитивным потенциалом, «отсылком» к лучшему, прекрасному, грядущему.

Эстетическое являет собой первичную конвенцию субъектов-участников всякого мультимедийного дискурса, объединяющего знаки вербальной и различных невербальных кодовых систем. Подобное согласие «полагать прекрасным» некоторые образы окружающей действительности, поименованные так, а не иначе, не может быть лишено конкретной мотивации модой, традицией, моралью, идеологией, корыстью и т.д. Помимо этого, эстетическое выполняет роль индивидуального и коллективного фильтра-ограничителя информационного потока.

Тесно связанное с лингвокультурным освоением окружающего мира, эстетическое неразрывно переплетается

как с ментальным зрительным образом поименованного, так и с вербальной формой, – в первичном акте языковой номинации и во всех последующих интерпретирующих употреблениях. Впрочем, следует отметить, что ментальный образ может опираться на любое чувственное восприятие – более сильное по воздействию на адресата (аудиальное, обонятельное, тактильное и т.д.).

В книге «Человек, цивилизация, общество» Питирим Сорокин выделил главные виды символизации: звуковая символизация (речь, восклицания, пение, музыка и т.д.); световая, цветовая символизация, почти постоянно соединяющаяся с пространственной символизацией (железнодорожная сигнализация, сигнализация военных судов, картины, буквы, надписи и т.д.); предметная символизация («кресты», «зеркала», «знамена», «гербы» и т.д.); двигательная символизация (мимика, жесты и т.д.) [7, с. 19–22]. Ученый указывал на тесную взаимосвязь символов и психических процессов человека. Он писал о том, что статуя Венеры Милосской является значимым символическим объектом мирового художественного искусства не потому, что мрамор принял определённую форму. Или картина Рафаэля становится художественной ценностью не только благодаря соединению холста и красок. Суть этих символических форм («социальных ценностей») заключается в том, что они объективируют собой субъективную психику: определенные чувства, мысли, переживания, настроения и т.д. человека. В этом смысле они выступают как «застывшая психика». Или, например, цветовая символизация существенно влияет на осознание

человеком социально-политической реальности. Практика произошедших в последние годы «цветных революций» обнаружила существенный потенциал использования цвета в политической символике, меняющий настроения масс от роста активности до утомления и абсентеизма [9, с. 7–8]. Цветовая символизация характеризуется большей межкультурной универсальностью, будучи изначально детерминированной зрительным восприятием окружающего мира.

П. Сорокин делал акцент на том, что сами по себе такие предметы, как скипетр, порфира, гербы, знамена, короны, петлицы и т.д. еще не являются атрибутами власти [7, с. 22]. Эти «предметные» символы объективируют определенные психические переживания (мысли, чувства человека), именуемые в абстракции государством. Примечательно, в частности, что символика отечественных органов безопасности от ВЧК до современной ФСБ геральдически сохранила аналогичный набор элементов, претерпевший лишь соответствующие политические коррективы: защищающий (острием вниз) меч, щит (характерной фигурной формы или стилизованный овальный), государственный символ (серп и молот, двуглавый орел). Периодически использовалась красная звезда как символ единства с Вооруженными Силами; а также щит и меч менялись местами в соответствии с приоритетностью защитного или карающего начала. На протяжении XX – начала XXI вв. данные символы вызывали в обществе не всегда однозначное эмоциональное восприятие (мотивированное социальным опытом). Вместе с тем, сложный знак, очевидно

сохранивший свою узнаваемость на фоне почти столетнего интенсивного политического развития, и сегодня – вне идеологических и эстетических коннотаций – является устойчиво декодируемым символом закрытости, неподкупности и мощи Системы вместе с неотвратимостью наказания виновных. Аналогично сохраняет не меньшую актуальность и узнаваемость семантически близкий вербальный символ – цитата Ф.Э. Дзержинского: «Чекистом может быть лишь человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» [4, с. 55].

Без понимания общественной и контекстной детерминированности символизации сложно корректно оценить значимость отдельных предметов (например, связи меча и щита), так как они теряют свою силу – социальную и политическую значимость – для членов конкретной социально-политической общности. Сорокин считал, что любое социальное явление должно быть рассмотрено с двух точек зрения: во-первых, с чисто психологической или внутренней; во-вторых – с символической или внешней.

Таким образом, в приведенных выше подходах четко прослеживается именно социальная детерминанта символа относительно социально-политических отношений и коммуникативных процессов в обществе. Так как возникновение, функционирование и развитие символического пространства страны имеет смысл лишь в системе общественных отношений, индивид живет в этой символической системе, которая интернализовалась им в процессе социализации, при этом она (символическая система индивида) окрашивается в его «любимый» цвет.

мые» тона, обнаруживая допустимую долю индивидуального в творческом декодировании символа без ущерба для единообразного понимания символа в рамках коллектива.

Специфика политологического подхода к исследованию феномена политической символики заключается, на наш взгляд, не только в анализе вопросов формирования и поддержания государственных политических институтов, регионального политического развития, проблем политической интеграции и внедрения новых информационных и коммуникационных технологий, создания прочной основы для реализации единой государственной идеологии. Но важно и то, что политическая наука стремится к анализу процесса интеграции отдельных политических феноменов (политических символов) в единую институциональную подсистему, тесно связывая ее с культурно-идеологическим компонентом политической системы в целом; к исследованию не только тенденций, но и возможных политических последствий дифференциации политического, социокультурного, экономического символического пространства.

Политическая теория придает вопросу становления символического пространства особое значение также и потому, что в центре формирующегося символического мира стоит социокультурное информационное ядро институциональной системы государства. Уже на начальных стадиях формирования российской государственности начало складываться символическое пространство, обусловленное во многом характером информационных государственных взаимодействий и взаимозависимо-

стей, включающее политические конфликты и противоречия, заложенные в качестве основы в реальных политических условиях.

Здесь необходимо остановиться на роли символа в процессе конструирования социально-политической реальности.

Во-первых, «генетическая» основа символа должна соответствовать конкретному политическому пространству. Убедительным примером соответствия символа политическому и культурному полю является присутствие данных символических форм в различных родах войск. Именно благодаря «стереотипному» характеру институциональных значений гарантируется их запоминаемость. Значительное внимание в ведомственной геральдике уделяется точности визуального представления и вербального описания символов.

Во-вторых, феноменологи определяют символ как предмет, обозначение которого соединяет различные сферы реальности, а символический язык – как способ, при помощи которого происходит перемещение из одной сферы реальности в другую [1; с. 69]. Язык как социальный феномен представляет собой наиболее важную систему человеческого общества. Именно при помощи лингвистических обозначений поддерживаются общие объективации повседневной жизни. В этом смысле понимание лингвистических обозначений (и в целом – языка) является существенным для понимания реальности повседневной жизни. Например, основные понятия, идеи и взгляды, которые культивировались в офицерской среде и сформулированы выдающимися военными деятелями

и мыслителями прошлого, которые касались вопросов чести, долга, товарищества и достоинства офицерского звания, – которые, в конечном счете, обнаруживали единство взглядов офицеров по ряду принципиально важных позиций, – все они составили современное символическое содержание понятия «русский офицер»:

«Родина – святое и важное понятие для человека, особенно офицера. Он готов отдать для ее благополучия, процветания и независимости все. Нет больше чести, «как положить душу за други своя...». «Закон для офицера свят и нерушим. А его исполнение – высочайший долг». «Войско, крепко спаянное дисциплиной, на войне представляет собой организованную массу, девиз которой: «Победить или умереть». «Не так важно уничтожить врага, как подорвать его уверенность в силах, заставить прекратить борьбу, подчинить своей воле». «Мы должны все время помнить, что окружены врагами... У России только два союзника – ее Армия и Флот».

«Офицером может быть только честный, добросовестный и достойный уважения человек. Лица, не отвечающие этим требованиям, должны быть удалены из офицерского корпуса». «Под товариществом понимается не попустительство, круговая порука и покровительство, а высокая требовательность друг к другу, основанная на доверии, порядочности, взаимной поддержке и выручке». «Старший по званию или по должности начальник – такой же офицер, лишь обладающий большими полномочиями и ответственностью». «Офицер стоит на страже общенациональных интересов, безопасности и покоя сограждан, неза-

висимо от того, к какому слою общества они относятся». «Офицер не имеет права участвовать в политической или классовой борьбе. Основная политическая линия офицера – безусловная поддержка законной власти» [5].

Не все из вышеизложенного применимо к символизму офицерской этики других государств. Равно, не все качества были на разных этапах российской истории относимы к отечественному офицерству. Известны периоды политической жизни, когда именно внутреннее осознание офицерской чести вступало в противоречие с представлениями о легитимности действующей или приходящей власти, что сподвигало людей в форме проявлять собственную политическую активность – неизменно трактуемую ими как мотивированную общенациональными интересами.

П. Бергер и Т. Лукман обращают внимание на то, что, несмотря на максимальную оторванность таких символических представлений от повседневного опыта, они оказывают большое влияние на организацию реальности повседневной жизни [1, с. 70]. Стабильность политических символов оказывает сильнейшее влияние на стереотипы общественного поведения конкретного общества. Резонно ожидать, что российский офицер, воспитанный на символах нестяжательства материальной выгоды за ратный труд и безоговорочного служения Родине, которой он единожды в жизни присягал, будет занимать несколько иную гражданскую позицию в части лояльности к законной власти, в вопросах политической активности, воинской и трудовой дисциплины, чем его коллега, воспитанный в другой со-

циально-политической и культурной формации.

Становление современного символического пространства страны в целом – это одновременно и сложный процесс, и состояние, выражающее качественные ступени, стадии развития страны. На основе анализа методологических подходов к исследованию многих отдельных сторон и проявлений данного феномена (к каковым, в частности, относится и офицерский этический дискурс) можно сделать вывод, что его суть состоит в длительном историческом процессе лингвокультурного и социально-политического преобразования отечественного информационного пространства в единое социально-экономическое, политико-правовое и культурно-информационное поле. Во многом благодаря функционированию символов становится возможным распространение политических идей, формирование и развитие государственных институтов управления.

Таким образом, несмотря на то, что символическое политическое пространство страны в значительной мере обусловлено экономическими и социокультурными силами, оно само активно формирует отчетливый политический контекст, стимулирующий государственную интеграцию, значимость и неприкосновенность национально-государственных границ, взвешенность и последовательность государственных интересов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Бычков В.В. Символизация в искусстве как эстетический принцип // Вопросы философии. – 2012. – № 3. – С. 81–90.
3. Грякалов А.А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос НОМО AESTHETICUS // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 49–57.
4. Зубов Н.И. Феликс Эдмундович Дзержинский: краткая биография. – М., ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – 96 с.
5. Каменев А.И. Наука побеждать. Часть 2. Как готовить войска к тому, что необходимо для успеха на войне [Электронный ресурс]. – М.: Новый диск, 2005. 1 электрон.-опт. диск (CD-ROM).
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. – Т. 46. – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1968. – 317 с.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
8. Социологический энциклопедический словарь / Ред. Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА-М: Норма, 1998. – 481 с.
9. Федорченко С.Н. Технологии применения политической символики «цветных революций» в России // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» [Сайт]. – М.: МГОУ, 2013. – № 1. – URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/286>.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Symposium, 2004. – 530 с.

УДК 321.01

Лутфуллин Д.Ф.*Московский государственный гуманитарно-экономический институт***К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ПРИНЯТИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, обуславливающие особенности механизма принятия политических решений в России, отмечается влияние дестабилизирующих факторов политического характера на национальную безопасность страны, отмечается важность проведения анализа факторов стабильности политической сферы для оценки эффективности механизма принятия политического решения.

Ключевые слова: механизм принятия политических решений, стабильность политической сферы, оценка эффективности механизма принятия политических решений.

D. Lutfullin*The Moscow State Social-Humanitarian Institute***TO THE QUESTION OF THE MECHANISM OF POLITICAL
DECISIONS ADOPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article considers the factors determining the specific features of the mechanism of political decisions adoption in Russia. Besides, the influence of destabilizing factors, having political character, on the national security of the country is noted. The author notes that to assess the efficiency of the mechanism of the political decisions adoption it is important to analyze the factors of stability in political sphere.

Key words: mechanism of political decisions adoption, stability in political sphere, assessment of the efficiency of the mechanism of political decisions adoption.

Еще Аристотель, анализируя социально-политическую действительность античного общества, отмечал, что человек является «политическим животным», поскольку его жизнь предстает как форма проявления взаимодействия политических субъектов (индивидов, организаций, институтов и др.). Любая же форма социальных отношений предполагает постоянное принятие политических решений. Именно осуществление на практике принятых политических решений тем или иным субъектом политической

деятельности главным образом определяет социальную действительность общества или политический вектор его функционирования. Можно сказать, что от того, насколько эффективно функционируют механизмы принятия политических решений, зависит протекание политического процесса в обществе и в целом социально-политическое благополучие государства. В силу этого исследование особенностей механизма принятия политических решений в современной России представляется крайне актуальной темой.

© Лутфуллин Д.Ф., 2014.

Кроме того, современная трансформация российского общества характеризуется появлением в его структуре различных форм самоорганизации, что обуславливает процесс формирования действенных механизмов участия гражданского общества в выработке и принятии политических решений. В то же время, из-за пассивности и политического нигилизма значительной части населения, институты государственной власти сохраняют свою доминирующую роль в политическом процессе.

Механизм принятия политических решений в России имеет свою специфику. Но при всех различиях социокультурного и профессионального характера процедура принятия решений в качестве интеллектуальной деятельности имеет одни и те же основы, выстраивается в соответствии с общезначимым методологическим алгоритмом, состоящим из следующих фаз: уточнение объекта политического решения; неудовлетворенные интересы; конкретные недостатки; конечная цель принимаемого решения; средства реализации цели; основная решаемая проблема; выбор альтернатив; оформление решения [3].

Механизм принятия политических решений зависит от многих факторов, в том числе: соотношения политических сил в обществе, характера политического режима, способов осуществления власти, уровня ее легитимности, характеристик политической элиты, особенностей процесса принятия политических решений и т.д. Большое значение при оценке нестабильности имеет наличие или отсутствие глубоких «расколов» в обществе, т.е. культурных, идеологических и социально-экономических конфликтов

между социальными группами [см.: 5].

Главным показателем эффективности механизма принятия политических решений является высокая устойчивость социально-экономического и социально-политического развития общества в соответствии с объективно действующими закономерностями и тенденциями.

Опираясь на исследование Р.Т. Мухаева, определим факторы, обуславливающие особенности механизма принятия политических решений в России [2, с. 431–440].

1. Нечеткость и размытость границ политики и экономики, социальных и личных отношений. Политика в России не отделена от других сфер жизни в силу незрелости институтов гражданского общества, которые должны ее ограничивать. С одной стороны, наблюдается сокращение монополии государства на собственность и ресурсы. С другой – растет желание правящей элиты сохранить свое политическое влияние, в том числе путем создания «партий власти». Фактически ни один вопрос экономического, социального, духовного развития не решается без вмешательства властных структур.

2. Отсутствие в России (несмотря на предпринимаемые усилия) консенсуса между участниками политического процесса. Продолжает сохраняться неравенство возможностей их активного участия в политической жизни. Данное обстоятельство способствует культивированию с их стороны, наряду с общепринятыми средствами борьбы за реализацию своих требований, незаконных методов (коррупции, шантажа, подлога, насилия и т.д.).

3. Номинальное многообразие участников российской политической

жизни, реальная роль и политические функции которых достаточно ограничены. Способности политических партий выражать интересы гражданского общества весьма условны. Во-первых, потому, что сами эти интересы только начинают формироваться; во-вторых, современные партии скорее похожи на клиенты (лат. *clientela*, от *cliens* – клиент, то есть зависимый, подчиненный), объединяющие единомышленников вокруг политического деятеля, чем на форму связи власти с гражданским обществом. Данную особенность исследователи объясняют сложившейся в России политической традицией, заключающейся в концентрации власти, господства в одном центре (в дореволюционное время – у монарха, в советское – у руководства коммунистической партии, в современной России – у исполнительной ветви власти, прежде всего у Президента). В России, где принцип многопартийности не подкреплен значительным историческим опытом, многообразные общественные группы интересов могут занять существенное место в политической системе, выполняя, наряду с партиями, роль выразителей интересов граждан. Особую актуальность данная проблема обретает в свете поиска эффективных рычагов воздействия российского общества на процесс принятия органами власти политико-управленческих решений. Очевидной становится необходимость широкого применения таких форм представительства интересов, которые бы позволили экономическим и социальным субъектам влиять на государственную политику, ориентируя ее на удовлетворение реальных нужд и потребностей граждан.

4. Отсутствие в российском обществе единой коммуникационной системы. Власть рассматривает политическую коммуникацию только в контексте через призму построения жесткой вертикали. Сама коммуникация по сути сводится к информированию граждан о политических событиях с целью мотивации россиян. Диалог между властью и обществом посредством разветвленной системы трансляции требований граждан к властным структурам оставляет желать лучшего.

Наряду с перечисленными факторами следует отметить влияние дестабилизирующих факторов политического характера на национальную безопасность страны.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что «национальные интересы РФ на долгосрочную перспективу заключаются в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики, в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации». Также в Стратегии подчеркивается, что для предотвращения угроз национальной безопасности во внутривнутриполитической сфере необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом [4].

Для сохранения российской государственности, обеспечения безопасности и территориальной целостности современной России позиция руковод-

ства страны по регулированию внутривнутриполитических процессов исключительно важна.

Большое значение для оценки эффективности механизма принятия политического решения имеет анализ факторов стабильности политической сферы. Наиболее существенными из них являются: соответствие политического режима общепринятым в данном социуме нормам, правилам, традициям, соблюдение государством социально-экономических и политических прав граждан, признание группы лиц, находящейся у власти, со стороны других политических сил. О политической стабильности говорят, прежде всего, параметры социально-экономического развития страны, социальные индикаторы, показатели эффективности государственной власти (управления), продуктивности борьбы с коррупцией и эффективность работы спецслужб по защите конституционного строя. Нельзя не согласиться с той точкой зрения, что в качестве интегрального показателя политической стабильности можно рассматривать уровень поддержки населением институтов власти, а общим для всей политической безопасности – результативность проводимой государством политики [1].

В заключение отметим, что происходящие в современной России политические процессы отличаются сложностью, разнонаправленностью и отражают специфику развития государства в трансформационный период. В переходный период активизируются актуальные и потенциальные угрозы безопасности личности, общества и государства во всех сферах обществен-

ной жизни, вызванные действием дестабилизирующих факторов развития. Политическая система российского государства проходит трудные этапы становления как демократической системы. Наиболее важными направлениями политики становятся: формирование гражданского общества, правового государства, института свободных и честных выборов, многопартийной системы, подлинно национальной элиты и т.д. Все это требует выработки эффективного механизма государственного регулирования политических процессов, привлечения к принятию решений структур гражданского общества: политических партий, общественных организаций и объединений. Не менее важно и формирование у субъектов управления таких качеств, как оперативность, научность, смелость, неординарность, государственность и патриотизм.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лиханова И.В. Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций: Автореф. дис.... канд. полит. наук. – М., 2010. – 31 с.
2. Мухаев Р.Т. Теория политики. – М., 2005. – 624 с.
3. Сорина Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: Монография. – М.: Гардарики, 2005. – 253 с.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. – 2009. – 19 мая.
5. Абрамов А.В. Раскол электорального поля и перспективы патриотической консолидации современного российского общества // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2013. – № 5. – Т. 2.

УДК 32-321.02; 323.22/.28

Меланьин М.И.*Московский государственный областной университет*

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ БЕДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности и основные варианты решения проблем бедности. В результате анализа выявлена вариативная сущность политики социального государства и неоднозначность выбора того или иного механизма решения проблем бедности. Проводя анализ теории социального государства, автор использует нетрадиционный критический подход, акцентирующий внимание на том, что политика социального государства в большинстве случаев носит паллиативный характер и основывается на социальном контроле, легитимации и поддержке капитализма, а не его трансформации.

Ключевые слова: социальное государство, социальная политика, бедность, модель социального государства, общество потребления.

M. Melanin*Moscow State Regional University*

MAIN VARIANTS OF SOLVING POVERTY PROBLEMS THROUGH THE CONTEXT OF SOCIAL STATE FUNCTIONING

Abstract. The present article considers the specific features and the basic variants of solving poverty problems. The result of the analysis shows that the social state policy has a variable character, and the choice of schemes for solving poverty problems is ambiguous. While analyzing the theory of a social state the author uses the non-traditional critical approach which focuses attention on the fact that the policy of a social state in most cases has palliative character and is based on social control, legitimation and maintenance of capitalism, instead of its transformation.

Key words: social state, social policy, poverty, model of a social state, consumer society.

Генезис социального государства детерминирован необходимостью решения социальных, экономических и политических проблем в обществе, которые постоянно трансформируются и прогрессируют вместе с общим развитием социальной системы. К идее социального государства в последнее время все чаще апеллируют, как к идеализированному ориентиру

© Меланьин М.И., 2014.

общественного устройства, призванному нивелировать неравенство в обществе на основе справедливости и законности. В то же время неоднозначные результаты и вариативная сущность политики социального государства в отношении бедности остаются в стороне.

Борьба с бедностью традиционно признается ключевой характеристикой социального государства, однако,

на практике социальное государство не всегда обеспечивает минимальные стандарты благосостояния всем членам общества. Критерии-показатели социального государства либо не распространяются на все население страны, либо значительно усреднены. Результаты бурного экономического роста середины XX в., совпавшего с «золотым веком» государства благосостояния, перестали позитивно воздействовать на сокращение неравенства, в особенности на уровень и структуру бедности.

В большинстве легитимных социальных государств удовлетворение потребностей бедных имеет меньшее политическое значение, чем охрана благосостояния небедного электората за счет бедных [11, с. 29–48]. Статистические данные иллюстрируют продолжительное увеличение социальных расходов государств за последние 30 лет [8, с. 11, 41–46], но при этом диспропорции в доходах населения продолжают расти, обнажая острый социальный дисбаланс [7, с. 91].

Считаем уместным привести слова Жана Бодрийяра, который подметил, что «вся политическая игра Welfare State и общества потребления состоит в преодолении неравенства путем роста объема благ, перспектива выглядит как автоматическое уравнивание посредством количества благ и достижение конечного уровня равновесия, уровня тотального благосостояния для всех» [2, с. 74]. Абсолютный рост благосостояния и ВВП, выраженные в количественных данных, не обнажают неравенство на структурном уровне. Это **неравенство имеет место как внутри государств, между включенными в общество людьми и исклю-**

ченными из него, так и на международном уровне, где разрыв между неразвитыми народами и высоко-развитыми странами продолжает расти [1, с. 101–107; 3, с. 125; 8]. В докладе Всемирного банка о росте иллюстрируется, как сокращается бедность в целом, относительно абсолютных показателей, и как остается структурная бедность, относительно общей численности населения [3, с. 125].

Ж. Бодрийяр указывает на то, что «система при этом поддерживается с помощью собственной логики и тем обеспечивает свою конечную цель. ... она упрочивается вокруг некоторого показателя неравновесия, то есть включая, каким бы ни был абсолютный объем богатств, систематическое неравенство» [2, с. 77]. «Система поддерживается, только производя богатство и бедность, производя столько же неудовлетворения, сколько и удовлетворения, столько же вреда, сколько и прогресса. Ее единственная логика заключается в самосохранении, и в этом смысле ее стратегия состоит в удержании человеческого общества в неустойчивом положении, в постоянном дефиците» [2, с. 80].

В начале XXI в. в западной литературе разгорелась острая дискуссия, относительно понятия социального государства и его основного предназначения [2; 9; 12; 13]. В рамках этой научной дискуссии Д. Вейт-Вилсон указал на то, что государство благосостояния должно обеспечить минимальный реальный доход всем гражданам, а не только лишь определенной части населения. В этой связи ученый предлагает ограничить понятие «государство благосостояния» только теми государствами, которые обеспечивают

всем своим гражданам минимальный реальный уровень жизни, сокращая диспропорции в доходах до точки, где бедность будет упразднена [12, с. 312].

Позицию Д. Вейт-Вилсона оспорил Ч. Атертон, указавший на то, что социальное государство призвано обеспечивать только нужды трудоспособного населения, а не решать проблемы хронической бедности [9, с. 308]. В число «бедных» традиционно включались промышленные рабочие, розничные торговцы, мелкие фермеры, ремесленники и прислуга, то есть не только хронические нищие, но и весь рабочий класс, а также наиболее бедные представители среднего класса XIX и начала XX столетий [10, с. 1–2].

На основе научной полемики Вейт-Вилсона/Атертона о роли социального государства в решении проблем бедности можно сделать следующие выводы. Любое государство в той или иной степени решает проблемы бедности, причем делает это, в большинстве случаев, только в отношении определенной части своего населения. Существуют два основных идеальных варианта решения социальных проблем, связанных с бедностью, которые не встречаются в чистом виде в практике государства, однако они имеют свои прототипы в тех или иных моделях/режимах социального государства.

Согласно первому варианту, социальное государство упраздняет бедность среди тех прослоек населения, которые включены в общественную жизнь. Речь идет о бедных представителях трудящегося населения, гражданах, исправно выплачивающих налоги. Самая бедная и маргинальная часть населения при этом лишена доступа к социальному обеспечению и какой-

либо серьезной помощи со стороны государства. В этом случае структурная нищета не охватывается политикой социального государства. Более того, она служит неким социальным «пугалом», угрозой для тех, кто включен в общество. Бедность представляется как негативный жизненный сценарий в случае бездеятельности и безответственности индивида, всегда порицаемые в обществе. Бедность для членов общества выступает реальной опасностью, стимулирующей социальную конкуренцию.

В этом случае в государстве, как правило, фиксируется сильная поляризация доходов внутри общества, разрыв между доходами и потреблением самых бедных и самых богатых может достигать только по официальным данным соотношения 1:11, что значительно увеличивает социальную напряженность [14, с. 74–76]. Как правило, в странах с высокими показателями индекса человеческого развития фиксируется значительное неравенство в доходах, и это неравенство продолжает расти с каждым годом [4, с. 29]. В большинстве случаев такая ситуация наблюдается в либеральных и консервативных государствах благосостояния. Чрезмерное и нерациональное потребление вверху социальной пирамиды общества неизбежно ведет к его моральному и духовному разложению. В дальнейшем этот порок элиты транслируется на остальное общество, в первую очередь на средний класс. В государстве начинает господствовать общество потребления.

Согласно второму варианту, прототип которого реже воплощается на практике и соответствует социал-демократической (скандинавской) модели

социального государства, социальная политика направлена на упразднение всех проявлений бедности, в том числе и структурной нищеты. Включая самую маргинальную прослойку населения в социальную структуру общества и государства, социальное государство тем самым потворствует социальному иждивенчеству и безответственности «новых членов» общества, которые будут разъедать общество изнутри. Непродуманная безответная поддержка бедных приводит отнюдь не к сокращению, а к постепенному расширению соответствующей части населения, живущей на пособия от государства. Складывающаяся ситуация незамедлительно вызывает острые социальные конфликты, а также общий нестабильный климат в обществе. В данном случае иждивенчество и безответственность внизу социальной пирамиды общества приводит к его стагнации и разложению снизу.

Тренд развития социального государства в большинстве стран мира, бесспорно, имеет множество продуктивных аспектов для всего человечества. Однако не стоит чересчур идеализировать и апологизировать данный феномен, недостатки которого с новой силой проявляются в XXI в. *Политика социального государства в большинстве случаев носит не более чем паллиативный характер и основывается на социальном контроле, который следует рассматривать скорее как легитимацию и поддержание капитализма, а не как его трансформацию.*

Согласно распространенному в научной среде мнению, социальное государство в Российской Федерации находится на начальной стадии сво-

его развития [5, с. 238]. Поэтому для России особенно актуален вопрос о выборе той или иной модели/режима социального государства. Ступив на путь развития социального государства, РФ, также как и многие западные страны, в скором времени столкнется с той социальной дилеммой, которая поднимается в настоящей статье. От сегодняшнего политического решения будет зависеть объем и качество социальных проблем в будущем. Последствия этого решения не должны стать неожиданностью для государства. Принятие выбора пути дальнейшего социально-политического развития требует незамедлительного действия, направленного на ликвидацию прогнозируемых трудностей. Готовность к ним – первый шаг на пути эффективного разрешения социальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багдасарян В. Э. Советский проект и мировые тренды // «Обозреватель – Observer». – 2013. – № 1. – С. 96–113.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. Доклад о росте: стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. – М.: Весь Мир, 2009. – 177 с.
4. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. – М.: Весь Мир, 2013. – 203 с.
5. Калашников С. В. Очерки теории социального государства. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. – 362 с.
6. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М.: ИД «Высшая школа экономики», 2011. – 384 с.
7. Стратегии устойчивого роста и ин-

- клюдивного развития. – М.: Весь Мир, 2009. – 177, [xiii] с.
8. Adema W., Fron P., Ladalque M. Is the European welfare state really more expensive?: indicators on social spending, 1980–2012; and a manual to the OECD social expenditure database (SOCX) // OECD Social, Employment and Migration Working Papers № 124. – Paris: OECD, 2011. – 131 p.
 9. Atherton C. Welfare States: A Response to John Veit-Wilson // Social policy & Administration. – 2002. - Vol. 36. – № 3. – P. 306–311.
 10. Cowherd R. G. Political economists and the English Poor Laws: a historical study of the influence of classical economics on the formation of social welfare policy. – Athens: Ohio University Press, 1977. – 300 p.
 11. Sinfield A. Reverse targeting and upside-down benefits – How perverse policies perpetuate poverty // Poverty, inequality and justice / Edited by A. Sinfield. – Edinburgh: Univ. of Edinburgh, 1993. – P. 29–48.
 12. Veit-Wilson J. States of welfare: A response to Charles Atherton // Social policy & Administration. – 2002. – Vol. 36. – № 3. – P. 312–317.
 13. Wincott D. Slippery concepts, shifting context: (national) states and welfare in the Veit Wilson/Atherton debate // Social Policy & Administration. – 2003. – Vol. 37. – № 3. – P. 305–315.
 14. World development indicators 2012. – Washington: The World Bank, 2012. – 432 p.

УДК 329.8

Абрамов А.В., Федорченко С.Н.

Московский государственный областной университет

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ИДЕАЛЬНАЯ ПАРТИЯ РОССИИ»

Аннотация. Подводятся итоги студенческого исследовательского проекта «Идеальная партия России», проведённого при поддержке Московского областного отделения Российского общества политологов. Целью проекта являлось выделение «идеальных» качеств политических партий и лидеров путем социологического опроса граждан и интернет-голосования. Статья содержит результаты эмпирического исследования и рекомендации по партийному строительству в современной России.

Ключевые слова: партийное строительство, политическая партия, многопартийность, «идеальная партия», интернет-голосование.

A. Abramov, S. Fedorchenko

Moscow State Regional University

RESEARCH PROJECT «PERFECT PARTY OF RUSSIA»

Abstract. The article summarizes the results of the students' project "Perfect Party of Russia", conducted with the support of the Moscow regional branch of the Russian Society of Political Scientists. The aim of the project was to detect the "perfect" qualities of the Russian political parties and their leaders through the public opinion polls in Russia and through the Internet voting. The article contains the results of the empirical research and recommendations for party building in contemporary Russia.

Key words: party-building, political party, multi-party system, the «perfect party», the Internet voting.

Описание исследовательского проекта

Целью научной работы, проведённой в рамках Московского областного отделения Российского общества политологов [2], было не только изучение мнения граждан об «идеальных» ха-

© Абрамов А.В., Федорченко С.Н., 2014.

рактеристиках политической партии, но и разработка теоретической модели «идеальной партии» для Российской Федерации.

Над проектом работали студенты бакалавриата направления «Полито-

логия» II курса факультета истории, политологии и права МГОУ (Е.М. Лымарь (ответственный за проект), А.А. Белоусов, Н.Ю. Бенсауд, М.Д. Гришин, П.Р. Зимогляд, Т.М. Кабиров, Ю.В. Казимирова, И.С. Каптюхин, А.Е. Кизилов, А.А. Колчина, С.П. Литвинова, И.О. Мартьянов, А.И. Марченков, Т.А. Павлов, Р.Н. Панасов, Е.С. Прасолова, Е.С. Рузавина, Г.Ю. Ряполов, А.Ю. Филенкова, Н.И. Хохановский, Е.И. Хохановский, И.В. Чеботарева, А.А. Шестаков, Ю.Г. Шестакова). Кураторы проекта – к. полит. н., доц. каф. политологии и права МГОУ А.В. Абрамов, к. полит. н., доц. каф. политологии и права МГОУ С.Н. Федорченко.

Проектная группа провела опрос и интернет-голосование для выявления партийных предпочтений граждан. Начало опроса и интернет-голосования – 8 ноября 2013 г., окончание и аналитическая обработка данных – 8 декабря 2013 г.

Опрос состоял из трех вопросов с вариантами ответов (1. «Какой должна быть идеология идеальной партии РФ (партии, за которую бы Вы стали го-

лосовать на выборах)?» (можно было выбрать не более 3-х вариантов); 2. «Какими качествами должен обладать лидер Идеальной партии РФ (партии, за которую бы Вы стали голосовать на выборах)? – нужно выделить в каждом пункте»; 3. «Какие сферы должны затрагивать партийные проекты Идеальной партии РФ?» (можно было выбрать не более 3-х вариантов).

В опросе участвовали 100 человек. Респонденты могли заполнить опросный лист в электронном виде или на бумажном носителе. Каждый участник опроса мог дополнить опросный лист собственным вариантом ответа, если это было, с его точки зрения, необходимо.

Интернет-голосование преследовало цель дополнительно изучить идеологический аспект и состояло из одного вопроса – «Какой должна быть идеология Идеальной партии РФ (партии, за которую бы Вы стали голосовать на выборах)?». В интернет-голосовании участвовали 357 человек. Оно было размещено на сайтах vk.com и facebook.com.

Результаты исследовательского проекта

Согласно социологическому исследованию, на первый вопрос ответы респондентов распределились следующим образом: социал-демократия – 145 голосов, либерализм – 108, национализм – 89, коммунизм – 49, экологизм – 44, монархизм – 40, консерватизм – 25, либертарианство – 24, фашизм – 18, анархизм – 13 голосов¹. Как видно, большинство опрошенных симпатизируют социал-демократии. И в этом

¹ Всего 555 голосов, из них: 198 – соцопрос, 357 – интернет-голосование.

заключен парадокс российского политического поля: есть спрос на социал-демократию, но отсутствует популярная социал-демократическая партия.

Ответы на второй вопрос следующие: о том, что лидером партии должен быть мужчина, утвердительно ответили 75 респондентов, женщина – 10, не имеет значения – 15. Большинство (52 голоса) указало для партийного лидера возраст 30-40 лет, 33 голоса – 41-50 лет, 10 – 51-60 лет, 2 – 21-30 лет, 2 – не имеет значения, 1 – старше 60 лет. Подоб-

ные результаты можно объяснить тем, что респонденты хотят своеобразной ротации партийных лидеров.

83 респондента видят лидера партии семейным человеком, 10 – не семейным, для 7 – не имеет значения. 78 человек считают, что у лидера должны быть дети, 9 считают, что не должны, для 11 – не имеет значения, 2 – должно быть несколько детей [1]. Данные итоги ярко характеризуют тот факт, что в российской политической культуре ещё сильны традиционные ориентиры.

При ответе на вопрос об отрасли образования 49 респондентов выбрали политологическое, 33 – юридическое, 33 – экономическое, 12 – психологическое, 10 – техническое, 9 – военное, 3 – естественнонаучное, 3 – другое, 2 – не имеет значения. Уровень образования лидера партии должен быть, по мнению респондентов таким: 42 голосов – высшее, 42 – несколько высших, 11 – кандидат наук, 3 – доктор наук, 2 – не имеет значение. Такие цифры можно объяснить тем, что у общества повысились запросы к отечественной профессиональной политике.

Для 78 опрошенных имеет значение внешний вид лидера партии и лишь для 22 – не имеет. 74 респондента считают, что лидер должен быть русским по национальности или хотя бы «по духу», 26 с этим не согласны. 77 считают, что партийный лидер должен быть близким к народу, против этого – 23. Абсолютное большинство респондентов (96 голосов) считают, что партий-

ный лидер должен проводить встречи с избирателями, 4 с этим не согласны.

На третий вопрос респонденты ответили таким образом: образование – 72 голоса, культура – 28, спорт – 16, доступное жильё – 32, ЖКХ – 22, экология – 27, медицина – 67, наука – 20, другое – 10 голосов (трудоустройство – 7, общественная безопасность – 2, соц. защита – 1). Таким образом, большинство респондентов видят решение социальных проблем в базовой сфере – улучшении образовательной политики.

На основании полученных данных проектная группа составила рекомендации для «идеальной партии» России как в области названия и символики, так и в сфере её программы (образование, здравоохранение, культура, социальная сфера, экология, экономика, жильё и ЖКХ, семейные ценности, борьба с коррупцией, миграционная политика, партийные проекты).

Более подробно с результатами исследовательского проекта можно ознакомиться на специальной странице сайта Московского областного отделения Российского общества политологов [1].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Проект «Идеальная партия России» [Электронный ресурс] URL: <http://politmos.ru/543-proekt-idealnaya-partiya-rossii.html> (дата обращения: 05.01.2014).
2. Российское общество политологов. Московское областное отделение [Сайт] URL: <http://politmos.ru> (дата обращения: 05.01.2014).

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ:

на книгу: Н.Б. Голиков. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в. Из научного наследия / Сост. Н.В. Козлова, В.Н. Захаров, И.Е. Тришкан. – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. – 336 с.

Профессор Московского государственного университета Н.Б. Голикова (1914–2008) принадлежит к числу ведущих отечественных исследователей истории российского купечества XVII – начала XVIII вв. Заслуженное признание получила ее фундаментальная монография о гостях и гостинице: «Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в.», опубликованная в 1998 г. Однако, по замыслу автора, эта книга должна была стать первым томом всего исследования данной темы, над которой автор работала в течение многих десятилетий своего творчества в науке и подготовила ряд глав, не вошедших в опубликованную монографию. В связи с этим весьма важной и актуальной представляется публикация научного наследия Н.Б. Голиковой. Основой публикации является не завершённый автором текст второго тома монографии о привилегированном купечестве.

Знакомство с книгой позволяет утверждать, что ее содержание несколько шире заявленного названия. Это представляется вполне оправданным, так как составители попытались во всем многообразии и сложности пред-

ставить и творческую лабораторию ученого-историка. Соответственно, структура книги включает в себя несколько частей. Начальную часть издания научного наследия Н.Б. Голиковой предваряют небольшие очерки составителей о замысле публикуемой монографии и принципах реконструкции ее второго тома (Н.В. Козлова) и об историографическом значении трудов ученого (В.Н. Захаров). Вторую часть книги составили материалы к научной биографии Н.Б. Голиковой. Сюда вошли очерк о ее жизни и деятельности (Н.В. Козлова, И.Е. Тришкан), список опубликованных научных трудов. Особое значение имеет помещаемая в книге опись научного архива Н.Б. Голиковой (составители Н.В. Козлова, М.В. Николаева). Опись дает представление о тысячах листов выписок, сделанных Н.Б. Голиковой при работе с архивными документами, что со всей очевидностью подтверждает один из важнейших методологических принципов ее научного творчества – первичное и основополагающее значение исторического факта, установленного со всей достоверностью, в системе доказательств и аргументов при построении научной теории или концепции.

В этой связи особый интерес представляют сведения о самой Нине Борисовне Голиковой как об ученом, педагоге, наставнике и друге. По справедливому мнению составителей, Н.Б. Голикова занимает особое место среди видных ученых, ставших основателями научных школ. Она являлась крупнейшим специалистом в изучении истории России XVII – XVIII вв., первоклассным знатоком архивных фондов и материалов, автором многочисленных научных трудов, в том числе пяти фундаментальных монографий. Под ее руководством защищены десятки дипломных работ, а многие ее ученики стали известными историками, кандидатами и докторами наук.

Н.Б. Голикова многие годы отдала преподавательской работе, читала общий курс по истории России, спецкурсы, просеминарские занятия, руководила работой дипломников, аспирантов и стажеров. Ею опубликованы учебные пособия и методические статьи по разным вопросам преподавательского мастерства. Вполне справедливо утверждение и о том, что она сыграла выдающуюся роль в организации и становлении на кафедре архивной практики. Умение привить любовь к истории и к научному поиску было неотъемлемой чертой ее научно-педагогической деятельности.

Непосредственно обращаясь к публикации текста монографии «Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI – первой четверти XVIII в.», следует отметить, что она состоит из введения, двух глав и шести параграфов. Во введении подчеркнуто, что это издание является продолжением первого тома исследования и она посвящена выяснению

роли и места гостей и гостиной сотни в социально-экономической и политической жизни русского государства того времени. При этом особо оговаривается, что решение этой задачи осложнялось тем, что существование названной корпорации приходилось на длительный исторический период, в течение которого произошла заметная эволюция государственного строя в России, включая периоды образования централизованного государства, сословно-представительную монархию и становление абсолютизма. Несомненно, изменение форм государственного строя сопровождалось определенной трансформацией структуры русского общества, при котором исчезали прежние и складывались новые сословия и сословные группы. Этот процесс неизбежно вел к постоянной модификации законов, влекущих за собой существенные перемены в правовом положении отдельных сословий. В этом плане исключением не являлись и корпорации гостей и гостиной сотни, права которых менялись в зависимости от реальной исторической ситуации.

В первой главе, посвященной рассмотрению прав привилегированных купеческих корпораций, показано место гостей и членов гостиной сотни в структуре русского общества, охарактеризованы их земельные права в XVI – первой четверти XVIII в. По наблюдениям Н.Б. Голиковой, в это время права привилегированных корпораций оформлялись постепенно и расширялись в особенности в XVII в., и эти изменения определялись такими факторами, как функционирование городской среды и политика правительства в отношении русского города. Характерно, что правительственная

политика была весьма гибкой и динамичной, учитывающей специфику гостей и государственные интересы. Широкий круг разнообразных привилегий свидетельствует о двойственности сословно-правового положения этой влиятельной части богатых горожан. Рассмотрев вопрос о землевладении и землепользовании гостей и гостиной сотни, автор пришла к обоснованному выводу о том, что производственная деятельность и товарное хозяйство этой категории населения могли развиваться только в узких, типичных для феодальных отношений рамках.

Содержание второй главы наиболее обширно и включает четыре параграфа, в которых последовательно рассматривается проблема «службы» представителей привилегированных купеческих корпораций, включая такие аспекты, как вопрос о ведении гостиных служб в XVI в. и формирование системы отдельных поручений, службы в денежном производстве, таможенной системе, в Сибирском приказе.

Для реализации этого замысла автором был привлечен широкий круг самых разнообразных источников, включая законодательные материалы (Судебники XVI в., Соборное Уложение 1649 г. и др.), памятники юридической мысли, уставные грамоты XVI–XVII вв., регламенты коллегий и различные уставы начала XVIII в., различные жалованные грамоты. Ценными оказались материалы так называемого обычного права, широкий круг делопроизводственной документации. Будучи блестящим знатоком исторических источников, Нина Борисовна

провела глубокий содержательный анализ их информационных возможностей и дала последовательное изложение сословно-социальных прав и службы привилегированных купеческих корпораций России XVI – начала XVIII вв.

Каждый из этих разделов завершается обоснованными выводами, хотя следует признать, что отсутствие заключения к этой монографии Н.Б. Голиковой вполне объяснимо в силу сложившихся обстоятельств. В этой связи тем более важно подчеркнуть громадную работу, которую провели составители Н.В. Козлова, В.Н. Захаров, И.Е. Тришкан, которые для себя считают важным подчеркнуть, что эта работа является исполнением «своего долга перед светлой памятью Учителя». Действительно, представленный материал свидетельствует о том, что при подготовке к печати научного наследия Н.Б. Голиковой составители провели тщательную и кропотливую работу по выявлению, обработке и систематизации архива своего дорогого учителя. В этом им неоценимую помощь и всестороннее содействие им оказала дочь Нины Борисовны – Ирина Анатольевна Авессаломова, доцент географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а также многочисленные ее ученики и сотрудники архивов.

В целом, творческое наследие Н.Б. Голиковой будет востребовано еще многими поколениями историков. Ее имя навсегда останется в отечественной исторической науке.

*Доктор политических наук,
профессор Иванов И.Г.*

РЕЦЕНЗИЯ

на учебное пособие: А.В. Абрамов. 12 лекций по политологии. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 260 с.

Необходимость создания учебного пособия по политологии обусловлена общей ситуацией, сложившейся на сегодняшний день в преподавании данной вузовской дисциплины. Политология как наука и учебная дисциплина изучается и преподаётся в России относительно недолгое время: дисциплина официально признана с 1989 г., а первые учебные пособия появились на год-два позже. Именно кратким периодом существования политологии можно объяснить недостаточное учебно-методическое обеспечение данной дисциплины.

За последние 20 лет в Российской Федерации были изданы или переведены на русский язык различные учебные пособия, посвящённые политической науке. Среди спектра учебных пособий по политологии особое значение имеют книги Г. Алмонда [2], В.П. Пугачёва и А.И. Соловьёва [7], М.Н. Марченко [5], Ю.В. Ирхина [3], В.Н. Лавриненко [4], А.Ю. Мельвиля [6] и др. Эти учебные пособия, равно как и монографии, адресованные студентам и практикующим политологам, способствовали развитию и популяризации политической науки в обществе. И тем не менее, развитие политологии как науки, учебной дисциплины и самостоятельной отрасли знаний не стоит на месте и требует совершенствования понятийно-категориального аппарата, методологии, приращения классических концепций и парадигм новыми знаниями.

Рецензируемое учебное пособие А.В. Абрамова [1] является откликом на потребности науки и практики, тем более, что учебные пособия по проблемам политической науки вызывают интерес не только у бакалавров, магистров и аспирантов, но и у всех тех, кто интересуется политической жизнью в стране и мире.

Рецензируемое пособие отличается логически выстроенной структурой. Книга построена в форме лекций, дополненных многочисленными «врезками», содержащими схемы и таблицы, в которых содержатся конкретные данные (результаты социологических опросов, рейтингов, официальные итоги проводимых избирательных кампаний и т.д.) о современной политике, происходящих в стране и в мире политических процессах. Каждая из лекций снабжена выдержками из работ различных политических деятелей, мыслителей прошлого и современности, известных политологов, юристов, социологов или историков. Объем книги невелик (260 с.), что компенсируется высокой концентрацией материала.

Композиционно все лекции выстроены сходным образом: «вступительное слово автора», план изучения темы, три-четыре основных вопроса темы и общий вывод.

Пособие открывается традиционной темой о политологии как науке, где рассмотрены вопросы о предмете,

статусе, функциях и методах политической науки.

Особое место в пособии заняла история политических учений, очерк развития которой, начиная с античного периода и заканчивая эпохой новейшего времени, представлен в трёх лекциях: одна лекция освещает мировую политическую мысль до начала XX в.; вторая – посвящена особенностям российской политической мысли; третья – парадигмам и научным школам в современной политологии. Последняя лекция вызывает наибольший интерес, поскольку автор предпринимает попытку рассмотреть современную политическую науку «во времени и пространстве». Использование концепции смены научных парадигм Томаса Куна позволяет А.В. Абрамову рассмотреть XX столетие как последовательную смену политологических концепций; а применение понятия «научная школа» – выделить современные западноевропейскую, американскую и незападную политологию. Вопрос о принадлежности российской политологии к той или иной школе автор оставляет открытым.

В других лекциях рассматриваются проблемы политической власти, политических систем, политического управления, политической стратификации общества, политического лидерства и форм политического участия граждан.

Так, например, в лекции, посвящённой политической власти, даны её различные определения, проанализированы её свойства, структура властных отношений, типология политической власти. Рассмотрены концепции известных учёных Макса Вебера, Мориса Дюверже, французских просветителей

Шарля Луи Монтескье и Жана Жака Руссо.

Особое внимание автора уделено политическому лидерству, причинам его возникновения, особенностям и критериям, его типологии. Приведённый материал подкрепляется эмпирическими данными: графиком популярности политиков России XX столетия, рейтингом самых влиятельных лидеров современного мира.

Помимо вопроса о политическом лидерстве, в лекции рассмотрены вопросы о политической элите. В тексте представлены как классические концепции элитизма (Вильфредо Парето, Гоэтано Моска и Роберт Михельс), так и современные теории (Д. Хигли и Я. Пакульски, О.В. Крыштановская, О.В. Гоман-Голутвина и др.). В пособии рассмотрены различные способы рекрутирования политической элиты (антрепренерская система и система гильдий). Особый интерес представляет составленная А.В. Абрамовым сравнительная таблица российской элиты, выделенной методами социологического опроса, экспертной оценки и контент-анализа прессы. Представленные автором данные позволяют студенту на практике оценить эффективность применения различных подходов к выделению элиты.

В учебном пособии детально освещаются вопросы, посвящённые участию граждан в выборах, референдумах, митингах, шествиях и т.п. При этом политическое участие подразделяется на автономное (которое можно охарактеризовать, как самостоятельное и осознанное) и мобилизованное (которое осуществляется с помощью воздействия и давления других субъектов, приводящее к искажению первоначальных симпатий и антипа-

тий субъекта); конвенциональное (т.е. традиционное, не выходящее за рамки действующих законов) и неконвенциональное (нетрадиционное, протестное). Данные типологии подкреплены данными ВЦИОМ 2004-2011 гг., характеризующими особенности политического участия российских граждан. Для сравнения автором приведены данные о политическом участии граждан США, Великобритании, ФРГ, Италии, Австралии, Нидерландов, Финляндии и Швейцарии.

В рамках политического участия отдельно рассмотрен вопрос о политическом абсентизме, причинах, его порождающих. А.В. Абрамовым выделены типы абсентистов и на примере избирательных кампаний в России проанализированы причины неучастия россиян в общественной и политической жизни.

В лекции о политической системе общества рассматриваются и оцениваются институциональный (Морис Дюверже), функциональный (Дэвид Истон), структурно-функциональный (Габриэль Алмонд) подходы к определению этого феномена; дана характеристика структуры, признаков и функций политической системы. Не обойдены вниманием автора и государственные институты (институты Президента, парламента, исполнительной и судебной властей) и негосударственные структуры (институты гражданского общества) современной России.

Одна из лекций учебного пособия полностью посвящена типологии политических систем, которые подразделяются по формам правления, территориально-государственному устройству и политическому режиму. Интересной, хотя и дискуссионной, представляется

точка зрения А.В. Абрамова на тоталитаризм, который характеризуется автором пособия не как политический режим, а как идеологический штамп, созданный в период «холодной войны» и используемый поныне в политических, а не в научных целях.

Значительный интерес вызывает и лекция о политической культуре. Здесь автор отошел от характерного для большинства учебных пособий абстрактного подхода к проблеме и сконцентрировал свое внимание на возможности применения классических концепций Габриеля Алмонда, Сиднея Вербы и Рональда Инглхарта к современным российским реалиям. И хотя эмпирический подход указанных исследователей к политической культуре неоднозначно оценивается другими политологами, сама попытка поговорить о современной российской политической культуре на языке измеряемых показателей заслуживает внимания.

Пособие насыщено современным эмпирическим материалом, позволяющим изучить российские и мировые политические явления и процессы на конкретных примерах. Именно это обстоятельство позволяет охарактеризовать рецензируемый труд как сбалансированный с точки зрения теории и практики.

В целом учебное пособие является современной, выполненной в соответствии со стандартами (ФГОС) третьего поколения книгой, которая без сомнения будет интересна не только студентам разных форм обучения, но и всем интересующимся проблемами современной политической науки.

*Кандидат политических наук,
Алексеев Р.А.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамов А.В. 12 лекций по политологии: учеб. пособие для бакалавров. – М.: ИИУ МГОУ, 2013. – 260 с. - URL: <http://vestnik-mgou.ru/Books/GetBook/21>
2. Алмонд Г., Пауэлл Д., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 560 с.
3. Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология ДОС. Учебник. – М.: Юрист, 2002. – 511 с.
4. Политология: курс лекций / В.Н. Лавриненко, Ж.Б. Скрипкина, В.В. Юдин. – М.: Волтерс Клувер, 210. – 400 с.
5. Политология: курс лекций. / Под ред. М.Н. Марченко – 4-е изд-во, перераб. и доп. – М. Юрист, 2003. – 683 с.
6. Политология / Мельвиль А.Ю и др. – М.: Проспект, 2013. – 624 с.
7. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 479 с.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: abram-off@mail.ru

Агафонова Наталья Николаевна – соискатель кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: nat.agafonowa2014@yandex.ru

Алексеев Роман Андреевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: antonida08@rambler.ru

Артамонова Ярославна Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры политической экономии и политологии Московского технического университета связи и информатики; e-mail: artamonova@etspir-mtuci.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: vardanb@mail.ru

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: volobuevov@yandex.ru

Вьялкин Сергей Александрович – соискатель кафедры философии Вологодского государственного педагогического университета; e-mail: muzzampolit@yandex.ru

Данилов Александр Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии педагогических и социальных наук, советник издательства «Просвещение» по вопросам гуманитарного образования (г. Москва); e-mail: prosv@prosv.ru

Дятлов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент Михайловской военной артиллерийской академии (г. Санкт-Петербург); e-mail: v.milbach@yandex.ru

Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: Kaf-nnir@mgou.ru

Зорин Алексей Эдуардович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: alieksiei.zorin@inbox.ru

Иванов Ананий Герасимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета; e-mail: anani@marsu.ru

Кафар-заде Ламия Расимовна – докторант отдела истории Азербайджана в средние века Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной академии наук Азербайджана (г. Баку); e-mail: leo_558@mail.ru

Каширина Татьяна Владиславовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России (г. Москва); e-mail: Kashirina73@mail.ru

Лавров Дмитрий Владимирович – аспирант факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: Lavrov_DV@mmbank.ru

Лутфуллин Динарис Фанисович – соискатель кафедры социологии Московского государственного гуманитарно-экономического института, заместитель начальника отдела Федерального агентства по управлению государственным имуществом (г. Москва); e-mail: Lutfullin_D_F@rosim.ru

Макаренков Максим Вячеславович – аспирант кафедры зарубежной истории Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова; e-mail: mgoru-pokrov@mail.ru

Меланьин Михаил Игоревич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: slishmish@mail.ru

Павлина Татьяна Викторовна – тьютор отдела дистанционного обучения института дистанционного обучения, переподготовки и повышения квалификации Российской таможенной академии (Московская область, г. Люберцы); e-mail: tatyana_pavlina@mail.ru

Репников Александр Витальевич – доктор исторических наук, заместитель начальника Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (г. Москва), профессор Российского университета театрального искусства (г. Москва); e-mail: rgaspi@inbox.ru

Скаковский Александр Александрович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: uomostorico@gmail.com

Смоленский Николай Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: fakul-ipp@mgou.ru

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

2014. № 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» И.А. Потапова
литературный редактор О.В. Волобуев
переводчик Е.В. Приказчикова
корректор Н.Л. Борисова
компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 8,5, усл. п.л. 8,5.
Подписано в печать 21.02.2014. Заказ № 14.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а